Миграция XXI век

информационно-аналитический журнал № 2 (сентябрь 2010)

главная
тема номера

ИНТЕГРАЦИЯ

Константин Ромодановский,

директор
Федеральной миграционной
службы России:

«...Миграция — сфера тонкая. Где-где, а уж у миграционной политики обязательно должно быть «человеческое лицо»

МИРПАЛ

(MIRPAL — Migration and Remittances Peer-Assisted Learning) —

международная сеть практиков и экспертов
в сфере миграции и денежных переводов.
Сеть объединяет специалистов из 9-ти стран Европы и Центральной Азии:
Армении, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Кыргызстана,
России, Узбекистана , Украины и Таджикистана.

МИРПАЛ создан по инициативе и при поддержке Всемирного банка.

Роль Секретариата сети исполняет Общественный фонд «Миграция XXI век».

Цель МИРПАЛ — содействовать продвижению к единому миграционному пространству на территории стран Содружества через консолидацию усилий всех заинтересованных участников миграционных процессов.

МИРПАЛ — новый институт так необходимого, еще только формирующегося миграционного взаимодействия на постсоветском пространстве.

Уникальность сети в том, что она объединяет практически всех причастных к миграции представителей как государственного сектора, так и гражданского общества, как в странах исхода, так и в странах приема мигрантов.

МИРПАЛ — открытое сообщество, куда входят на равных известные ученые в области миграции, лидеры авторитетных общественных организаций и ответственные работники органов власти и управления.

Не формализованная, независимая структура Сети позволит избежать субъективистских, узковедомственных и дискриминационных подходов к решению проблем и в то же время безусловно повысит эффективность интеграционных процессов как во взаимоотношениях стран исхода и приема, так и в положении самих мигрантов.

Основные задачи МИРПАЛ:

- Разработать стратегические рекомендации и осуществить практические инициативы, нацеленные на улучшение политики в области трудовой миграции в государствах — участниках МИРПАЛ.
- Создать платформу для диалога между государственными и негосударственными участниками.
- Укрепить возможности и базу знаний всех членов Сети с помощью установления непосредственных деловых связей, а также анализа успешных мировых практик.

Секретариат МИРПАЛ совместно со Всемирным банком проводит для участников Сети регулярные видеоконференции и обучающие семинары, на которых происходит обмен опытом и обсуждаются наиболее актуальные вопросы в сфере трудовой миграции и денежных переводов мигрантов.

На сайте сети (**www.mirpal.org**) размещаются аналитические материалы участников Сети и экспертов Всемирного банка, а также статьи журнала «Миграция XXI век».

Контакты секретариата МИРПАЛ:
E-mail: migr21@mail.ru **Телефон/факс: +7 (495) 781 20 26.**

Учредители журнала:
Общественный фонд «Миграция XXI век»
Союз журналистов России

Общественный редакционный совет журнала «Миграция XXI век»

БОГДАНОВ Всеволод Леонидович — президент Союза журналистов России

ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич — директор Института демографии ГУ Высшей школы экономики

ВОРОБЬЕВА Ольга Дмитриевна — доктор экономических наук, зав. кафедры РГСУ

ГОНТМАХЕР Евгений Шлемович — заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН

ЗАЙОНЧКОВСКАЯ Жанна Антоновна — зав. лаборатории миграции населения Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

ИВАХНЮК Ирина Валентиновна — доктор экономических наук, зам. заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

ИЛАРИОНОВА Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы при президенте РФ

КОРТУНОВ Андрей Вадимович — президент фонда «Новая Евразия»

ПОСТАВНИН Вячеслав Александрович — президент фонда «Миграция XXI век»

ТОМЧИН Григорий Алексеевич — президент Фонда законодательных инициатив

ТЮРЮКАНОВА Елена Владимировна — директор Центра миграционных исследований

ЮФЕРОВА Ядвига Брониславовна — зам. главного редактора «Российской газеты»

Главный редактор — **ГРАФОВА Лидия Ивановна**, председатель исполкома «Форума переселенческих организаций», член Правительственной комиссии по миграционной политике
l.grafova@mail.ru

Ответственный секретарь и верстка – **Вероника Цоцко**
Дизайн – **Кирилл Быков**
Корректура – **Маргарита Ульянова**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследства ПИ № ФС77-40377 от 09 июня 2010 г.

При использовании материалов ссылка обязательна. Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редакционного совета. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов.

Тираж 3500 экз.
Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»
111116, Москва, Энергетический пр., дом 30, строение 1
Заказ 1626

Адрес редакции: 105037, г. Москва, ул. Никитинская, д. 8, корп. 1
Тел. (факс): +7 (495) 781-20-26
Тел.: +7 (916) 653-85-61

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие журналу
2 Чтобы влиять, надо жить долго • *В. Тишков*

Миграция без милиции?
3 «Проблема не в том, что их (мигрантов) много, а в том, что нас (россиян) мало» • *К. Ромодановский*
7 Развод по-милицейски • *Л. Графова*

Сбережение народа
9 Репатриация как моральный долг • *С. Градировский*
18 Слухи о вымирании россиян преувеличены, но… • *В. Елизаров*

Миграционная политика для России
12 Так нужны или не нужны России мигранты? • *Л. Рыбаковский*

Развенчание мифов
14 Когда же кончится война с «китайской угрозой»? • *Ж. Зайончковская*
21 Можно ли гастарбайтеров заменить безработными россиянами? • *Н. Мкртчян*

Страдания по гражданству
23 «Вытворяют» из России • *Л. Графова*
27 Кресты на мигрантских могилах • *Г. Рагозина*

Немедленный отклик
25 Правовое решение будет принято • *В. Плигин*

Миграция в мире
29 Каждый еврей имеет право... • *Бен Адам*
32 Дети нежнейшего цвета «беж» • *М. Фетисова*

ИНТЕГРАЦИЯ
главная тема

36 Ксенофобия просто непрагматична • *В. Мукомель*
40 Жестокое унижение мигрантов унижает и нас, россиян • *О. Брусина*
43 «Русскость» — это способность народа вместить все культуры • *В. Поставнин*
47 Полезные уроки для стран СНГ • *М. Холматов*
51 Что такое «Индекс интеграционной политики ЕС»
52 Как нам, разным, жить вместе, оставаясь самими собой • *С. Ганнушкина*
55 Живешь в Германии, но живешь как на дне... • *Г. Суппес*
60 Когда сердцем прирастаешь к земле • *В. Богданов*

Архив нетленных истин
61 Мир въезжающему, или Человек на административном сквозняке • *П. Полян*
62 Война против себя • *В. Переведенцев*

«Форум переселенческих организаций» в лицах
65 Моя чужая война • *Е. Смирнова*

Издание журнала финансируется по проекту Всемирного банка

Валерий Тишков,
академик РАН,
член Глобальной комиссии ООН по международной миграции

Чтобы влиять, надо жить долго

Внимательно прочел первый номер журнала «Миграция XXI век». И искренне порадовался: наконец-то появилось издание по-настоящему профессионально честное и научно добротное. О миграции сегодня пишут много, в том числе специальные журналы выходят, но все это какие-то подобия информационных брошюр и полуофициозных бюллетеней. А этот журнал сразу же обрел продуманную структуру своих рубрик, отличный авторский коллектив, подвижника-редактора, солидный Общественный редакционный совет и авторитетных учредителей. А о таком спонсоре, как Всемирный банк, можно только мечтать. Итак, сердечно поздравляю своих коллег и единомышленников, особенно главреда Лидию Графову!

Учитывая мое серьезное отношение к журналу, сразу же хочу высказать несколько пожеланий.

Легко начать издание, но труднее его поддерживать на должном уровне и на протяжении долгого времени. А журналы должны издаваться долго, чтобы появилась своя аудитория, в том числе и подписная, чтобы сложился авторский актив, чтобы заслужилась репутация полезного и интересного издания. Для этого нужно создавать журнальный портфель, чтобы был отбор и время для доработки текстов по замечаниям экспертов-рецензентов, которых редакция обязательно должна иметь.

Кстати, такой журнал нужен и в списке изданий ВАКа, где публикуются научные работы соискателей ученых степеней. Миграционная тематика — это обширная сфера научных исследований, и в мире десятки журналов по миграционным проблемам, в том числе есть международные периодические издания. С ними нужно установить контакт, возможно — помещать в журнале переводные перепечатки статей о мировом опыте и об опыте отдельных стран в решении проблем миграции.

Конечно, такой компетентный журнал нужен не только ученым, но, может быть, в первую очередь практикам, работающим в сфере миграции. Им недосуг читать наши объемистые научные труды, да и на семинары руководящие работники ходят не часто, а журнал обеспечит им общение с ведущими экспертами, как говорится, с доставкой на дом. Считаю, что в интересах Федеральной миграционной службы приобщать к новым миграционным веяниям и своих региональных сотрудников; для этого журнал должен рассылаться по России.

Успех периодического издания определяется его профессионализмом и актуальностью. Нельзя бесконечно перепевать старые сюжеты, даже если они реально существуют десятилетиями и никак не решаются. Писать о застарелых больных проблемах, конечно, нужно, но освещать их следует каждый раз более углубленно, угадывая «нерв времени». Ну, а главное — это поднимать такие вопросы и открывать такие аспекты миграции, которые малоизвестны или плохо понимаются.

В каждой серьезной статье должно содержаться какое-то новое знание. Ибо мифологии, упрощений и откровенной лжи в миграционной тематике существует с избытком. А еще хуже — это фарисейство и аморальность по отношению к судьбе мигрантов, когда толкуют только о рисках и ни слова о пользе миграции или о шкурном наживательстве на мигрантах и о преступном обращении с людьми.

Миграция — это проблема не только экономическая, социально-культурная и политическая, это и нравственная проблема, своего рода тест для общества на его моральное здоровье. К сожалению, еще чрезвычайно редко «героями» миграционной тематики становятся обиратели мигрантов, тупые чиновники и законодатели, лжеученые-«мигрантоведы». А об этом нужно писать постоянно, включая критику многочисленных текстов на миграционную тематику — начиная с жалких учебных пособий и до текстов законов и постановлений. Все это только к пользе общественного просвещения, да и к практической пользе развития и модернизации страны.

Миграция — источник и условие развития, а не преграда ему. Эту, казалось бы, очевидную истину нужно вновь и вновь доказывать, разъясняя на конкретных примерах. Иначе распространившуюся в стране мигрантофобию преодолеть будет невозможно. И что, разве в таких условиях поедут в Россию молодые и перспективные работники, включая и тех, кому работать в инновационных компаниях? Конечно, не поедут. Так и может остаться Сколково с двумя заезжими нобелевскими лауреатами. Кому хочется получить по башке битой из-за цвета кожи или акцента? Так что миграционная тематика далеко как не исчерпана и масса сюжетов еще ждет своих авторов на страницах журнала «Миграция XXI век».

Желаю успехов этому новому важному изданию!

Константин Ромодановский,
директор Федеральной миграционной службы России:

«Проблема не в том, что их (мигрантов) много, а в том, что нас (россиян) мало»

Сенсационная новость: в структуре ФМС появилось подразделение гуманитарной направленности — Управление содействия интеграции.
На фоне неумолкающих слухов о том, что миграцию вот-вот выведут из-под власти милиции (с 2001 г. ФМС находится то в составе, то в ведении МВД), эта новость воспринимается как реальный шаг к освобождению. Невозможно же представить, что интегрировать мигрантов станет милиционер с дубинкой.
Директор ФМС Ромодановский, когда мы на днях встретились (надо заметить — после долгого перерыва), категорически отказался обсуждать этот волнующий вопрос о независимости службы. Впрочем, по понятным причинам. Однако суть нашей беседы вольно-невольно сводилась к тому, что миграция стала сегодня такой серьезной социальной проблемой, что заниматься ею должно, конечно же, самостоятельное гражданское ведомство.

Лидия Графова: Константин Олегович, когда 18 лет назад создавалась ФМС, ее миссией был доброжелательный прием мигрантов. В Россию, как на остров спасения, устремились тогда миллионы наших соотечественников, а сама Россия была очень бедна, но все-таки служба старалась, как могла, помогать переселенцам. Но после того как ФМС передали в МВД, цель миграционной политики стала противоположной: не защита, а, простите, война с мигрантами. Если раньше переселенцы ждали от государства статус, крышу над головой, то теперь даже легализацию трудно получить. Нормально ли это, что возвращаясь на историческую родину, люди годами выпрашивают гражданство, как милостыню?

Константин Ромодановский: Давайте не смешивать все в одну кучу. За прошедшие годы характер миграции в Россию разительно изменился. Если в первое время после распада Союза к нам ехали исключительно переселенцы, на ПМЖ, то начиная с 2000-х пошли мощные потоки трудовых мигрантов. Безвизовый режим позволяет им въехать и три месяца находиться у нас законно. Но потом большинство, не оформив разрешения на работу, уходят в тень.

По нашим оценкам, в России от 3 до 5 миллионов мигрантов работают нелегально, и в основном это, конечно, безвизовики из СНГ. Вот сделал я в начале сентября однодневный срез по нашей электронной системе миграционного учета. Оказалось, →

что на территории России находилось порядка 7 млн. иностранных граждан. Кто они? Миллион — скажем, приехали к родственникам и друзьям, или лечиться, или туристами. Еще миллион — трудовые мигранты, работающие на основании законных разрешений. А что делают остальные 5 миллионов? Не хочу сказать, что они болтаются без дела, они тоже где-то работают, но — без разрешений. Въехали законно, а работают незаконно. И что, вам эта ситуация кажется нормальной?

Л. Г.: Ни один здравомыслящий человек не скажет, что миллионы нелегалов — это хорошо. Но знаю по личному общению с очень многими мигрантами, что они совсем не хотели попасть в нелегалы, а стали ими из-за отсутствия квот. Работа есть, работники требуются, а квоты кончились. Ну, Вы сами, Константин Олегович, все это прекрасно знаете. В общем, существующая система квотирования — это какая-то сатанинская кузница по массовой штамповке нелегалов. Как выразился один известный эксперт, «механизма квотирования нет, но он действует». А ведь известно, что лучший способ борьбы с нелегальной миграцией — это легализация.

К. Р.: Насчет квот — сложный вопрос, не ФМС же их устанавливает. В первую очередь определяют квоты регионы, и не все они относятся к делу ответственно. Если полностью систему отменить, то как защищать внутренний рынок труда? В большинстве развитых стран квоты существуют. Могу, правда, высказать свое личное мнение по поводу малого бизнеса: вот этим предпринимателям действительно трудно, а порой и невозможно спрогнозировать к 1 мая, то есть за восемь месяцев вперед, что будет с их бизнесом и какие работники им потребуются в новом году. Кстати, РСПП придерживается той же точки зрения. Ну а про легализацию как лучший способ борьбы с нелегальной миграцией — полностью согласен. Да мы, собственно, по этому пути и идем.

Л. Г.: Вы имеете в виду патенты?

К. Р.: Не только. Облегчать безвизовикам легальное трудоустройство мы начали еще в 2007 году, когда в миграционное законодательство были внесены поправки, существенно упрощающие процедуру легализации. И сразу около четырех миллионов мигрантов удалось тогда вывести из тени — поставить на миграционный учет. Два миллиона 200 тысяч получили разрешение на работу (раньше их было всего 400 тысяч). Мы ввели, например, практику почтовой отправки уведомлений о постановке на учет. Если в 2007-м этим непривычным способом воспользовалось только 5 процентов мигрантов, то в прошлом году — уже двадцать пять процентов. Мы стремимся до минимума сократить общение человека с чиновником, чтобы исключить коррупционные риски.

А в этом году у нас произошла, можно сказать, вторая после 2007 года «миграционная революция». Да, имею в виду новеллы, касающиеся высококвалифицированных специалистов, и конечно, упомянутые вами патенты. Здесь хотел бы подчеркнуть, что тем самым ФМС реализует давно задуманную нами дифференциацию трудовых мигрантов. Согласитесь, было не совсем этично, когда классный специалист, фактически инвестор, должен был не раз приходить в миграционную службу, выстаивать в общих очередях, чтобы сдать анализы на СПИД, лепру и т. д. Но так предусматривал закон. Мы этот закон изменили. Особо ценные работники, чей годовой заработок достигает двух миллионов рублей, получают разрешение на работу без всякой бюрократии. Американцы говорят: у европейцев, мол,

голубая карта, а у вас в России эта карта — золотая.

Л. Г.: Но вот научные институты в обиде: их бюджет не позволяет даже звездам первой величины платить такие огромные зарплаты.

К. Р.: В законе предусмотрено, что правительство может изменить ставки в соответствии с приоритетами развития российской экономики. В этом плане закон гибкий. Миграция — тонкая сфера, нужно постоянно сочетать интересы государства с устремлениями личности. Где-где, а уж у миграционной политики должно быть, как вы пишете, «человеческое лицо».

Л. Г.: Про патенты, если позволите, я скажу от себя. Этот закон, действительно, иллюстрация той моей любимой формулы, что лучший способ борьбы с нелегальной миграцией — это легализация. Известно, что во всем мире мигранты, работающие в частном секторе, нередко остаются в тени и правительства не знают, что с этой серой массой делать. Нам рассказывали смешной случай: министр миграции одной западной страны публично признался, что у него работает нянянелегалка. За свою откровенность он поплатился должностью. По-моему, несправедливо. Вообще в отношении к нелегальной миграции много лицемерия: все ею возмущаются и вместе с тем, чего греха таить, многим она выгодна — и работодателям, уходящим от налогов, и отчасти самим мигрантам. Только вот государству совсем не выгодно. И здесь в кои-то веки хочу похвалить ФМС. Введение патентов — это и гуманный, и вместе с тем прагматичный шаг. Заплатить тысячу рублей в месяц за легализацию и защиту от милицейского произвола — думаю, большинство согласится с радостью.

Скептики, правда, говорят, что милиционеры станут эти бумажки об оплате рвать, а сами мигранты — подделывать. Что ж, будет, наверное, и то и другое. Но нельзя же из-за таких издержек (они в каждом хорошем деле неизбежны) лишать миллионы людей права на свободу выбора. Опыт первой миграционной революции, когда мигранты так активно пошли регистрироваться по упрощенной процедуре, показал, что к нам едут люди в основном добропорядочные. Только бы им не ставили преград на каждом шагу.

К. Р.: С сожалением должен заметить: пока что миллионы и даже сотни тысяч легализоваться к нам не пошли. За два с половиной месяца за патентом в территориальные органы ФМС обратилось 70 тысяч человек. Можно бы себя успокоить: дело новое, середина года, мигранты — народ запуганный, тем более что СМИ постарались нагнать тумана в мозги. Думаю, нам надо шире информировать мигрантов об этом механизме, в том числе с вашей помощью. И тогда к концу года мы выйдем на сотни тысяч.

Л. Г.: Тут есть еще одна сложность, которую, не знаю, учитывали вы или нет. Говорю о правовом нигилизме нашего общества. Ведь решение идти или не идти за патентом мигрант будет принимать по согласованию с хозяином, у которого работает. А так ли уж велика сознательность местного населения? Если у самого мигранта есть заинтересованность стать легальным, то его хозяин, скорее всего, скажет: да ладно, стоит ли связываться, живи, мол, как жил.

К. Р.: Да. Переломить сложившиеся в сознании общества стереотипы — самое трудное. И вот здесь мы подходим к теме интеграции, ради которой Вы, собственно, ко мне и пришли. Суть интеграции в том, что это процесс двусторонний, так сказать — дорога со встречным движением. Вот многие жалуются: понаехали к нам, Москву заполонили, не знают русского, ведут себя по-хамски… А часто ли мы вспоминаем простой закон физики, который учили в школе: каждое действие встречает равное противодействие. Как мы к приезжим относимся, так и они к нам будут относиться. Да если б россияне просто помнили, что наши дворы и улицы не по щучьему велению стали чистыми как никогда, что дома так быстро растут не потому, что наша местная молодежь очень уж рвется на стройку, и что почти в каждой городской квартире хоть какое-то время самую черную работу исполнял гастарбайтер… Если бы мы сами более человечно относились к «понаехавшим», то и они вели бы себя уважительней. А так, посудите, зачем, например, гастарбайтеру изучать русский язык, если мы с ним вообще не хотим разговаривать, за человека не считаем…

Л. Г.: Ну, Константин Олегович, Вас послушаешь — можно подумать, что миграционная служба, взявшись (наконец-то!) за интеграцию мигрантов, рассчитывает перевоспитать и все наше нетолерантное общество.

К. Р.: Влиять на общество, да и на нас, чиновников, должны вы, общественные организации, общественные советы, которые есть при всех наших региональных управлениях. Воспитывайте нас, толкайте, просвещайте… А пресса для чего?! Знаете, просто зло берет. Ведь доходило до того, что некоторые политики и ваши коллеги-журналисты норовили назначить мигрантов главными виновниками кризиса. А мигранты — люди практичные, им надо огромные семьи кормить, а не на бирже отмечаться. Стало туго с работой в Центральном регионе — процентов 40 уехали на Дальний Восток. Считаю преступным навешивать на мигрантов ярлык преступников. Знаете, мне уже тошно повторять из года в год одну и ту же цифру: только 3,5% от общей преступности по России приходится на мигрантов, причем около трети связано с использованием поддельных документов. Это официальная статистика МВД, ни у кого другого данных по стране нет и быть не может. Говоришь, объясняешь… Или другой пример — Кондопога, ставшая антимиграционной страшилкой на долгие времена. Большинство россиян до сих пор не понимает, что конфликт там устроили вовсе не мигранты, а наши российские граждане. Да, разных национальностей.

Л. Г.: А тем временем то и дело слышишь от «спасателей» России: нужно, мол, всех «чужаков» прогнать, ввести визовый режим в СНГ, и тогда заживем спокойно.

→

Суть интеграции в том, что это процесс двусторонний, так сказать — дорога со встречным движением: мигрантов и общества

К. Р.: Меня поражает, мягко скажем, недалекость таких «спасателей». Они что, не понимают, что наркодилеры и прочая нечисть с легкостью достанет и визу, и паспорт, а за кордоном останутся те наши соотечественники, которые как раз нужны России. Правильно говорит эксперт Вашего журнала, известный ученый Жанна Зайончковская: досужие дискуссии о том, нужны или не нужны России мигранты, пора заканчивать. Как воздух они нам нужны! Россия теряет по миллиону трудового населения в год. А на каждый заработанный гастарбайтером доллар в бюджет страны поступает до шести долларов.

Л. Г.: Константин Олегович! Наш разговор идет в основном о трудовых мигрантах, а Россия больше всего заинтересована в новожителях.

К. Р.: У вас, Лидия Ивановна, устаревшее представление. Трудовая миграция и переселение — это сообщающиеся сосуды. Сумеем по-хорошему принять, интегрировать временных работяг — они станут постоянными жителями.

Л. Г.: Да, это в идеале. Но в том-то и беда, что приезжающие на ПМЖ сталкиваются у нас с такой махиной издевательств, что врагу не пожелаешь. Много лет я пишу в «Российской газете» о трагедиях «нелегалов поневоле». О выдворении русских из России. Это же абсурд, какое-то сумасшествие. Вам не кажется, Константин Олегович, что если уж берется ФМС за интеграцию, то первым шагом должна стать так называемая «иммиграционная амнистия» для тех наших соотечественников, кто давно живет в России, не имея правового статуса. Это старый наш с Вами разговор…

К. Р.: Согласен: необходимо разбираться с людьми, которые из-за отсутствия необходимых документов не смогли вовремя легализоваться и оказались загнанными в угол. Они же все равно никуда от нас не денутся, так неужели им до самой смерти ходить без паспорта? Но надо понимать, что топором этот узел не разрубишь. Тут много категорий, нюансов. И нельзя же сказать, что миграционная служба не видит эту проблему. Вы же знаете, что мы уже начали ее решать. Вот правительственная комиссия по миграционной политике, членом которой Вы тоже являетесь, внесла в Госдуму предложение о легализации (почти без всяких документов) наших соотечественников, которые въехали в Россию еще детьми, родители не позаботились, чтобы их документировать, а теперь эти дети выросли и не могут получить паспорт.

Л. Г.: Но, честно сказать, это такой маленький кусочек огромнейшей трагедии…

К. Р.: А вы хотите все и сразу! Так не бывает. Любая инициатива ФМС должна быть согласована с различными ведомствами, мы обязаны учесть мнения коллег.

Л. Г.: Но почему так мучительно долго движутся ваши инициативы? Кажется, еще весной на встрече с премьером Путиным Вы предложили убрать лишнюю ступеньку — РВП (разрешение на временное проживание) при получении гражданства и сразу давать соотечественникам вид на жительство. Как обрадовались тогда наши переселенцы! И вот ждут-ждут, лето прошло, осень в разгаре…

К. Р.: Если я отвечу, что во всем виновата ФМС, это мы тянем, мы плохо работаем, Вам что, легче станет? Ну ладно, не будем ссориться напоследок. Что касается отмены РВП, могу сказать: мы разработали пакет предложений (там ведь много статей закона надо менять) и все находится сейчас на согласовании в правительстве. Есть у нас и другие интересные новеллы по легализации, которые, надеюсь, Вам понравятся. Но об этом пока рано говорить.

Л. Г.: Расскажете при следующей встрече?

К. Р.: Возможно.

P.S. ***Разумеется, наша почти двухчасовая беседа не была такой мирной, как выглядит теперь на бумаге. Полная стенограмма заняла бы слишком много места, да и не считаю нужным воспроизводить здесь все высказанные мною претензии к миграционной политике и к ведомству, руководимому Ромодановским — я и так постоянно публикую критические статьи о миграции на страницах «Российской газеты». Однако скажу, что, конечно же, я напомнила директору о конкретных судьбах героев моих статей, «нелегалов поневоле», пострадавших по вине сотрудников ФМС, и возмутилась тем, что миграционные чиновники обычно не спешат исправлять свои ошибки. Ромодановский не со всем соглашался, хмурился, но все-таки обещал вернуться к тем «зависшим» историям. А ведь сколько у него таких историй! Года три назад, когда мы ездили с Константином Олеговичем в Ярославль (директор усмирял там свою слишком ретивую подчиненную, пытавшуюся выдворить в Туркменистан семью русских переселенцев), он признался мне на обратном пути: «Знаете, с какой мыслью я просыпаюсь по утрам и ложусь спать: как же изменить менталитет наших сотрудников?»***

Опубликовано в «Российской газете» 3 августа 2005 г.

Пришла ли пора отделить миграцию от милиции?

Развод по-милицейски

Лидия Графова,
председатель исполкома «Форума переселенческих организаций»

Эту статью пятилетней давности я нашла в своих архивах случайно — готовила материал для книги «Страдания по гражданству». Поразилась, до чего ж старая публикация в «РГ» актуальна сегодня. И нахлынула горькая тоска. Ну почему, почему столь очевидные вещи приходится доказывать годами, упираясь лбом в глухую стену?

Впрочем, иногда стена вроде бы прогибается. Под напором объективного хода событий. Так, на состоявшемся пять лет назад заседании Совбеза было однозначно решено, что надо активней привлекать мигрантов, поскольку наша Россия стремительно вымирает. Вскоре на встрече с правозащитниками Путин заметил, что гражданская структура справилась бы с проблемой, возможно, успешнее, чем милиция. Но предостерег от скоропалительных решений.

Так сколько же еще ждать, чтобы была исправлена ошибка, совершенная в 2001-м, можно сказать — на нервной почве? Передача гуманитарной проблемы в силовое ведомство произошла под впечатлением ужаснувших мир американских событий 11 сентября. И еще потому, что перед этим года три года ФМС трясла кадровая лихорадка и эту бедолажную службу просто не знали, куда деть. И вот — пристроили. Как я писала тогда, «присоединили зоопарк к мясокомбинату».

Но если всем уже ослепительно ясно, что эксперимент не удался, думаю, самое время начать реформирование МВД с освобождения этого и без того находящегося в катастрофе ведомства от лишних, совершенно чуждых ему функций.

Как браки совершаются на небесах, так и высокие кадровые назначения — по неисповедимым законам. Кто, например, мог предположить, что новым директором Федеральной миграционной службы (ФМС) станет генерал Ромодановский, известный борец с «оборотнями в погонах»? «Кто он Гекубе? И кто ему Гекуба?» — недоумевал когда-то Гамлет.

Впрочем, за последние шесть с половиной лет в ФМС уже седьмой раз меняется начальство, и никто из прежних, кроме основательницы службы Татьяны Регент, особыми знаниями в области миграции не отличался. Ну знания — дело наживное. Российская наука о миграции сегодня на высоте, так что компетентных советчиков хватает, было бы желание их слушать.

У большинства прежних такого желания не наблюдалось, тем более после того как ФМС, по словам Путина, «погрузили в МВД». Результат «погружения» сегодня очевиден: проблема миграции просто задохнулась. И это не вина милиции, это, скорее, ее успех. Ну, поручили силовикам решать запущенную гуманитарную проблему, вот они ее и «порешили»: переселение в Россию на ПМЖ практически прекратилось. Отвадили. А гоняться за нелегалами, взимая с них дань на каждом шагу, — это для милиции не проблема, а любимый вид национального спорта.

Так что теперь генералу Ромодановскому, врачу по первой профессии, работавшему какое-то время патологоанатомом, весьма пригодится тот его опыт: бездыханную проблему миграции необходимо вскрыть, поставить точный диагноз и... совершить чудо: оживить.

Да, чтобы сделать Россию привлекательной для мигрантов, как призвал президент на мартовском заседании Совбеза, требуется именно чудо. Но кто способен выступить в роли волшебника?

Уж конечно, не МВД.

Правительство, судя по заверению вице-премьера Жукова, возлагает надежды на создаваемую сейчас Государственную комиссию по миграции и демографии. Туда должны войти ответственные лица из разных министерств. «Проблема-то комплексная», — подчеркнул Жуков. Действительно, и комплексная, и судьбоносная для России.

Эксперты уже давно бьют тревогу о том, что нас, россиян, каждый год становится на миллион меньше и это грозит нашей самой большой по территории стране в мире потерей богатейших земель Сибири и Дальнего Востока. →

А из-за стремительного старения населения скоро некому станет работать на производстве, охранять наши бескрайние границы. Дефицит трудовых ресурсов уже начиная с 2006 года станет таким острым, что придется резко продлить срок выхода на пенсию, а также снизить размер пенсий. Про развитие экономики и рост ВВП придется просто забыть.

Только массовый приток мигрантов мог бы спасти Россию от коллапса экономики и других угроз национальной безопасности страны. А ведь была же у нас после распада Союза уникально счастливая возможность — принять миллионы соотечественников, считающих Россию своей родиной. Истинных патриотов. Но Россия своей антимиграционной политикой изничтожила их патриотические чувства. А у коренных россиян СМИ взъярили страх и неприязнь к «понаехавшим».

И что же теперь делать?

Насколько мне известно, в ту Государственную комиссию («спасателей Отечества»), о которой вели речь на ТВ Путин и Жуков, никого из экспертов не включили. Списки-то составляло само МВД. И попали туда в основном министры и генералы. Не хочу усомниться в их государственной мудрости, но по своему личному опыту работы в двух правительственных комиссиях по миграционной политике смею утверждать, что реальной пользы от таких комиссий бывает мало. У сборных комиссий нет права принимать решения, потому что они ни за что не отвечают.

А проблема миграции настолько глобальна, что всерьез ее решить было бы под силу только мощному независимому министерству или госкомитету. И если этой мечте суждено осуществиться, то в сотрудники, думаю, нужно отбирать только людей гуманных. А комплекс подозрительности (сегодня каждого мигранта встречают как преступника) должен стать свидетельством профнепригодности.

Так можно ли сегодня освобождать миграцию из-под гнета милиции?

На встрече с правозащитниками Путин заметил, что гражданская структура справилась бы с проблемой, возможно, успешнее. Но в то же время предостерег от скоропалительных перемен. Действительно, над бедолажной ФМС уже столько экспериментировали, что очередную бездумную реорганизацию служба не вынесет. Развалится. Она и так уже вся в руинах. Опытные миграционщики, ставшие в милицейской структуре «неаттестованными», то есть второсортными, давно покинули ФМС. Почти год ФМС пребывала в неком астральном состоянии. Такова специфика силового ведомства: действовать только по приказу, а когда нет главного — кто отдаст приказ, самый пустячный вопрос решить невозможно!

Я говорю, конечно, о стопоре в позитивной работе с мигрантами, а что касается войны с нелегалами, она разгоралась ярким пламенем. Причем интересный парадокс: чем активнее нелегалов гоняли, тем больше их становилось. По оценкам МВД, 5 миллионов мигрантов, живущих в России, не имеют сегодня никакого правового статуса. Это мина замедленного действия — 5 миллионов неприкаянных, загнанных в тупик людей. Правовые государства в таких случаях проводят иммиграционные амнистии — массовую легализацию мигрантов в упрощенном порядке. Наше же государство упорно сопротивляется, хотя экспертная группа, работающая при Уполномоченном по правам человека, уже давно представила и в правительство, и в администрацию президента свой проект Концепции по легализации трудовых мигрантов, а также предложения по упрощению немыслимо усложненной процедуры получения гражданства.

Невозможно больше терпеть издевательскую систему легализации. А никто не спешит выводить нелегалов из тени. И всем уже понятно, в чем дело. Не хочется лишать своих низкооплачиваемых сотрудников выгодного бизнеса на мигрантах.

Хотелось бы предположить хорошее: может быть, затем Ромодановского сосватали с миграцией, чтобы он, прославившийся победами над коррупцией, положил и в миграции конец беспределу. А то ведь стыдобища какая: любой наркоторговец или террорист в два счета российское гражданство купит, а безденежного русского переселенца будут до изнеможения в бюрократической мясорубке крутить, а потом еще могут и депортировать из России. И все вроде бы по закону.

Абсурдный закон исправлять долго, но все-таки возможно, а вот как быть с репрессивным менталитетом? Так что в необходимости развода миграции с милицией никто из экспертов, с кем наша организация сотрудничает, не сомневается.

Но как и когда это делать?

Ведь нынешняя ФМС почти вся в погонах. И там действительно уже появились знающие, не равнодушные к судьбе мигрантов генералы и полковники. При «разводе» их обязательно надо сберечь в ФМС. Так что Ромодановскому предстоит очень сложная работа: и хаос расчищать (завалы в миграции скопились такие, что нужен бульдозер), и одновременно работать скальпелем, отделяя здоровые клетки от плевел.

Спешить, конечно, опасно, но и откладывать «развод» на неопределенное будущее очень вредно. Ведь стоял же этот вопрос и на Всероссийском чрезвычайном съезде в защиту мигрантов в 2002 году, и на втором Гражданском форуме в 2003 году. И там, и там переселенческие организации, памятуя изнурительный опыт бесконечных реорганизаций, побоялись высказать недоверие милиции, понадеялись найти общий язык. Не получилось. Не могло получиться. По определению. А тем временем привлекательность России для мигрантов сошла к нулю. Сколько же еще лет будет бездарно потеряно? И неужели не понятно, что отпугивая мигрантов, мы вредим будущему России?

Репатриация как моральный долг

Сергей Градировский,
председатель Общественного совета
Министерства здравоохранения и социального развития РФ

Репатриация это, прежде всего, *возвращение.* Домой, на Родину, к своим. Это важное решение в ситуации избытка чувств. Бросок в отчизну. Переезд навсегда. Решительный поворот собственной жизни и жизни своих потомков. Порой — исправление прошлых ошибок: собственных, родителей, наконец — канувшего в лету политического режима.

Потому к репатриации особое отношение. У всех. У стран приема репатриантов, у самих переселенцев и даже у целого мира, обращающего внимание, насколько та или иная страна ценит «своих», борется за них, умеет прощать, собирать, помогать.

Поэтому репатриацию никогда не должно смешивать с экономической миграцией, что было допущено на первом этапе реализации Госпрограммы содействия переселению соотечественников.

Сам факт наличия вынужденных переселенцев-соотечественников — в определенном смысле уже моральное поражение страны, указание на отсутствующую репатриационную политику! Именно так было в нашей недавней истории.

Позже появилась хамская формула «кто хотел — тот уже переехал». За нее прятались не только те, кто по сути недопонимал трагедию, произошедшую со страной и ее народом в конце девяносто первого, но и те, кто хотел большего порядка и хотел как можно скорее обозначить популяционные границы новой России. Но именно *новую Россию* нельзя было начинать с предательства.

Репатриационная политика никогда не должна быть чьим-то средством, поводом для чего-то другого. Она не может преследовать какую-то вышележащую цель, как образовательная, деловая или трудовая миграции. Она сама по себе есть цель и нравственный долг. В ней самой есть моральное основание ко всему. В том числе и к экономически затратным схемам переезда.

Это понимают немногие. Немногие среди чиновников, журналистов, политиков. Немногие даже среди целых стран. Вот Россия, к сожалению, не входит в число этих немногих чутких.

Сказанное не значит, что репатриационная политика не может быть прагматичной. Может. Но здесь своя особая прагматика. Прагматика нациостроительства, прагматика укрепления идентичности, прагматика сохранения единого общественного организма под названием *Русский мир*. Особая прагматика существования поверх государственных границ, раз уж эти границы нарезали по живому!

* * *

Скажем же о добром. ***Коренное достоинство отечественной политики репатриации в том, что коридор для «своих» в той или иной мере всегда оставляли.***

Изначально этому содействовал закон о гражданстве, направленный на скорейшее получение гражданства России гражданами бывшего Союза. Затем действовало положение, благодаря которому гражданство получало подавляющее число приезжих из стран постсоветского пространства. После 2002-го, когда был введен новый закон о гражданстве — часть 4 ст. 14. Действие последней поправки продлевалось неоднократно и было прекращено только в июле 2009 года. Однако с конца 2006-го был открыт другой канал быстрого получения гражданства — Госпрограмма по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Но этот последний канал оказался обманчивым и тесным.

Свой вклад в упрощение репатриации внесло четырехстороннее международное соглашение РФ с Беларусью, Кыргызстаном и Казахстаном, благодаря чему натурализацию можно было завершить всего за три месяца.

Тем не менее репатриационных задач все перечисленное в полной мере не решало. Осознание того, что Россия — это обширная и малонаселенная территория, с юга и востока поджимаемая быстро растущими человеческими популяциями, становилось все более тревожным для политической власти.

Непонятно, что сыграло решающую роль, но в 2006-м власть опомнилась. Правительство, получив хороший пинок со стороны первого лица государства, разработало Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению. Увы, первый блин получился комом.

Расплывчатое определение целевой аудитории, непроду- →

манность потенциальных рисков, малозначимые суммы помощи, неподготовленность территорий вселения, неудовлетворительное качество предлагаемых соотечественникам рабочих мест, узкий перечень территорий вселения — вот основные претензии к Госпрограмме. Особо тревожным был тот факт, что запуск Госпрограммы происходил на фоне так и не решенных проблем переселенцев прошлых лет.

Подтверждением справедливости критики качества программы обычно считают мизерное, по сравнению с заявленными планами, число переселенцев.

И действительно, вначале общественность услышала следующие ориентировочные цифры: в 2007 году будут переселены в Россию 50 тыс. человек, в 2008-м — 100 тыс., в 2009-м — 150 тыс. человек. Три года — триста тысяч, такими виделись объемы новой Госпрограммы. Затем, в 2007 году, прозвучали уточненные плановые показатели по приему соотечественников (в 2007 году ничего с переселением не произошло, и потому год списали, назвав его «подготовительным»): на 2008 г. — 85 тыс. человек, на 2009 г. — 110 тыс., а на 2010 год — 115 тыс. человек. Реально, по данным самой ФМС, за 2008 год в Россию переехало около 9 тысяч участников программы и членов их семей. За 2009 год — чуть меньше. В 2010 году, на начало осени, — 4 тыс. Всего по Госпрограмме переселилось чуть более 20 тыс человек.

Эти цифры не просто малы по сравнению с заявленными. Они *ничтожны* по отношению к общему потоку соотечественников, едущих и продолжающих ехать в Россию вне всякой Госпрограммы, а также (если уж вспоминать экономическую и геополитическую аргументацию, которой не брезгует власть) — по отношению к реальной потребности страны и ее отдельных территорий в человеческом ресурсе.

На практике полный пакет нормативно-правовых документов, позволяющих запустить Госпрограмму, был утвержден только к середине 2007-го , а реальный прием соотечественников начался только в конце 2007-го и начале 2008-го годов.

Можно и нужно упрекать власть в презренной бюрократической волоките, но все произошло согласно русской поговорке — *нет худа без добра*: именно небольшой поток переселенцев позволил «малой кровью» выявить ошибки и недоработки законодателя.

К сожалению, вся эта история в очередной раз продемонстрировала низкую проектную культуру российского законодателя, который, выпуская сомнительного качества законы, уже заранее предполагает, что жизнь сама расставит все на свои места, что нормы и положения будут доведены до ума в ручном режиме, так сказать «напильником и рашпилем».

* * *

Укажем на проблемы, препятствующие реализации, как было сказано в одном документе, «государственных планов масштабного использования зарубежного русско-культурного потенциала».

- *Ныне действующие этапы реализации Госпрограммы с установленным сроком ее действия — конструкция умозрительная, не отвечающая потребностям ни регионов, ни участников программы. Этот бюрократический подход (с обозначением этапности и конечности) негативно сказался на имидже Госпрограммы, ведь срок окончания морального долга и «собирания своих» — вещь весьма странная.*
- *Привязка права получения статуса участника Госпрограммы к наличию конкретного рабочего места в одном из регионов бескрайней России — оказалась не только неработающей, но и просто глупой.*
- *По авторитету программы сильно ударил запрет получения статуса теми, кто уже находился в России (в первоначальной версии Указа №60 такое право предоставлялось лицам, временно пребывающим в РФ, однако в итоговой версии такое право предоставили только имеющим РВП или ВНЖ).*
- *Порядок распределения территорий вселения по трем категориям привел, по признанию самих же ответственных лиц, к неэффективному распределению бюджетных средств (в частности, подъемных). Это не позволило создать привлекательные условия именно в тех регионах, которые более всего нуждались в людях, а также затруднил процесс согласования региональных программ федеральным центром.*
- *Пагубно сказалось низкое качество информационной кампании, полнейшая несогласованность действий министерств и ведомств в момент запуска Госпрограммы. Никто не был готов давать вразумительные ответы на многочисленные вопросы соотечественников.*
- *Весьма серьезный недостаток политики репатриации — чрезмерное полагание на властный ресурс, превращение переселения в исключительно бюрократическое дело. Общественные организации и диаспоры оказались в стороне, хотя никто лучше них способствовать реальной интеграции новых граждан не сможет.*
- *Ну и самое важное, о чем нужно повторять вновь и вновь:* ***именно попытка превращения репатриации в экономическую миграцию привела к провалу первого этапа Госпрограммы.***

* * *

К 2010 году российским властям стало ясно, что политика по отношению к соотечественникам, ищущим пути возврата в Россию, не должна подменять собой политику в области экономической миграции. Просто толку не будет. По образному выражению Владимира Путина, «котлеты и мухи отдельно». И вот открылась возможность реформирования Госпрограммы, которая, несмотря на всю критику, сохраняет шанс перерасти в репатриационную, правда — при условии ее *кардинальной модернизации*.

Эту модернизацию начал Минрегион. Бог ему в помощь. Но экспертам и общественным лидерам стоит

дать собственный ответ на вопрос: за что стоит всем нам бороться?

В первую очередь, думаю, необходимо снять ограничения на срок реализации Госпрограммы, сделать ее *бессрочной*. Моральность такого решения подтвердила бы надежность политики России в отношении соотечественников, что крайне важно для имиджа России как внутри страны, так и за ее пределами.

Необходимо также отказаться от пагубной идеи, что не вся территория России является территорией вселения. Не должна Россия делиться на лакомые и проблемные кусочки, а соотечественникам нельзя указывать, куда им можно ехать, а куда въезд запрещен.

Во вторую очередь, требуется расширить перечень лиц, имеющих право стать участниками Госпрограммы. Сегодня поддержка государства обещана только тем, кто готов переселяться в качестве наемного работника. А нужно дать возможность соотечественникам войти в программу и по таким категориям участников, как:

- *обучающиеся в учреждениях высшего и среднего профессионального образования (соотечественники, получающие образование в России);*
- *самозанятые или ориентированные на создание собственного бизнеса (соотечественники-предприниматели);*
- *желающие развивать сельское хозяйство и заниматься агропромышленным производством (соотечественники-аграрии);*
- *деятели науки, искусства, исследователи и разработчики (соотечественники, являющиеся креативными кадрами инновационной России);*
- *компактно (группой) переселяющиеся в сельскую местность (соотечественники — члены общины);*
- *соотечественники, имеющие особые заслуги в мировой (российской) науке, культуре, религии, спорте и других областях человеческой деятельности.*

Считаем очень важным предоставить региональным властям *право* разрабатывать собственную программу переселения, сняв с них это как *обязанность*. Региональная программа это всегда дополнительные расходы. И в репатриации они должны быть делом осознанно-добровольным и потому моральным.

Одновременно необходимо изменить порядок предоставления материальной поддержки. Участник Госпрограммы должен иметь право на государственную поддержку, предоставляемую за счет федерального бюджета, ***вне зависимости от того, имеет ли регион, на территорию которого он переехал, разработанную региональную программу переселения или не имеет.***

Это даст возможность переехать в Россию тем, у кого есть родственники или друзья в регионах, не включенных в Госпрограмму.

И наконец, надо решить вопрос с беспрепятственным получением гражданства участниками Госпрограммы вне зависимости от того, есть ли у них регистрация по месту жительства, которая в свою очередь, зависит от наличия собственности на территории вселения.

Конечно же, модернизация Госпрограммы предполагает множество важных технических деталей. Нам не стоит обсуждать их в этой статье. В конце концов, мы доверяем профессионализму госслужащих Минрегиона, занимающихся этим вопросом не первый год.

* * *

При всем признании правоты дела, направленного на модернизацию Госпрограммы, необходимо рассмотреть *глубинные основания* политики репатриации.

По мнению автора, репатриация это многолетний труд «собирания своих», бессрочный, бесперебойный, терпеливый. Повторюсь: это ***особый вид морального действия самого государства, обращенного лицом к своей национальной сущности***. К сожалению, в России это не так. Репатриационный канал, который должен быть в первую очередь гуманитарным, долгое время рассматривался как *привлекательное дополнение к экономическому каналу*, ибо вхождение в Госпрограмму участника и региона оговаривалось экономическими аргументами (правда, из добрых побуждений).

На сегодня остаются три сложнейшие проблемы:

- *поражение в возможностях (но не правах) неимущих;*
- *квартирный вопрос, который, как известно, испортил не только москвичей;*
- *злополучная прописка, встающая непреодолимым Кавказским хребтом при получения гражданства.*

Итак, репатриация возможна не для всех, потому что государство не может обеспечить переселенца жильем. Ставка на самообеспечение переселенца приводит к заведомому исключению из программы слабых участников. Но жильем мигрантов государство обеспечить не может не из-за дурного характера, а потому что не может осуществить аналогичное благодеяние в отношении собственных граждан. Возможно ли государству перед иностранными гражданами (даже если они соотечественники) брать обязательства большие, чем перед собственными?! Большинство дает строго отрицательный ответ. Потому и не берут.

Самое отвратительное то, что представители государственной бюрократии не желают менять правила, согласно которым регистрация по месту проживания возможна только при наличии права пользования жилым помещением. То есть все по-прежнему решает *прописка*, пусть этого слова и нет в самом законодательстве. По сути, в стране существует имущественный ценз, отсекающий неимущих от Госпрограммы.

Итак, в России в отношении репатриации действует следующая формула:

Нет жилья — нет и прописки, нет прописки — не получишь гражданства, а жилье и не предвидится.

Все. Тупик. Опускаем руки?

Нет. Боремся. И помогаем тем, кто сегодня работает над модернизацией Госпрограммы.

Так нужны или не нужны России мигранты?

Леонид Рыбаковский,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Характер, направления и особенности миграционной политики всегда обусловливались остротой и актуальностью миграционных проблем, стоящих перед государством, и определялись его насущными интересами. Это справедливо и для Российской империи, и для Советского Союза, да и для современной России.

Как было в прежние времена

И до революции, и в советский период основным видом миграции в России были внутренние переселения и существенную роль в этих процессах играло государство. Особенно много организованных форм переселения приходится на 30-70 гг. XX столетия. Это сельскохозяйственные и промышленные переселения, организованный набор рабочих, общественные призывы, направление специалистов для работы в том или ином месте и пр. В целом задачи, которые ставились государственной властью (царской или советской), все же решались. Более того, та и другая власть, независимо от разнообразия методов и форм переселения, по сути последовательно осуществляла единую задачу — заселение и освоение территорий, вошедших в состав российского государства. Это отвечало его и экономическим, и геополитическим интересам.

Вспыхнувшие ещё в горбачевские времена межнациональные конфликты были предвестниками распада большой страны. Забытое по окончании гражданской войны явление вынужденной миграции в начале 90-х вновь обрело чудовищный характер. Существенных размеров достигла эмиграция из России, не представлявшая сколько-нибудь значимой величины в советские годы.

С 1992 г. существенно возрос миграционный обмен России с бывшими союзными республиками. 1994 г. сальдо внешней миграции стало сокращаться. Парадоксально, но вместе с сокращением объемов миграционного обмена важность и острота этой проблемы для России стало непрерывно возрастать.

Был упущен исторический шанс

На смену прежним пришел клубок новых миграционных проблем, и наиболее болезненная из них — временная трудовая миграция, а точнее, её нелегальная компонента, масштабы которой как были неизвестны раньше, так неизвестны и по сей день. Более или менее близкие к реальности цифры имеются только по легальным трудовым мигрантам: судя по выдаваемым разрешениям на работу, их около миллиона. А нелегальная миграция, во много раз превышающая легальную, не только создает криминальные и медико-санитарные проблемы, но также оказывает отрицательное влияние на социально-экономическое и научно-техническое развитие всей России.

Массовый приток временных трудовых мигрантов происходит на фоне сокращения количества прибывающих к нам на ПМЖ из стран нового зарубежья. В условиях демографического кризиса России это становится геополитической проблемой. В 1991-1995 гг. миграционный прирост российского населения составил 2,6 млн. человек, в 1996-2000 гг. — 4,6 млн., а уже в 2001-2005 гг. — 0,5 млн. человек, что вместе с 2006-2008 годами дает чуть больше одного миллиона.

Динамика миграционных потоков свидетельствует, во-первых, что с каждым годом у наших близких соседей уменьшается миграционный потенциал для России (в настоящее время, по нашим оценкам, это не более 5 млн. из 17-18 млн. русских и других титульных для России народов, проживающих в новом зарубежье). Во-вторых, России стало значительно труднее привлекать русских и русскоговорящих мигрантов из нового зарубежья. К тому же некоторые страны СНГ в свою очередь активизировали политику возвращения своих соотечественников, в частности — из России (только в 2000-2007 гг. Бе-

ларусь приняла из России 3,8 тыс. белорусов и 7,2 тыс. русских).

Не облегчает ситуации и государственная программа содействия добровольному переселению, по которой начиная с 2006 г. к нам прибыло всего лишь около 20 тысяч человек. Это составляет менее 3% от общего миграционного прироста.

После распада Союза Россия упустила свой исторический шанс вернуть большую часть русских и других соотечественников, готовых переселиться из нового зарубежья. Наши руководители проигнорировали опыт стран, которые столкнулись с такой же проблемой в послевоенные годы (Япония, Германия, Франция).

Настоятельно необходима новая Концепция

Следует отметить, что наступление нового периода в развитии миграционной ситуации в стране совпало с осознанием государственной властью важности решения всего комплекса миграционных проблем. В этой связи событийным явилось принятие в марте 2003 г. правительством РФ Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. Однако этот документ изначально не отвечал всем необходимым требованиям, а сегодня он вообще катастрофически устарел. Назрела настоятельная необходимость принятия новой Концепции, отвечающей реалиям современной жизни.

При разработке Концепции, на наш взгляд, нужно исходить из того, что этот документ определяет только подход к формированию системы мер, регулирующих совокупность миграционных процессов. Сами же конкретные меры, охватывающие законодательную, финансово-экономическую, информационную и организационную деятельность органов власти в области миграции, должны стать составной частью различных программ и нормативных документов, но отнюдь не Концепции.

При разработке этого нового важного документа необходимо также осознавать, что цель миграционной политики не самостоятельна по определению. Она соподчинена иным целям, решаемым в других областях жизни страны. Например, она должна органически сочетаться с Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 г. В достижении цели, сформулированной в этой Концепции (стабилизация численности населения к 2015 г. на уровне 142-143 млн. человек и создание условий для её роста к 2025 г. до 145 млн.), миграция выступает лишь одной из компонент стабилизации. Значение миграции может быть различным (значимым или ничтожным), в зависимости, с

Сергей СНЕГУРОВ

Судя по выдаваемым разрешениям на работу, легальных трудовых мигрантов около миллиона

одной стороны, от естественного движения населения, а с другой стороны — от интенсивности демографического развития страны.

Очевидно, что в Концепции миграционной политики должны быть прописаны количественные параметры миграций, состав их участников (социальные характеристики), места исхода (страны-доноры), условия приема переселенцев в России, схема их размещения по территории страны. Но это не целевая часть, а то, что формирует задачи и приоритеты.

Определение количества и качества временных трудовых миграций всецело зависит от перспектив баланса труда, текущего и прогнозного дефицита рабочей силы, учитывающего его территориальные и отраслевые разрезы. К сожалению, Россия забыла практику балансовых разработок в сфере труда, а без этого нынешнее «квотирование» трудовых мигрантов — это детская игра в кошки-мышки.

Таким образом, в перспективе до 2025 г. миграционная Концепция должна быть подчинена цели существующей демографической Концепции. Исходя из всего изложенного, можно было бы предложить для обсуждения такую, например, формулировку:

«Целью миграционной политики России является привлечение в стратегически важные регионы страны иммигрантов, в первую очередь соотечественников из стран нового зарубежья, с облегченными условиями получения ими гражданства РФ, а также пополнение занятого в экономике населения временными трудовыми мигрантами в соответствии с балансовыми потребностями российского рынка труда».

Возможны, конечно, и другие формулировки. Но в любом случае лишь определив главную цель, можно обосновывать способы решения конкретных задач. Конечно же, эти способы не должны быть жестко привязаны к существующим сегодня правовым и другим нормативным актам, которые после их давнего «изготовления» и непрерывного «ремонта» Государственной думой многих созывов, конечно же, утратили всякую целевую направленность. Итак, сначала нужно четко определить, нужны или не нужны России мигранты (как постоянные, так и временные), и лишь потом можно искать пути наилучшего решения этих разных по стратегической значимости задач.

Чем нам грозит «демографическая яма»?

Опубликованное в прошлом номере нашего журнала интервью с Жанной Зайончковской вызвало большой интерес у читателей. Даже люди осведомленные признавались, что сделали для себя неожиданные открытия, которые, впрочем, не радуют. Зайончковская доказывает, что выбраться из «демографической ямы» Россия не сможет ни за счет увеличения рождаемости, ни благодаря росту производительности труда, и только доброжелательный прием мигрантов (а для развития российской экономики потребуются миллионы приезжих!) спасет нашу страну от деградации и обнищания.
Во время одной дискуссии Жанна Антоновна взволновала аудиторию таким вот эпатажным заявлением: «Скоро наступит время, когда мы каждому китайцу будем рады!» В публикуемых ниже заметках автор убедительно показывает, как вредоносна для России война с так называемой «тихой экспансией» китайцев.

Когда же кончится война с «китайской угрозой»?

Жанна Зайончковская,
зав. лабораторией миграции населения Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

Китай — один из главных доноров российского рынка труда, а среди стран, не входящих в СНГ, — главный донор. Трудовые мигранты из Китая появились в России после дезинтеграции СССР, в отличие от вьетнамцев и корейцев из КНДР, которые работали еще в Советском Союзе. В 90-х размеры привлечения рабочей силы из Китая, как и из Вьетнама и КНДР, были скромными — около 25 000 китайцев и по 8 000 — 9 000 вьетнамцев и корейцев в год. В 2000-е годы произошел стремительный рост. За 2001-2009 гг. китайцев стало больше в 7 раз, вьетнамцев в 7,5 раз, корейцев — почти в 2 раза.

В 2005 официальный наём китайцев достиг 160 569 человек, в 2006 — 210 784. В эти годы Китай занимал лидирующие позиции среди иностранной рабочей силы на рынке труда России, оттеснив Украину, которая долгое время была главным донором, на вторую позицию. Китай также более чем в 2 раза превзошел Турцию, которая в 90-х опережала его по количеству трудовых мигрантов в России. В 2008 численность китайских работников достигла максимальной величины, составив 281 679. В 2009 их было немного меньше — 269,885. В этом же году в России работало 97 474 вьетнамцев и 37 712 корейцев из КНДР.

Несмотря на значительное увеличение количества, доля Китая среди иностранных работников сильно упала — с 20,8% в 2005-2006 гг. до 12,1% в 2009 г. Рост китайской иммиграции сдерживается натиском таджиков и узбеков, хлынувших в Россию с 2006 и прочно занявших главные позиции на мигрантском рынке труда, но Китай устойчиво удерживает третье место.

Согласно данным, полученным на основе разных исследований, единовременное китайское присутствие на территории России оценивалось в 200 000 — 300 000 человек в прилегающих к Китаю регионах от Иркутска до порта Находка на Японском море. Общая численность китайцев в России определяется в пределах 400 000 — 600 000 человек. Эти оценки не меняются со временем, несмотря на быстрый рост трудовой миграции. Дело в том, что в начале 2000-х, благодаря вводу автоматизированной системы учета иммигрантов на восточной границе, пограничный контроль был существенно усилен, а возможности незаконного пребывания китайцев значительно сужены. Поэтому нет оснований предполагать, что их общее количество в России увеличилось, хотя известно, что существуют подпольные китайские швейные мастерские, есть незаконные торговцы и др. Тем не менее пропорция, несомненно, сильно сдвинулась в

сторону легитимных мигрантов. То же касается вьетнамцев, тогда как корейские мигранты всегда жестко контролировались правительством своей страны.

Что они у нас делают и где живут

Основными сферами деятельности китайцев являются торговля (33,4%, 2009 г.), строительство (31,5%) и сельское хозяйство (17,7%). На работу в обрабатывающих производствах их привлекают редко, здесь занято 6,5% китайцев, остальные 10,9% работают в других отраслях. По сравнению с вьетнамцами, подавляющее большинство которых заняты в торговле (70%, 2009 г.) и обрабатывающих производствах (12,4%), и корейцами, в основном сосредоточенными в строительстве (80%), сельском и лесном хозяйстве (13 %), занятость китайцев более диверсифицирована. Правда, пока что китайцы не могут широко развернуть в России традиционный для них ресторанный бизнес — скорее всего, из-за сильного давления местных предпринимателей, старающихся не допустить на свой рынок конкурентов, способных сильно сбить цены.

Общественное мнение связывает размещение китайцев преимущественно с Дальним Востоком. Хотя это мнение въелось в сознание россиян, оно ошибочно. В пограничной зоне, включая регионы Дальнего Востока и Забайкальский край, находится только 30% китайцев (2008 г.). Примерно столько же из них работает в регионах, расположенных на восточной ветви транссибирской железной дороги — от Свердловской до Иркутской области (29%), и столько же сосредоточено в Москве (28,7%). За пределами этих территорий небольшие скопления китайцев отмечаются в Санкт-Петербурге (3,5%) и Якутии (1,6%). В том или ином количестве китайцы присутствуют в 71 из 83 субъектов Российской Федерации, но в 8 субъектах их количество не превышает 10 чел., а в 11 — 50 чел. Китайцы избегают республик Северного Кавказа; их почти нет на европейском севере.

Первую позицию в рейтинге по количеству китайских трудовых мигрантов держит Москва. Здесь их в 2008 было 80 867. Вторую и третью позиции в рейтинге занимают Забайкальский край (27 273) и Амурская обл. (23 567), следом идет Иркутская обл. (17 326) и лишь затем Приморский край, Красноярский край, Свердловская обл. (в каждом регионе — чуть больше 16 000). Относительно же численности населения регионов китайцы больше всего представлены в Еврейской автономной области, где их 3,7%, Амурской обл. (2,7%), Забайкальском крае (2,4%). В населении Приморского и Хабаровского краев китайцы представлены в той же пропорции, что и в Москве, составляя 0,8%.

Приведенные выше данные с очевидностью показывают, что широко распространенные представления о «массовом нашествии» китайцев в приграничные районы — это не более, чем миф, не говоря уже о некоторых прогнозах, предрекающих 8-10 млн. китайцев к 2010. Мы уже имеем возможность убедиться, что китайского цунами не произошло. По нашим прогнозам, такое количество китайцев можно ожидать в России к середине века.

С другой стороны, оценка Виктора Ларина, определяющая количество китайцев на юге Дальнего Востока в размере 65 000 — 70 000 человек в середине истекающего 10-летия, вероятно занижена, так как охватывает только официально оформленных трудовых мигрантов.

СМИ продолжают пугать россиян перспективой образования чайна-таунов в городах, формирования консолидированных обособленных групп китайцев в виде землячеств, диаспор и преступных объединений. Но позднейшие исследования отрицают этот процесс, по крайней мере на Дальнем Востоке. Но в Москве тенденция к земляческим союзам как средству противостояния агрессивной среде вполне вероятна.

Чем китайцы раздражают нас, русских

Китайские мигранты исключительно адаптивны и, возможно, именно этим особенно раздражают русских, которые даже сами себе отказывают в деловых качествах. По мнению жителей Дальнего Востока, китайцы сильно обходят русских в трудолюбии (китайцев трудолюбивыми считает 71% опрошенных, русских — лишь 16% опрошенных), в предприимчивости (46% и 20%), в хитрости (47% и 18%), тогда как ответственность мало присуща и тем и другим. Почти всем китайцам русские отказывают в честности (1%), но и себя не слишком наделяют этой добродетелью (21%). Недостаток у себя деловых качеств русские возмещают щедростью (52%), которая китайцам, по их мнению, совершенно не свойственна. Но так ведь и должно быть, странно ожидать от мигрантов, выехавших на заработки, щедрости. Характеристика китайца, как она вырисовывается из опросов, *не столько этническая, сколько атрибутивная* по отношению к трудовым мигрантам вообще. Ее закономерно дополняет повышенная агрессивность китайцев (35% китайцев, как полагают дальневосточники, страдают ею, тогда как русские — в 2 раза реже). Естественно, мигранты — трудолюбивые, инициативные и напористые люди. Противопоставление психологических типов, которое просматривается в приведенных данных, едва ли верно интерпретировать как разницу между двумя народами. В основном это различия между мигрантами и принимающим населением как таковыми.

Китайцев не слишком пугают трудности, с которыми они сталкиваются в России: тотальное взяточничество, рэкет, угрозы, не особенно доброжелательное отношение как населения, так и властных органов. Несмотря ни на что, значитель- →

ная часть китайцев (33%) оценивает условия для бизнеса в России как благоприятные. Тех, кто ответил «нет», гораздо меньше (19%), и всего 6% намеревались прекратить свою деятельность.

Русофобия китайцам тоже не свойственна: отрицательно относятся к смешанным бракам с россиянами только около 10% из них — против 40% русских. Справляются китайцы и с русским языком: каждый десятый «знает русский хорошо», каждый третий «может объясниться», половина «читает, плохо говорит и понимает».

Что будет, если они останутся у нас жить

Почти каждый второй китаец хотел бы остаться на жительство в России. Интересно, что открыть или расширить свое дело китайцы хотели бы гораздо чаще на Дальнем Востоке, чем в Москве (52% против 10%), но стремление остаться на жительство несравненно сильнее в Москве (67% против 27%). Очевидно, Москва как город с потенциально большими возможностями привлекает китайцев, но слишком жесткие условия для легального бизнеса и трудности легитимизации отпугивают их. Но в целом китайцы демонстрируют готовность интегрироваться в российскую экономику и в российское общество.

К этому же движутся и россияне, по крайней мере в зоне интенсивных контактов на Дальнем Востоке. Близость Китая компенсирует возросшую отдаленность региона от европейской России. Пока правительство ищет модель интеграции в АТР, процесс интеграции с Китаем на Дальнем Востоке осуществляется de facto благодаря инициативе, самодеятельности и активности населения по обе стороны Амура.

Почему нам необходима либеральная политика

Россияне вовлечены в торговые операции с Китаем еще более активно, чем китайцы. Они в 2 раза чаще пересекают границу, каждый второй житель Дальнего Востока хотя бы однажды побывал в Китае. Значительная часть жителей Дальнего Востока вовлечены во взаимоотношения с Китаем. Как следствие трансформируется и отношение к китайцам. Среди жителей региональных центров весомая доля считает отношения с Китаем хорошими (44%), а на перспективы развития таких отношений население смотрит еще более оптимистично (55%).

Особенно выразителен контраст с Москвой. Если москвичи, по мнению китайцев, в большинстве недружелюбны или даже враждебны к ним (67%), то в городах Дальнего Востока, напротив, преобладает доброжелательное отношение (41%).

На границе сформировалось несколько пар тесно связанных между собой городов, представляющих органичный симбиоз, подобный двойной звезде. Ярче всего это иллюстрируют Благовещенск и Хэйхэ. Хэйхэ — новый город, примерно равновеликий своему русскому визави, вырос в последние 2 десятилетия на торговле с Россией. Благовещенск, отличающийся удаленным от больших городов и крайне изолированным положением, буквально обрел второе дыхание благодаря открытости к Китаю. Жители города не только почти все обиходные товары покупают в Китае (или китайские у себя дома), но часто ездят в город-антипод в рестораны отмечать юбилеи и праздники, через Хэйхэ ездят отдыхать на Желтое море. Да и сам Благовещенск, старый обветшавший город, обновляется и благоустраивается, чтобы не потерять лицо перед китайским двойником.

И китайцы и русские получают огромную экономическую выгоду.

Основными сферами деятельности китайцев являются торговля (33,4%, 2009 г.), строительство (31,5%) и сельское хозяйство

Китайцы — от приобретения обширного рынка сбыта, щупальца которого далеко тянутся от Благовещенска вглубь Сибири и Дальнего Востока, россияне — от возможности приобрести огромный ассортимент товаров прямо на месте по дешевой цене, для личного потребления и для выгодной продажи. Это способствует росту благосостояния и китайцев и русских, повышает занятость, сокращает безработицу. Инвестиционный климат Китая более благоприятен, поэтому многие товары даже россиянам выгодно производить в Китае, а в Россию ввозить уже готовую продукцию.

«Для жителей приграничья Китай — это сама жизнь», — утверждает Виктор Ларин, и убедительно доказывает это, оперируя не только экономическими показателями. Соседство с Китаем дает средства к существованию сотням тысяч россиян. Мнение о том, что китайцы создают рабочие места «только для своих соотечественников», как полагает член Государственной Думы Анатолий Аксаков, совершенно не соответствует реальности.

Среди молодежи велик интерес к Китаю. Популярно изучение китайского языка. Китайский преподается едва ли не во всех вузах Дальнего Востока и в общеобразовательной сети. Многие выпускники институтов стремятся найти работу в Китае и жить там.

Если судить по опросам, все еще значительный процент дальневосточников относится к китайцам свысока, испытывает чувство отторжения при общении с ними. Но и процесс стихийной интеграции продвигается очень быстро, тем быстрее, чем ближе к границе и чем теснее контакты. С другой стороны, чем ближе к Москве, тем устойчивее стереотип «желтой опасности» и страх перед китайской экспансией.

Итак, китайская проблема требует безотлагательного решения. Хотя вопрос обсуждается уже почти 20 лет, у России до сих пор нет четкого понимания роли китайской иммиграции в развитии страны.

Китайская иммиграция интерпретируется почти исключительно как потребность Китая. Российские аналитики часто хорошо знают, что нужно Китаю и какие цели он преследует в России, но в большинстве случаев имеют смутные представления о том, почему необходима китайская иммиграция для России. О реально происходящих процессах на Дальнем Востоке в Москве имеют весьма искаженные представления. В большинстве случаев китайская иммиграция рассматривается с позиции прямых угроз безопасности и целостности России. Китай подозревается в стремлении «тихого» захвата территории России путем «ползучей» миграционной экспансии. Поэтому власть ведет непрерывную войну с китайской иммиграцией.

Последний заслон был возведен в 2009 г. на пути народной торговли. Он оставил без работы десятки, если не сотни тысяч россиян, привел к разорению десятков тысяч малых предприятий, в который раз подорвал доверие китайцев к России, а жителей Дальнего Востока к Москве. Приграничный туризм за год сократился в 3 раза, а торговля на 32%. Акция была предпринята вопреки тому, что дальневосточники все в большей мере осознают свою связь с Китаем. Половина из них при опросе в 2008 г. заявили, что именно с Китаем необходимо развивать отношения в первую очередь, в то время как европейской России отдали предпочтение только четверть жителей. К сожалению, сегодня Центру на Дальнем Востоке особенно нечего противопоставить китайскому влиянию.

По нашей оценке, России в период до 2030 г. потребуется около 20 млн. иммигрантов, чтобы заполнить провал в трудовом потенциале.

Спаду трудового потенциала сопутствует процесс старения населения, что ещё больше повышает значение иммиграции. За 2010-2025 гг. доля пенсионной группы в населении России поднимется с 22% до 27%. При том, что согласно среднему варианту прогноза Росстата население страны сократится на 15 млн. чел., пенсионная группа увеличится на 6 млн. Соответственно, сильно возрастают требования к населению в рабочих возрастах. Если в 2010 г., грубо говоря, 3 работника должны были обеспечивать социальную поддержку 1 пенсионеру, то в 2025 г. — уже только 2 работника.

Экономическая рецессия, падение доходов и заработной платы, замораживание пенсий, частичное свертывание социальных программ, как и программ, обеспечивающих безопасность страны, — расходов на оборону, внутреннюю охрану, систему государственного управления, — это реальные угрозы, которые ожидают Россию, если она не сможет (или не захочет) принять столько иммигрантов, сколько необходимо для возмещения демографических потерь.

Естественно, россиянам хотелось бы видеть в роли главных доноров бывших партнеров по Советскому Союзу. Сейчас под взрывоподобным натиском узбеков и таджиков кажется, будто их ресурсы неисчерпаемы. Между тем, миграционный потенциал стран СНГ весьма ограничен. Разными экспертами он оценивается около 9-10 млн. чел., включая и русских. Провал программы по переселению соотечественников ясно показывает, что упования на русских тщетны.

Серьезных конкурентов Китаю как альтернативному донору нет. Со временем китайская иммиграция неизбежно будет увеличиваться. Масштабная инокультурная иммиграция, естественно, чревата серьезными рисками. России следует поторопиться с разработкой соответствующей политики, времени осталось мало. Ясно, что в данном случае необходима либеральная политика.

В статье использованы данные социологических обследований, проведенных Виктором и Лилией Ларинными

…Количество самоубийств, отравлений, убийств и несчастных случаев в России сравнимо с уровнем смертности от этих же причин в Сьерра-Леоне, Анголе и Бурунди, странах, переживающих военный конфликт или недавно вышедших из него. После распада Советского Союза на три смерти в России приходится только два рождения. Таковы данные исследования, опубликованного профессором Американского института предпринимательства Николасом Эберштадтом в книге «Демографический кризис России в мирное время». «Это не просто обширный демографический кризис, это далеко идущий всепроникающий кризис человеческих ресурсов», — поясняет Эберштадт.

Валерий Елизаров,
руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ

Слухи о вымирании россиян преувеличены, но…

Мы живем все-таки не на кладбище, а в стране, которая еще может стать пригодной для жизни и рождения детей

Презентация доклада американского исследователя Николаса Эберштадта «***Демографический кризис в России в мирное время: размеры, причины, следствия***» состоялась 12 августа с. г. в Гудзонском Институте (Вашингтон). Доклад привлек внимание как экспертов в области демографии и экономики, так и политиков, вызвал шум в прессе.

Эберштадт и его коллеги считают, что Россия переживает ***самый серьезный в Европе демографический кризис.*** Американские эксперты уверены, что в ближайшие двадцать лет ***быстрое сокращение трудоспособного населения скажется на всех сферах жизни российского общества.*** При этом, по их мнению, ***политическая элита России еще не осознала масштаба происходящих изменений.*** В то же время Эберштадт признает, что ***руководство в Кремле в какой-то степени пытается бороться с частью этих проблем***; исследователь даже отмечает ***небольшие тенденции к стабилизации населения в последние годы***.

Незадолго до выхода этой книги интернет-СМИ сообщили о прогнозе известной американской исследовательской организации Population Reference Bureau (PRB), в котором предсказывается дальнейшее уменьшение численности населения России. Вице-премьер А. Д. Жуков 29 июля 2010 г. на заседании Совета при президенте по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике прокомментировал эти цифры так: «…***Сегодня я прочитал сообщение, что какая-то американская компания, фонд, провела исследование о том, что якобы у нас к 2025 году ожидается сокращение численности населения до 133, а в 2050-м — до 117 миллионов человек. Это абсолютно ни на чём не основанные прогнозы. По нашей стратегии и тем действиям, которые предпринимаются, в первую очередь в рамках нацпроекта, мы должны стабилизировать и начать потихоньку увеличивать наше население***».

Откуда же взялись столь возмутившие вице-премьера цифры? В прошлогодней, устаревшей версии прогноза PRB действительно обнаруживаем: на 2025 г. — 133,3 млн., а на 2050 г. — 116,9 млн. человек.

Еще большего страху можно было бы нагнать версией 2008 г. Там прогноз на 2025 г. — 129,3 млн., а на 2050 г. — 110,1 млн. человек.

Однако в новой версии 2010 г. в строке ***Россия*** мы увидим совсем иные цифры: **прогноз численности населения на 2025 г. — 140,8 млн., а на 2050 г. — 127,6 млн. человек**.

Мы видим, сравнивая версии 2008, 2009 и 2010 гг., что специалисты PRB корректируют прогнозы с учетом новейших тенденций роста рождаемости и снижения смертности и убыли населения России. Так что к ним можно и должно относится с большим уважением. Журналистам простительно, но уж правительственные аналитики могли бы для доклада вице-премьера пред-

Число рождений в стране меняется волнообразно. Могут быть «тучные» годы и годы спада

ИТАР-ТАСС

ставить более свежую, качественную и достоверную информацию.

Вернемся к докладу Эберштадта. Стали ли его прогнозы откровением для российских демографов? Отнюдь нет. Российские ученые предупреждали о том же гораздо раньше и неоднократно.

Например, три года назад группа российских экспертов, которую мне выпала честь возглавлять, подготовила по инициативе представительства ООН в России доклад, который назывался «Демографическая политика России: от размышлений к действиям». Там говорилось о возможном сокращении численности россиян как к 2025 году, так и к середине столетия, о причинах демографического кризиса, о его последствиях для развития страны, о зависимости высоких показателей смертности от низкого уровня жизни, о семейной политике и проблемах миграции и т. д.

Ничего особо нового в докладе Эберштадта для нас нет. Со многим в его докладе можно согласиться, хотя есть и спорные моменты. В основном они относятся не столько к демографии, сколько к политологическим выводам.

Эберштадт построил свой доклад на открытых источниках, которые он, судя по списку источников, основательно проштудировал. Кстати, наш вышеупомянутый доклад также есть в списке у Эберштадта.

Аналогичные прогнозы представляли и наши коллеги из немногочисленного и, увы, убывающего отряда экспертов-демографов. Цифры в прогнозах на 2020, 2025 и 2030 гг. разные, но выводы и оценки близки.

Последний прогноз Росстата — средний, наиболее вероятный вариант — также предполагает пусть и небольшое, но сокращение численности населения (2025 г. — 140,8 млн., как и прогнозе PRB!). При этом низкий вариант (прогноз-предостережение) исходит из возможности сокращения населения до 132,3 млн. в 2025 г. Однако же «Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г.», принятая в октябре 2007 г., планирует, наоборот, увеличение населения до 145 млн. человек.

Так понимает ли наша власть масштабы и угрозы демографических изменений? В 2006 году в президентском послании Федеральному собранию было ясно сказано, что демографическая проблема — самая острая проблема современной России и если не решить ее, впереди нас ничего хорошего не ждет. Но последующие действия власти подкрепили эти абсолютно правильные слова лишь в незначительной степени. Были приняты дополнительные меры для стимулирования рождаемости и одобрена вышеупомянутая концепция, с такими целевыми показателями, которые скорее похожи на демографическую мечту.

Между тем число рождений в стране меняется волнообразно. Могут быть «тучные» годы и годы спада, когда, что бы мы ни делали, снижения числа рождений не избежать. Понимание этих закономерностей на верхних этажах власти просматривается далеко →

не всегда. Так, например, вице-премьер А. Д. Жуков недавно пообещал «…к 2013-му году по сравнению с 2009-м снижение смертности на 16,2% и увеличение рождаемости на 9,5 процента…». На чем основана такая уверенность — непонятно. Желания и политической воли для этого недостаточно.

Ведь что происходит на самом деле? Сейчас заводят детей женщины из многочисленных поколений, появившихся на свет в 80-е годы. Под влиянием новых мер, стимулирующих рождаемость, увеличилось и число рождений вторых-третьих детей. Представители власти считают это безусловным доказательством победы демографической политики и результатом эффективных вложений в здравоохранение. Получается, что оптимисты-политики посрамили скептиков-демографов?! Ведь рождаемость реально выросла и естественная убыль сократилась в 3 с лишним раза.

Но давайте посмотрим, как росла рождаемость в последние годы. Число рождений в 2007 г. (первый год реализации новых мер) выросло сразу аж на 8,8%, в 2008 г. — на 6,4%, в 2009 г. — на 2,8%. Однако за 7 месяцев нынешнего года число рождений увеличилось лишь на 1,4%. Невооруженным глазом видно, что рост рождаемости «выдыхается». Через несколько «тучных» лет нас ждет неизбежное снижение числа рождений, к 2020-2025 гг. — демографическая яма, поскольку заводить детей будут малочисленные поколения, родившиеся в 90-х и в начале 2000-х.

Какой же могла бы быть адекватная реакция государства на демографические вызовы? Прежде всего, по нашему мнению, необходима внятно сформулированная система государственных социальных гарантий, в особенности для молодых семей. Родить детей, получить более-менее нормальное пособие на полтора года еще можно, а что потом?

Сейчас государство поддерживает семьи с детьми весьма скромно. Чем больше в семье детей — тем больше бедности, и это для нашего общества, увы, очевидный факт. «Материнский капитал» своих задач не выполняет, поскольку возможностей использовать его пока мало. К рождению он подталкивает, но условия жизни практически не улучшает.

Позитивные изменения в смертности есть, но без масштабного сокращения алкогольной смертности, без формирования мотивации «жить, жить здоровым, жить долго», без дальнейших реформ в здравоохранении догнать развитые страны по продолжительности жизни будет нереально.

Закрыть нашу демографическую дыру могла бы миграция. Так, в 2009 г. миграционный прирост даже перекрыл естественную убыль. В нынешнем году, по предварительным данным за 7 месяцев, такая компенсация пока не просматривается.

Те, кто приезжает на постоянное место жительства, по сути — будущие граждане России. А значит, нужно помочь им адаптироваться, интегрироваться в нашу культуру, как это делается в других странах. Ну, а о более уважительном отношении к трудовым мигрантам и говорить не приходится. Их ненавидят, их боятся (иногда не без оснований), их считают людьми второго сорта, но терпят, т. к. без миллионов рабочих рук «гастарбайтеров» сегодня уже трудно представить экономику крупных и средних российских городов.

Итак, впереди у нас — **реальные и серьезные проблемы, угрозы, риски, которые неизбежно скажутся на экономическом развитии**. И потому важно научиться с этими проблемами жить. Приспосабливаться к демографическим волнам, корректно оценивать потребность в иностранной рабочей силе, грамотно учитывать все демографические факторы при разработке стратегии и тактики реформ и модернизации.

И следует, конечно, с **большим вниманием относиться к демографической науке и к мнению экспертов, как российских, так и зарубежных**.

Известный американский демограф, специалист по России Мюррей Фешбах (Murray Feshbach) считает, что преодоление демографического кризиса в России «*…потребует гигантских усилий и инвестиций со стороны государства. К чему оно совершенно не готово…*. ***В России немало толковых демографов, людей представляющих, что ожидает страну. Они должны достучаться до властей и убедить их в том, что необходимо безотлагательно предпринять решительные меры во многих областях»***.

Мне не нравится, когда грядущие демографические изменения называют «***вымиранием***». Да, речь идет о неприлично высокой смертности (в первую очередь мужской), о сокращении численности населения, прежде всего трудоспособного, о дальнейшем старении населения и увеличении «иждивенческой» нагрузки на трудоспособных. **Но мы живем все-таки не на кладбище, а в стране, которая еще может стать пригодной для жизни и рождения детей — для *долгой* жизни и рождения *нескольких* детей**.

К сожалению, при сложившихся тенденциях сокращение населения в долгосрочной перспективе практически неизбежно. А вот масштабы этого сокращения будут напрямую зависеть от грамотности нашей демографической и миграционной политики. Важно не только то, сколько нас, но и какие мы, как и сколько мы живем, важны качество и безопасность нашей жизни.

Когда-то А. В. Суворов говорил, что ***воевать надобно не числом, а уменьем.*** Так можно сказать и об экономике, и о социальной сфере, и о планах по жизненно необходимой нам модернизации.

«***России важен каждый!***» — под таким девизом в октябре пройдет перепись населения. Чем точнее мы посчитаем население, тем точнее будет диагностика происходящего затяжного демографического кризиса.

Можно ли гастарбайтеров заменить безработными россиянами?

Известно, что правительство Москвы настойчиво выступает с идеей заменить гастарбайтеров в столице выходцами из российской провинции. В России и до кризиса было несколько миллионов безработных, а кризис все обострил, так почему бы не дать работу своим, россиянам? Правда, сначала стоило бы выяснить: а готовы ли безработные россияне уезжать из дома за работой? И если да, то может ли государство содействовать их мобильности?

Никита Мкртчян,
ведущий научный сотрудник Института демографии ГУ ВШЭ, к. г. н.

В 2008 году, незадолго до того как в России с высоких трибун заговорили о кризисе, коллектив исследователей ГУ ВШЭ провел опрос безработных и лиц, ищущих работу, а также экспертов — руководящих работников территориальных органов по труду и занятости. Опрос выявлял потенциал пространственной мобильности безработных, их готовность при содействии государства искать работу в других регионах. Также нужно было определить меры государственного содействия. В конце 2009 года, когда кризис на рынке труда уже заявил о себе со всей серьезностью, был проведен второй раунд опроса.

В ходе обследования было опрошено в октябре 2008 года — 2525, в декабре 2009 года — 2747 безработных и лиц, ищущих работу (ЛИР), обращающихся в центры занятости. В опросе участвовали почти все регионы России. Выборка была организована таким образом, что в каждом субъекте Федерации половина респондентов опрашивались в областном (краевом, республиканском) центре, 25% — в одном из городов областного подчинения, 25% — в одном из сельских районов. Представляем некоторые данные, полученные в ходе опроса.

Работа на выезде

За два года, предшествовавшие опросу, часть опрошенных работали в других населенных пунктах, вне дома: 7,8% в 2008 году и 11,1% — в 2009 году. Жители региональных столиц работали в других населенных пунктах реже, чем жители периферии. Так как опрошенные могли работать в соседнем селе, участвовать в ежедневных маятниковых поездках, не следует интерпретировать эти данные как распространенность работы на выезде. Интересен существенный рост показателя в 2009-м: его можно объяснить отмеченным в кризис «экспортом безработицы». Дело в том, что часть временных трудовых мигрантов, работавших в крупных городах и лишившихся работы в кризис, были вынуждены вернуться домой и стали обращаться в органы службы занятости по месту своего постоянного жительства.

В 2008 году о частых регулярных поездках в последние два года сообщили 3,0% безработных и ЛИР, в 2009 году — 3,8%. Эпизодические, редкие поездки совершали, соответственно, 4,7% и 7,4%.

Несмотря на рост в 2009-м доли респондентов, имевших трудовые поездки в течение двух предшествующих опросу лет, направления поездок достаточно устойчивы. Наибольшая доля опрошенных выезжали на работу в пределах своего региона, в основном — в региональную столицу. Примерно половина выезжали в другой регион, при этом поток разделялся примерно поровну между московским регионом и всеми остальными регионами, вместе взятыми. Небольшая доля респондентов сообщили о трудовых поездках за границу.

Где и как ищут работу

Одним из индикаторов готовности к переезду являются места, где опрошенные ищут работу. Согласно данным опроса, более 80% ищут работу в своем городе (поселке, районе), 14-15% — в пределах своей области, края, республики. А вот готовых искать работу за пределами своего региона гораздо меньше. При этом ТОЛЬКО в своем городе, поселке, сельском районе искали работу 73,5% опрошенных в 2008 и 71% опрошенных в 2009 годах. То есть разница невелика.

Значит, кризис почти не увеличил количество клиентов служб занятости, ищущих работу вне дома. Не было выявлено и серьезных изменений в зависимости от места проживания опрошенных. →

ИТАР-ТАСС

Потенциальные миграционные намерения

Среди опрошенных безработных и ЛИР в 2008 г. было 17,7% желающих поехать на постоянную или временную работу в другую местность, в 2009 году — 18,5%. Чаще готовность к миграции выражали жители сельских районов — 22%; у жителей региональных столиц — 15%.

Миграционные намерения опрошенных поддаются корректировке, но весьма ограниченно. На вопрос: «Если бы вам предложили хорошую работу не в вашем городе с гарантией предоставления жилья, вы переехали бы туда жить?» — 54% дали отрицательный ответ или затруднились ответить. Безусловно согласны были 10,5%, скорее всего согласны — 13,5%. Еще 22% ответили «смотря куда ехать». В сельскую местность при условии наличия там хорошей работы и жилья готовы были бы переехать 13% опрошенных.

Безработные не желали покидать место своего жительства прежде всего потому, что надеялись найти подходящую работу в своем городе, поселке, районе — на это указали 65% в оба года. Сложности с жилищным обустройством указали как причину 36% (а также социальные связи, которые не хочется разрывать, «вписанность» в социальную инфраструктуру, налаженный быт). Отсутствие денег на переезд (10%) и информационные барьеры (5-6%) серьезно уступают по значимости вышеназванным причинам.

Куда они могут поехать?

Предпочтения при выборе места оказались достаточно устойчивы во времени. Потенциальные миграционные потоки разделяются на три части: 25-30% хотели бы найти работу в пределах региона, 40-45% предпочли бы поездку в московский регион или в Санкт-Петербург, а также — комбинированные варианты этих городов с другими российскими городами. Около 30% допускали переселение в другие регионы страны. Жители региональных столиц в основном предпочли бы переезд в Москву и Санкт-Петербург, переезд в пределах региона их интересовал мало. Напротив, для жителей сельских районов миграция в российские «столицы» была бы как вариант менее предпочтительна, чем переезд в столицу своего региона.

Различия в направлениях миграции между жителями поселений разных типов проявились и в ранжировании возможных мест работы. Опрошенным было предложено оценить возможные места работы по 5 градациям, от наиболее до наименее предпочтительного. При том что наиболее предпочтительным был ответ о «работе в своем городе, поселке, селе», жители села называли желательной работу в своем областном центре вдвое чаще, чем в Москве. Отметим, что для жителей всех типов поселений «антилидером» в рейтинге является работа в сельской местности. Впрочем, в качестве наименее предпочтительного варианта часто указывали и работу в Москве.

Цена вопроса: ожидания оплаты труда

В 2008 г. средняя заработная плата в России составляла 17,3 тыс. рублей, в 2009 г., несмотря на кризис, ее номинальный размер увеличился до 18,8 тыс. Данные опроса безработных и лиц, ищущих работу, содержали информацию либо о текущей заработной плате, либо о заработной плате по последнему месту работы. В 2008 г. ее размер составлял 9,6 тыс. рублей, в 2009 г. — 12,7 тыс. рублей. Более низкий размер заработка опрошенных в сравнении со среднероссийским по-видимому объясняется «плохим рабочим местом». Кроме того, возможно, опрошенные несколько занижали свою зарплату, не включали в нее дополнительные выплаты и т. п.

Несмотря на то что большинство опрошенных относились к категории низкооплачиваемых работников, они отвечали, что согласились бы сменить место жительства в связи с работой — при условии, что за нее будут платить по-настоящему хорошо (в 2008 г. шла речь в среднем о 36,5 тыс. рублей в месяц, а в 2009 г. — о 39,7 тыс.). Самые высокие зарплатные ожидания от переезда характерны для безработных и ЛИР, проживающих в региональных столицах, несколько менее требовательны жители сельских районов, но даже для последних «ценовой вопрос» переезда превышает 30 тыс. рублей в месяц. Таким образом, в среднем разница между заработной платой на последнем (текущем) месте работы и ее ожидаемым размером при переезде составляла в 2008 г. 3,8 раза, в 2009 г. — 3,1 раза.

Можно сомневаться в правомерности, а тем более в реальности таких желаний, но очевидно одно: респонденты готовы «ехать

за работой» при условии очень существенного повышения дохода. Однако если учесть, что при переезде придется арендовать жилье, такие претензии выглядят вполне оправданно.

Кто поедет на Дальний Восток?

Уже много лет управленцев и политиков волнует необходимость заселять Сибирь и Дальний Восток. В этой связи при опросе безработных и ЛИР (естественных кандидатов на такое переселение) был задан вопрос: готовы ли они переехать в эти регионы, если государство окажет им поддержку? Среди жителей округов европейской части, включая Уральский округ, в 2008 г. желающих было 3,5%, в 2009 г. — 5,2%. Еще 20,1% и 21,6% соответственно готовы были бы рассматривать такую возможность в зависимости от того, какая поддержка им будет оказана. Подавляющее же большинство опрошенных такую возможность не рассматривали.

Опрашивали также безработных жителей Сибирского и Дальневосточного округов: готовы ли они переселиться в регионы европейской части страны? Собирались это сделать 4,6% опрошенных в 2008 г. и 5,0% опрошенных в 2009 г.; 23,2% и 17,9% соответственно — пока не решили.

Интересно, что доля безработных и ЛИР, однозначно готовых *при содействии государства* переехать в регионы Сибири и Дальнего Востока, примерно равна доле жителей востока страны, имеющих намерение перебраться в регионы европейской части. Успешность более массового ответа на управленческие воздействия зависит от того, какую именно поддержку переселению готово оказать государство. Мерой такой поддержки является возможность получения хороших заработков. Так, безработные из регионов Сибири и Дальнего Востока считают, что для сдерживания выезда населения в западном направлении размер заработной платы в их регионе должен превышать средний по стране более чем в 4 раза.

Таким образом, результаты опроса показывают, что при невысокой в целом потенциальной мобильности безработных россиян возможности стимулирования этого процесса у государства невелики — очень уж существенного повышения зарплат, да еще с жилищным обустройством, ожидают люди. И даже в условиях кризиса, обострившейся ситуации на рынке труда, эти притязания не снизились. Так что вопрос, вынесенный в заголовок статьи, звучит риторически.

страдания по гражданству

«Вытворяют» из России

Лидия Графова

Эту символическую ошибку (буква «т» вместо «д» в слове «выдворяют») сделала в письме к Жириновскому — прямо по Фрейду! — мать Светланы Юрьевны Гончаренко. Мать умоляет спасти ее дочь, которая сидит сейчас в спецприемнике города Иванова — ждет высылки в Узбекистан. Что такое «выдворение» мать толком не понимает. Она даже не знает, как я выяснила, что после высылки дочь в течение пяти лет не сможет появиться в России. Да не заглядывает мать так далеко. Какие там пять лет, если у дочки в Узбекистане ни одной родной души нет, голову преклонить негде, да она там с голоду прямо на вокзале умрет...

«...Неужели так по-собачьи можно к людям относиться? Мы здесь плачем, два месяца ночи не спим, а она плачет в СИЗО...»

Светлана Юрьевна родилась в этом самом поселке Каминский Родниковского района Ивановской области, здесь живут все ее родные — мать, двое детей, сестры… Ее забрали 13 мая, а через неделю она встретила в спецприемнике свой 50-летний юбилей. Мать хотела ее поздравить — не пустили. Внук купил смену белья — не взяли. Внучке, правда, свидание разрешили.

«Моя Света ничего, абсолютно ничего плохого не сделала. Просто она очень несчастная...»

У Галины Васильевны три дочери и сын. Все, кроме Светланы, хорошо устроены, пользуются среди людей уважением. А Светлане не повезло с мужьями. Первый попал в тюрьму и там умер, второй был алкоголик, бил ее страшно, три года назад его выдворили в Узбекистан.

В Среднюю Азию семья Галины Васильевны попала в 80-е годы по направлению: ее муж, отец Светланы, был технологом по производству текстиля, его послали передавать опыт. Там и осталась теперь его могила. А Галина Васильевна вернулась в родное село в 91-м, когда начался «развод» советских республик. Светлана со вторым мужем и двумя детьми приехала в Каминский в 2002-м.

«…Да она всего девять лет прожила в Узбекистане. И гражданства узбекского она не принимала, клянусь — не принимала! Там автоматом всех зачисляли и выдавали зеленые паспорта».

В этом и состоит преступление Светланы Гончаренко: не могла →

она понять, не в состоянии она, как и ее мать, вместить в сознание, что она, русская, вернувшись в родное село, где родилась и выросла, числится здесь иностранкой и должна собирать массу справок, сдавать дорогостоящие анализы, чтобы получить так называемое РВП — разрешение на временное проживание... у себя дома.

Правда, первое время она пыталась жить по этим странным правилам: встала на миграционный учет и зарегистрировалась на три месяца, потом еще на три... Но когда им сказали, сколько бумажек надо собрать, чтоб получить то злополучное РВП, муж разозлился и по пьянке разорвал все документы, включая даже свидетельства о рождении сына и дочери. У Светланы остался на руках только зеленый паспорт, но и тот 5 лет назад закончил свое действие.

Нелегалка она теперь, круглая нелегалка. Вот сыну Виктору удалось оформить гражданство. Ему сделали одолжение: оформили российский паспорт «по бабушке». Может, потому и пошли на встречу — чтоб забрать в армию. Забрали через несколько дней и сразу — в Чечню.

А Светлану без документов нигде не принимали на работу. Есть в Каминском текстильная фабрика, и там брат Галины Васильевны, дядя Светланы, — зам. директора. Он взял было племянницу на работу, но вскоре нагрянула проверка и пришлось увольнять, да еще штраф платить. Галина Васильевна тоже не раз за дочку с внучкой штраф платила.

Когда мужа Светланы выдворяли, собирались и ее выслать. Но оставили, поскольку дочь Ольга еще не достигла совершеннолетия. Теперь Ольге 19. Она тоже без документов, смогла устроиться только продавцом на рынке. Хозяин — азербайджанец (у него есть, конечно, гражданство РФ), платит Ольге от 150 до 200 рублей в день.

Сын Виктор, когда вернулся из армии и узнал про мытарства матери из-за гражданства, пришел в паспортный стол в Родниках (теперь это подразделение миграционной службы) и хотел все свои заработанные боевые отдать — «только дайте гражданство сестре и матери». Прогнали его, конечно. А ведь он...

Тут я должна сообщить деталь, которая производит большое впечатление, когда рассказываешь кому-то эту историю: Виктор Гончаренко за боевые заслуги в Чечне (вынес из боя двоих тяжело раненных товарищей) получил Орден Мужества, на его удостоверении — подпись Путина. То есть мать героя выдворяют сейчас из России. И тем, кто это выТворяет, подвиг ее сына, получается, «до лампочки».

Из Постановления судьи Родниковского суда Ивановской области Лапиной И. Ю.:

«…Гражданка республики Узбекистан Гончаренко С. Ю. совершила административное правонарушение, предусмотренное ст. 18.8 ч.1 КоАП РФ… а именно: нарушила правила миграционного учета, выразившееся в уклонении от выезда из Российской Федерации.

…В ходе судебного заседания Гончаренко С. Ю. выразила полное согласие с составленным протоколом… Несмотря на признание… она просит не выдворять ее за пределы РФ.

…Обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность … судом не установлено.

…Судья, изучив протокол № 1004… приходит к выводу о необходимости назначения наказания в виде административного выдворения… так как менее строгий вид наказания… не сможет обеспечить цели…»

Протокол составлял оперуполномоченный Соловьев, свидетелем на суде выступила Кирсанова Т. В., начальник Родниковского подразделения УФМС Ивановской области. Спрашиваю у Татьяны Валентиновны: какую цель они преследовали, разлучая женщину с семьей и родиной? Ответ прост: исполняли закон. Восемь лет иностранка живет без прописки, сколько раз ей объясняли, что она должна выехать в Узбекистан или хотя бы обратиться в узбекское консульство для восстановления документов, а «она ничего для себя не хотела сделать».

В Москву в посольство Узбекистана они в прошлом году ездили: бабушка, дочь и внучка. «Три дня мы проторчали перед посольством, туда ведь не пробьешься. На скамейке ночевали. Потом одна сотрудница сжалилась, вынесла нам список бумаг, которые нужно собрать, чтобы президент Узбекистана Каримов разрешил дочке принять российское гражданство. Там столько долларов надо платить — голова закружится…»

Кирсанова говорит, что сейчас служба помогает в легализации 19-летней Ольге: «Судом установили ее личность, теперь надо документы собирать. Но сомневаюсь, что они это сделают. Медицинский сертификат стоит 2 тысячи, госпошлина — тысяча, фотографии, нотариус… А потом каждый год надо свои доходы подтверждать. А какие у них доходы?»

«Если будет у нас гражданство, выберемся из нищеты, — считает сын Виктор. — Мать же в Узбекистане одна работала, всю семью кормила, отец только пил».

Об этом сразу можно было догадаться, да Галина Васильевна и не скрывает: дочь с горя стала злоупотреблять спиртным. «Это муж, мерзавец, ее пристрастил. В Узбекистане она совсем не пила, там вообще это не принято. А у нас, знаете, люди не добрые. Она то огород кому вскопает, то картошку соберет, ни от какой работы не отказывалась. А платили чем? Самогонку у нас чуть не в каждом дворе гонят. Сколько народу из-за этой гадости повымерло. Вот за что надо наказывать».

Может, потому ее и выдворять решили, что она пьющая? «Боже упаси, моя дочь никому никакого зла не сделала. Да мы ж ее как раз лечить собрались, а тут… Нет, это я во всем виновата, это мне месть, чтоб не жаловалась».

Оказывается, письмо Жириновскому — совсем не первое. За прошедшие годы Галина Васильевна

к кому только не обращалась за помощью: и губернатору области Меню писала, и Путину, и Медведеву, и в общественную приемную «Единой России» ходила. Все ее письма пересылались в миграционную службу.

А в Ивановском управлении ФМС, как ни странно, только от меня узнали, что у них русская (единственная женщина среди мужчин) сидит в спецприемнике. Зам. начальника УФМС Голубева Т. Н. сама недоумевает: зачем ее в спецприемнике держать? Куда она может бежать? Но это не УФМС виновато, так решил суд. Судья Лапина объяснила Голубевой, что решение о выдворении принято просто потому, что на штраф у Гончаренко не было денег. Спрашиваю Голубеву: многих ли выдворяют из Ивановской области? Кажется, человек двадцать в год. А план на выдворение существует? Нет, плана нет. Но надо, оказывается, чтобы в следующем году выдворений было не меньше, чем в предыдущем. Сколько будет стоить ее билет? «Восемь тысяч. Отравлять приходится только с самолетом, чтоб без сопровождающего».

После нашего разговора руководство УФМС обратилось в прокуратуру области, и там обещали опротестовать решение суда о помещении Гончаренко в спецприемник. А выдворение все-таки будет? Тут Голубева в отчаянии восклицает: «А что нам делать с иностранкой, которая столько лет нелегально проживает в России?!»

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это уже третья моя статья в «РГ» о выдворении (депортации) русских из России. Напомню: «Журавлевы не нужны России?» («РГ», 2006 г.), «Депортация в субботу» («РГ», 2008 г.). А сколько еще таких же, но неизвестных нам трагедий «вытворяется» по стране. Правительственная комиссия, членом которой я являюсь, подготовила законодательные поправки о легализации лиц, приехавших на ПМЖ в Россию до 2002 года. Это год, когда вступил в силу новый Закон о гражданстве, сделавший всех наших соотечественников де-юре иностранцами. Сейчас поправки обсуждаются в разных ведомствах и далеко не всюду встречают поддержку. А тем временем наша огромная страна, как известно, стремительно обезлюдевает и программа добровольного переселения в том виде, как она существует, фактически провалилась.

К сожалению, те поправки, если и будут приняты, панацеей не станут. Во-первых, далеко не все «нелегалы поневоле» будут способны пройти процедуру легализации, требующую немало сил и средств. Во-вторых, после 2002 г. сколько лет уже прошло и сколько их еще набралось? В-третьих, и это самое главное: до каких же пор мы будем вносить поправки — латать государствообразующий Закон о гражданстве?! Уже восемь лет правозащитники и эксперты твердят о срочной необходимости «иммиграционной амнистии» — это простейший способ легализации, который регулярно проводится во всех цивилизованных странах. А наши законодатели все не могут расщедриться. Порой мне и миграционных чиновников бывает жалко — вынуждены они исполнять роль «опричнины»: столько тупиков в нашем законодательстве, из которых нет человеческого выхода!

Напоследок осмелюсь поставить вопрос, который мы обычно стыдливо обходим: нормально ли это, что русский или территориально российский человек (татарин, башкир и т. д.), возвращаясь в Россию, становится здесь у нас «иностранцем» или, если дадут статус, таким же беженцем, как, допустим, мигрант из Африки?

Опубликовано в «Российской газете» 15 июля 2010 г.

немедленный отклик

Буквально на следующий день после публикации статьи «Вытворяют» из России» на страницах той же правительственной газеты появился такой вот отклик

Владимир Плигин,
председатель Комитета Госдумы по конституционному законодательству и госстроительству

Правовое решение будет принято

15 июля «РГ» опубликовала статью Лидии Графовой, в которой рассказывается история матери Виктора Гончаренко, награжденного за боевые заслуги в Чечне орденом Мужества. Светлану Гончаренко, приехавшую из Узбекистана, но не сумевшую за восемь лет оформить российское гражданство, выдворяют с территории Российской Федерации. «Нормально ли это, что русский или территориально российский человек (татарин, башкир и т.д.), возвращаясь в Россию, становится здесь, у нас, «иностранцем?» — спрашивает Лидия Графова.

Одним из первых на публикацию откликнулся председатель Комитета Госдумы по конституционному законодательству и госстроительству Владимир Плигин. Он сообщил, что уже провел консультации по этому поводу в →

Федеральной миграционной службе. Ситуация изучается. И правовое решение, по словам Плигина, по этой ситуации «будет несомненно принято».

— Я внимательно слежу за публикациями уважаемого мной человека Лидии Графовой в вашей газете, — признался Плигин корреспонденту «РГ». — И должен заметить, что частично миграционное законодательство развивается под влиянием этих публикаций, высказанной в них позиции. За последние годы число людей с неопределенным гражданским статусом в России существенно уменьшилось. Когда мы начинали заниматься этой проблемой, — «РГ» об этом писала, — их было около 35 тысяч. В настоящее время — около полутора тысяч. Светлана Гончаренко одна из них. Но в ее истории особо трогает то, что речь идет о матери молодого человека, который отдал долг Родине, России. Честно защищал нас.

На самом деле глобальный процесс разрушения огромного государства привел к миллиону коллизий, когда семьи были рассечены, когда люди не могли решить вопросы гражданства своих ближайших родственников, оказавшихся по другую сторону границы. Российская Федерация несколько раз принимала меры для упрощения получения российского гражданства. К сожалению, не все сумели воспользоваться ими. В статье крайне серьезно поставлен вопрос о проведении срочной «иммиграционной амнистии». Действительно, практика проведения подобных амнистий существовала в целом ряде европейских стран. Не исключаю, что «иммиграционная амнистия» возможна и у нас. Надо только понимать, к чему это может привести. Однако у нас до сих пор нет точных цифр, сколько людей оказалось на территории Российской Федерации не в соответствии с действующим законодательством, но постоянно здесь проживает. Есть надежда, что необходимыми данными нас вооружит перепись населения, которая проводится. Возможно, глобальная амнистия такого рода коснется нескольких миллионов человек, в том числе и неоправданно оказавшихся на территории страны. Со всеми вытекающими из этого последствиями, кстати. Последствиями и для бюджета, и для пенсионной системы, и для социальной сферы. Поэтому идея требует глубокого изучения и оценки всех вероятных последствий. Думаю, что без консультации с российским гражданским обществом нам здесь не обойтись.

Игорь СМИРНОВ

Еще раз повторю, что проблема, поднятая в статье Лидии Графовой, несомненна. Однако трудно утверждать, что она может быть решена в рамках той амнистии, которую предлагает автор. Может быть, эти вопросы можно решить, еще раз упростив процедуру получения гражданства, развивая институт соотечественников и программу переселения соотечественников. Но глобальное решение не может быть принято поспешно. Конечно, иногда хочется проявить такой абсолютный позитив, сказать: «Да, это приемлемо во всех своих частях». Но я думаю, что ответственная государственная политика предполагает учет всех факторов — от защиты прав коренных народов Российской Федерации до выстраивания системы культурной адаптации для людей, которые приезжают на территорию нашей страны. Иначе не избежать тех сложнейших процессов, которые происходят в ряде европейских государств. У России, правда, от этого есть прививка — тысячелетняя история совместного существования многих и многих народов. И большую часть времени это было мирное существование. У народов России есть опыт выстраивания общности, которая называлась «советский народ». Так что исторические преимущества в этом плане у нас есть.

Что же касается конкретной ситуации, описанной Лидией Графовой, то здесь подход понятен — нужно защитить человека, если он оказался в сложной ситуации.

Подготовила Тамара Шкель
«Российская газета»,
16 июля 2010 г.

Кресты на мигрантских могилах

Галина Рагозина,
лидер переселенческой организации «Казахстанское землячество» (Воронеж)

Родительский день! Могилы наших родителей остались в Казахстане. Родственники, низкий им поклон, ухаживают за могилами моих близких. А за могилой моего свекра ухаживать некому. И вот мать мужа (она ради нас и наших детей в 75 лет уехала в Россию) в родительский день грустит и потихоньку плачет.

Мы с мужем часто бываем на одном сельском кладбище под Воронежем, потому что помогаем полюбившейся нам бабушке, Татьяне Ивановне. Сначала убираем могилы ее родных, а потом подходим к знакомому маленькому холмику. Здесь покоится прах крошечной девочки, внучки моей подруги.

Год назад семимесячная девочка родилась в одном из воронежских родильных домов мертвой. В морге санитарка сказала, что родителям ребенка нести гробик не положено. Она вынесла нам этот ящичек с крошечным тельцем, завернутым в красивые пеленки, и всю дорогу до сельского кладбища я держала его на коленях. В эти минуты в душе боролись разные чувства. Жалость к плачущей молодой матери и виновато-печальному отцу, чувство горечи, что не смогла, как ни старалась, сделать все, чтобы этого горя не случилось, и чувство гнева в отношении тех, кто виноват перед этой девочкой и перед миллионами соотечественников, принявших на себя все муки миграции.

Три года назад эта моя подруга и ее старшая дочь приехали посмотреть Воронеж и решить вопрос с переездом в Россию. Другая ее дочь с мужем и тремя внуками уже переехала жить в Канаду. Могли бы и родители туда отправиться, но им понравился город Воронеж. Здесь уже образовалось наше большое, дружное устькаменогорское землячество — опора для каждого приезжающего. А главное в том, что сердце рвалось в Россию.

Воодушевленные и радужно настроенные наши гости вернулись в Казахстан, а через год молодежь — родители и двое детей — уже были в Воронеже. Трудности переезда начались еще в Казахстане. Квартиру и машину (ввезти ее в РФ не разрешили) продать не смогли. Собственное дело закрыть оказалось тоже не так просто. Поэтому решили, что папа и дети получат гражданство РФ, а мама останется пока гражданкой Казахстана. Как заложница. Чтобы как-то закончить все дела.

Прошли длительную и сложную процедуру получения разрешения на выезд, за четверо суток проехали расстояние в несколько тысяч километров. В поезде казахстанские таможенники сказали: «Куда едете? Кому вы там нужны? Сейчас многие возвращаются обратно». Не поверили. А зря...

С первых дней началась «круговерть» по оформлению документов, которая требовала сил и больших денежных затрат. Контейнеры и ремонт квартиры (купили одни стены), поиск работы и устройство детей. Началась тоска по дому, особенно у маленьких, не понимающих «почему?». Сынишка держался, только глаза были печальные, а дочь-малышка все время плакала и просилась домой.

Через всё мужественно прошли! И даже решили родить на русской земле третьего ребенка. Но не смогли, увы, пройти до конца препоны миграционного законодательства.

Через три месяца будущей маме предстояло выехать за пределы РФ, так как не успели собрать документы для получения РВП. Чтобы не ехать в Казахстан, она пересекла ближайшую украинскую границу и снова въехала в Россию. Так делают многие, выполняя изуверскую инструкцию ФМС: «Пройдет трехмесячный срок, надо продлевать карту. Вы хоть один час одной ногой постойте «за границей», что вам стоит. Выедьте и опять въедьте!» Шли дни, срок беременности увеличивался. Медицинского полиса нет. На каждом шагу за все приходилось платить — ведь иностранка. Деньги таяли. Разрешения на работу не было, так как не было квот. Хоть они не гастарбайтеры, приехали на постоянное жительство, но все равно требовалась квота, а ее для этой категории мигрантов никто не заказывает.

Квартира в России принадлежала матери, было необходимо ее разрешение на регистрацию дочери на три года. Ни одну из присылаемых из Казахстана по дорогой спецпочте доверенностей не взяли, что-то да не устраивало. Подобрали специально для «прописки» домишко в деревне, но оказалось, что оформлять его нужно будет целый год. Суть да дело, прошли следующие 90 дней, →

нужна новая миграционная карта. Снова украинская граница, но на этот раз таможенники не впустили в Харьков. Они усомнились в подлинности предыдущего **их же штампа** в паспорте, говорили о новых требованиях — о наличии определенной суммы гривен для въезда в Украину, предлагали ехать в Казахстан.

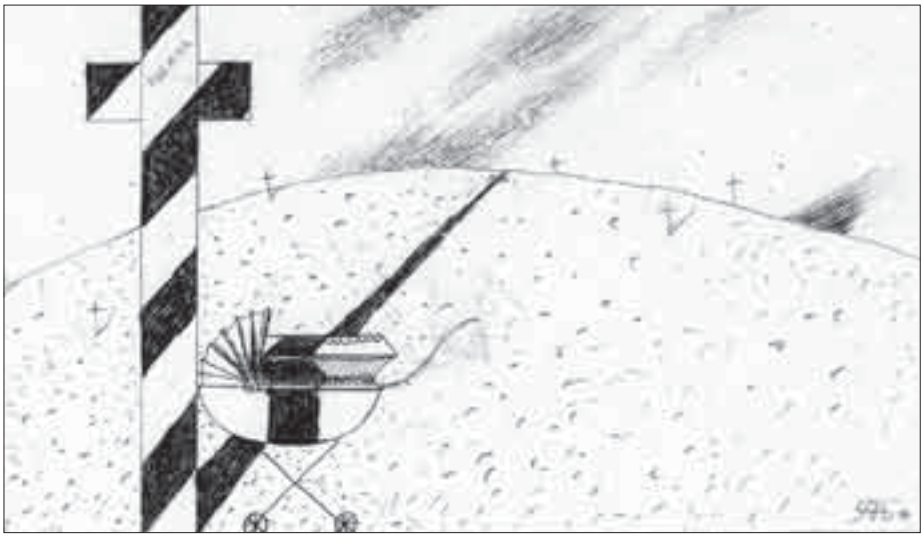
Аж 8 часов выматывали нервы на таможне, но, слава богу, вожделенная миграционная карта получена. Вернулась в Воронеж, и сразу последовало предложение врачей немедленно лечь на сохранение. Легко сказать: ложитесь в больницу. Но какая больница примет «иностранку»!

Наконец, всего на 2 дня, прилетела мама, чтобы переоформить квартиру на дочь. Предусмотрели вроде все: обратились в фирму, оплатили «окно» в ГУЮ. Но… регистратор сказал: «У вас в свидетельстве на квартиру стоит имя, но нет отчества. Это ошибка. В банке оплатите 100 рублей за ее исправление». Пытались доказывать, что при покупке квартиры в договоре именно в ГУЮ заставили написать только имя в соответствии с переводом казахстанского паспорта, но все напрасно. Не столь жалко деньги, хотя это чужая «ошибка» (с каждого мигранта по 100 рублей — с «голого» рубашка), но главное — пропало «окно», пришлось переделывать договор купли-продажи. Часы нервного ожидания, снова очереди. К концу дня будущую маму увезла скорая помощь. Попала она только в третий по счету роддом, два не приняли. Лежала в коридоре на каталке, выслушивала от персонала много «приятных» слов по поводу рожениц-иностранок и плакала. Вспомнились слова казахстанского таможенника: «Никому вы там не нужны».

Спасти ребенка не удалось! Хотя вскрытие показало, что девочка была жизнеспособной, умерла при неблагополучных родах.

...Как много говорится о сложной демографической ситуации в России! Как много шума по поводу программы добровольного переселения! И все чаще и чаще я слышу слова: «Пусть уберут препоны, дадут гражданство, и мы сами себя обустроим».

...Раны в сердце у родителей, потерявших новорожденную дочь, потихоньку зарубцовываются, они открыли собственное дело, летом «вкалывают» в том своем купленном сельском домишке. Но когда я прихожу к ним, то вижу, что их детки усиленно учат английский и французский язык, чтобы переехать к

Антон МАКСИМУШКИН-ПАВЛЮЧОК

тете в Канаду. Почему? Не потому что там жизнь слаще. Скорее всего там им придется труднее. Зато там дружелюбно относятся к людям и нет высокомерного, грубого, порой просто хамского отношения чиновников к мигрантам. Там права человека стоят на первом месте. А у нас, если ты попытаешься заговорить о правах, тебя тут же запишут в скандалисты. И тогда держись! Чиновники, которые совсем не по деловым качествам, а по принципу родства и по умению прогнуться занимают места у «кормушки», запустят свою машину отмщения «жалобщикам», машину круговой поруки.

Но не могу не сказать о тех, кто искренне сочувствует переселенцам, стремится помочь. Они порой идут на нарушение чудовищного для наших соотечественников миграционного законодательства. Сейчас огульно всех работников миграционных служб, таможенников обвиняют во взятничестве. Но уверяю вас: за 10 лет, что я работаю в общественной организации переселенцев, помочь удалось многим, но ни разу никому я не давала взятки. Ребята-пограничники часто жалеют русских женщин с детьми, которые приезжают на такси и умоляют дать им миграционную карту без пересечения границы.

Однако черствых, равнодушных к людским страданиям становится, увы, все больше. Я была свидетелем ситуаций, когда на второй день после посещения паспортного стола люди умирали от сердечного приступа. Я видела, как буквально на глазах седели молодые мужчины, у которых изъяли паспорта, как деградировали за несколько лет нелегального существования, работая на рынках, базах, в домработницах и подсобных рабочих, люди, имеющие по два высших образования и работавшие ведущими специалистами на прежней, а может единственной родине. Нелегалами они, как правило, становились из-за чиновников. Потому что даже при таком жестком, как у нас, законодательстве большинство сложных ситуаций можно бы было «разрулить», если бы люди понимали друг друга, сочувствовали, стремились помочь.

Куда уходит наше былое духовное единство?

И кто же все-таки виноват, что Аленка родилась в семь месяцев и тут же умерла, так и не успев стать гражданкой России?

Бен Адам,
журналист
(Израиль)

Каждый еврей имеет право…

ЗОВ — закон о возвращении

Израильский Закон о возвращении (ЗОВ) — один из самых либеральных в мире. Суть закона сформулирована в первой фразе: «Каждый еврей имеет право на репатриацию…» Каждый — это действительно каждый, вне зависимости от материального положения, профессиональных качеств, политических воззрений.

Для подтверждения права на репатриацию нужно доказать свою принадлежность к еврейству. ЗОВ берет за основу принцип, принятый в иудаизме: евреем считается тот, кто родился от матери-еврейки. Вопреки распространенному мнению, «процент крови» не важен — требуется лишь наследование еврейства по прямой материнской линии. Иначе говоря, «чистокровной еврейкой» претендента на израильское гражданство может быть и мать, и бабушка, и прабабушка, и прапрабабушка — до миллионного колена. Национальность отца при этом не имеет значения. Кроме того, евреем считается тот, кто принял иудаизм.

Закон о возвращении гарантирует право на израильское гражданство не только евреям. Здесь уже вступает в силу национальность по линии отца, которая не означает принадлежности к еврейскому народу, но дает право на репатриацию в двух поколениях. Таким образом, сын еврея и внук еврея не считаются евреями, но получают визу репатрианта на тех же условиях. Кроме того, израильское гражданство предоставляется нееврейским членам семьи отъезжающего, при условии, что они едут с ним.

Единственное ограничение — это запрет на репатриацию для евреев, которые перешли в другую религию. Они могут приезжать в Израиль и жить в стране на общих основаниях, но воспользоваться правом на получение гражданства им не удастся. Некоторые критикуют этот пункт ЗОВ, считая его дискриминационным. Вместе с тем надо учитывать особую роль религии в национальной (а следовательно, и государственной) идеологии еврейского народа. ЗОВ не требует верить в Бога и следовать ритуалам иудаизма в обязательном порядке; в данном случае религия — не самоцель, а критерий лояльности будущего гражданина. Поскольку принадлежность к иудаизму определяется национальной принадлежностью и не требует никаких дополнительных условий, иудеями считаются все евреи по умолчанию, даже если они никак не связаны с религией. Таким образом, еврей-атеист может получить гражданство, а еврей-христианин или еврей-мусульманин — нет.

Для сравнения: немецкое законодательство, регулирующее еврейскую иммиграцию, гораздо жестче. Во-первых, в отличие от израильского Закона о возвращении, там действует принцип определения национальности по составу крови. Как минимум, один из родителей претендента должен быть «чистокровным» евреем. Во-вторых, желающие эмигрировать в Германию по еврейской квоте должны отвечать определенным требованиям: знание языка, финансовая состоятельность, общая благонадежность. В-третьих, сам процесс гораздо более сложен с точки зрения сбора документов и срока рассмотрения. При этом никто не гарантирует положительное решение. Кстати, «дискриминационный» пункт о вероисповедании действует и в немецком иммиграционном законодательстве.

Как это работает

Процесс репатриации начинается с подачи заявления в консульский отдел посольства Израиля с просьбой о выдаче визы. Консул рассматривает анкету заявителя и принимает решение о его праве на репатриацию. Принадлежность к еврейству устанавливается на основании документов из ЗАГСа или раввинского суда. При положительном решении консул выдает визу репатрианта, которая гарантирует получение гражданства по прибытии в Израиль. Если не требуется дополнительных проверок, достаточно одного визита в консульство.

Гражданство выдается сразу по прибытии — отделение Министерства внутренних дел Израиля расположено прямо в аэропорту. Новый репатриант получает удостоверение личности — основной документ гражданина Израиля (выполняет ту же функцию, что и внутренние паспорта граждан РФ). Через некоторое время можно оформить израильский паспорт, который требуется для поездок за границу (по аналогии — то же самое, что и российский загранпаспорт).

После этого начинается процесс натурализации — или, как это принято называть в Израиле, абсорбции. Министерство абсорбции оказывает финансовую и информационную помощь репатриантам. В течение года новоиспеченные израильтяне получают пособие и →

освобождаются от налогов. Существуют самые разнообразные программы поддержки, льготы и ссуды, которыми можно воспользоваться в течение первых лет после репатриации. Среди них — бесплатные курсы по изучению языка, различные программы профессиональной переподготовки, скидки для студентов и т. п.

Израиль заинтересован в привлечении новых репатриантов и их успешной абсорбции. Еврейские организации по всему миру агитируют людей, имеющих право на репатриацию, ехать в Израиль. Государство тратит немалые деньги на абсорбцию новых репатриантов.

Иммиграционный проект Израиля оправдывает себя. На сегодняшний день в стране проживает 5,7 миллионов евреев, из них 2,4 миллиона (44%) — это репатрианты. В начале 1990-х годов в Израиль приехали более миллиона выходцев из бывшего СССР — и, в целом, их абсорбцию можно признать удачной.

Тем не менее даже эта отработанная годами схема иногда дает сбой. Не всегда Закон о возвращении действует на благо репатриантов и Израиля.

Новые отказники

Каждый еврей имеет право на репатриацию, но сначала это право нужно доказать. Иногда с этим возникают проблемы.

Основное доказательство еврейства на постсоветском пространстве — это документы ЗАГСа, выданные до 1991 года. Набор стандартный: свидетельство о рождении, свидетельство о браке, желательно — старый паспорт советского образца с указанием национальности и прочие бумаги, где фигурирует «пятая графа» и/или характерные еврейские имена и фамилии. Зачастую эти документы утрачены, либо содержат недостоверные сведения (некоторые пытались скрывать свое еврейство, меняли имена, фамилии и национальность). Восстановить нужные бумаги невозможно: консул принимает к рассмотрению только оригинальные документы советского образца. К современным дубликатам из ЗАГСа доверия нет: считается, что их легко подделать.

Таким образом, даже человек, у которого оба родителя евреи, может столкнуться с некоторыми сложностями, если он не представит консулу их свидетельства о рождении старого образца. Тем более сложно доказать свое отношение к еврейству, когда еврейскую линию представляет только один из родителей или бабушка.

Существуют и более экзотические варианты, обусловленные личной биографией. Кого-то усыновили, кого-то выгнали из дому, кому-то родственники просто отказываются выдать нужные документы, не желая отпускать в Израиль. А еще есть бывшие супруги, не поделенные дети, на которых нужно получить разрешение и т. д., и т. п.

Решение о выдаче визы репатрианта принимается лично консулом и обжалованию не подлежит. Если чиновник сочтет, что документы претендента недостаточно убедительны, о репатриации можно забыть. В данном случае израильская бюрократия даже хуже, чем российская: чего-чего, а инстанций для жалоб и апелляций в РФ хватает.

Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: на территории бывшего СССР, как и много лет тому назад, скопилось определенное количество «отказников», которые не могут репатриироваться в Израиль. Только теперь им отказывают в праве на въезд, а не в праве на выезд, как это было во времена «железного занавеса».

Стеклянный потолок

Несмотря на активную государственную поддержку новых репатриантов, не всем из них удается найти свое место в израильском обществе. Для этого нужно хорошо выучить язык и приспособиться к новой ментальности. Чем старше человек, тем меньше его шансы на полноценную абсорбцию.

Многие репатрианты чувствуют разочарование, некоторые начинают сожалеть о своем выборе. Уровень недовольства «на русской улице» довольно высок. Поговаривают о дискриминации приезжих со стороны уроженцев Израиля. Популярна идея о «стеклянном потолке» — незримых преградах, которые существуют для русскоязычных граждан. Человек хочет «расти», продвигаться вверх по социальной лестнице, но ему мешают, не пускают наверх. Казалось бы, перспектива открыта и нет никаких формальных ограничений, однако новый репатриант как будто упирается в невидимый стеклянный потолок и не может его пробить.

В большинстве случаев эти жалобы безосновательны. Конечно, репатриация в Израиль — это непростое социальное испытание, как и любая эмиграция. Нелегко учить язык, воспринимать новую культуру, менять профессию. Тем более что в большинстве случаев это связано с понижением социального статуса. Однако обвинять в этом государство или общество было бы неправильно. Уровень ксенофобии по отношению к репатриантам сравнительно невысок. И хотя любой русскоязычный израильтянин так или иначе сталкивался с площадной бранью в адрес «понаехавших русских», общество в целом позитивно относится к репатриации и репатриантам. И это не удивительно, учитывая вышеуказанный процент репатриантов среди еврейского населения страны. Так что нет оснований говорить о каком-то особом заговоре против русскоязычных израильтян.

Таким образом, стеклянный потолок — не более чем миф. Однако многие репатрианты свято

верят в этот миф, и он во многом определяет их самоощущение и восприятие новой родины. Обида на Израиль и в самом деле мешает им успешно абсорбироваться и закрывает возможности для социального роста. Пресловутый стеклянный потолок выстраивается собственными руками.

Дискуссия о «понаехавших»

Время от времени общественная дискуссия вокруг Закона о возвращении разгорается с новой силой. Нередко поводом становятся скандалы, связанные с преступной деятельностью некоторых русскоязычных репатриантов. Так, в 2007 году была задержана группа молодых израильтян-неонацистов, которые избивали прохожих и осквернили кладбища. Все члены группы — выходцы из стран СНГ, которые репатриировались на основании ЗОВ, будучи потомками евреев или членами их семей. Они не ассоциировали себя с еврейством и занимали откровенно антисемитскую позицию по отношению к Израилю и его гражданам.

Этот сюжет затронул болевые точки в общественном диалоге и породил новую волну споров о целесообразности Закона о возвращении. Противники ЗОВ получили наглядный аргумент в пользу своей позиции: «Посмотрите, кого мы привозим в страну!» Со временем споры утихли, но периодически этот вопрос оказывается на повестке дня.

Существует три концепции изменения ЗОВ.

Первая концепция, наиболее радикальная, предполагает полную отмену преференций для евреев и получение гражданства на общих иммиграционных основаниях. Подобной точки зрения придерживаются несколько групп населения. Во-первых, те, кто просто не любит приезжих. Они отрицают ЗОВ, исходя из обычной бытовой ксенофобии. Во-вторых, те, кто придерживается крайне левых политических взглядов. Они считают, что Израиль должен быть универсальным, а не национальным государством, а репатриация евреев противоречит этой концепции. В-третьих, как это ни удивительно, против ЗОВ выступают некоторые русскоязычные израильтяне, приехавшие в Израиль именно в силу этого закона. Они утверждают, что в страну попало слишком много людей, не имеющих отношения к еврейству, и не хотят, чтобы их ассоциировали с этими людьми.

Вторая концепция, более умеренная, предполагает реформу ЗОВ. Общие принципы остаются теми же, но вместо гражданства новые репатрианты будут получать вид на жительство. Иными словами, предлагается ввести некий испытательный срок, в течение которого репатриант будет обладать всеми правами, кроме права голосовать на выборах. Окончательное решение о выдаче гражданства будет приниматься через несколько лет после репатриации в страну. Подобную концепцию поддерживают люди из самых разных слоев населения.

Третья концепция характерна для представителей религиозного лагеря. Они согласны предоставлять гражданство евреям по материнской линии «до миллионного колена», но требуют отменить право на репатриацию для сыновей и внуков евреев, поскольку, как уже отмечалось выше, иудаизм не предполагает наследование еврейства по линии отца. Кроме того, религиозные граждане считают, что вопросами установления еврейства при репатриации должен заниматься раввинат, а не консульство.

Тем не менее Закон о возвращении до сих пор не отменили и не реформировали, и вряд ли следует ожидать этого в ближайшее время. Новые репатрианты — это важный ресурс, как с моральной, так и с демографической точки зрения. Большинство израильтян понимает это, поэтому до сих пор Израиль остается одной из самых дружелюбных стран для новоприбывших.

Дети нежнейшего цвета «беж»

Мария Фетисова
журналист – правозащитник (Одесса, Украина)

«Афганский синдром» в моей жизни журналиста возник не случайно. Пять лет работы с беженцами и искателями убежища в пункте временного размещения беженцев г. Одессы позволяют сделать некоторые заключения об адаптации и интеграции выходцев из Афганистана на Украине. Интеграция детей, обучающихся в школе, проходит почти без проблем. Дети с удовольствием принимают новую культуру, обучаются украинскому и русскому языкам. Родители даже обеспокоены тем, что дети забывают родные языки: пушту, дари, фарси, урду. Вместе с родным языком утрачиваются и традиции. Таким образом, на будущее заложен конфликт поколений: дети тяготеют к ассимиляции, а родители хотят сохранить свою культуру и традиции.

Написать эти заметки меня заставляет прежде всего та двойная несправедливость, с которой сталкиваются у нас выходцы из Афганистана. Будучи изгнаны со своей родины, они порой испытывают еще и незаслуженно пренебрежительное отношение со стороны местного населения. Нашим людям трудно до конца осознать трагедию этих жертв войны, которая не заканчивается до сих пор. Мое открытие Афганистана началось с близкого знакомства с афганскими детьми.

Назим и его мадонна

Я радовалась молча и тихо,
что пронесло:
Никого из родных и близких
не зацепил Афган.
Для меня Афган —
Розенбаума черный тюльпан,
От которого дрожь и мороз
по коже,
Девятая рота, что в крови,
моче и блевоте…
Я не знала, что эхо Афгана
коснется меня
Годы спустя — в душу мне
глядят дети Афгана
Темными печальными глазами
и говорят: «мама».

Назим Зевари, мальчик из Афганистана, — ровесник моего сына, и потому я все время их невольно сравниваю. Назим выглядит старше и гораздо самостоятельней. Наверное, это аксиома: все дети беженцев и искателей убежища на Украине взрослеют намного раньше своих украинских ровесников, потому что несут наравне со взрослыми все тяготы и испытания жизни вдали от родины. Эти дети вынуждены вместе с родителями зарабатывать на хлеб, а в неполных семьях они часто бывают единственными кормильцами. К сожалению, им не всегда удается закончить даже среднюю школу, несмотря на определенные способности. Способных же детей среди них предостаточно.

Вот и Назим открылся совершенно неожиданно как отличный рисовальщик, принеся в подарок свой карандашный рисунок, которому дал название «Материнская любовь». Посмотреть на подарок сбежались все сотрудники одесского пункта временного размещения беженцев. Кто-то высказал мысль, что неплохо бы рисунки, да и самого мальчика показать преподавателям Грековки. Мальчик же рассказывал, что одной только «Материнской любви» ему пришлось сделать на продажу около 1600, а потом он просто сбился со счета. Графику охотно покупали для интерьеров гостиных в Афганистане. Мальчик помещал рисунок для продажи под стекло в раму. Он и нам предложил свой подарок повесить на стену, прибив гвоздь и выбрав со знанием дела менее освещенную стену, где его графика смотрелась бы более выигрышно, проявив и здесь хозяйственную сметку.

Конечно, нам захотелось узнать о судьбе Назима Зевари побольше, и мы договорились с ним о встрече на Киевском рынке, где он работает реализатором у своих земляков. Когда я пришла в назначенное время, Назим ел из маленького казанка плов. Он попытался отставить

еду в сторону, но я удобно примостившись рядом, попросила не обращать на меня внимания. Оказалось, что плов он приготовил сам, что он старается поменьше есть вредного для здоровья базарного «фастфуда». Назим не просто аккуратен, а есть в нем то, что называется шармом. Он хорошо сложен и поддерживает спортивную форму. У него темные выразительные глаза и не менее выразительные ухоженные руки человека, знающего цену этим своим рукам.

Пока он ел, я рассматривала его рисунки, аккуратно собранные в папку. Назим между делом посвящал меня в тонкости ремесла. Объяснял, что графика во всем мире дорого ценится. Показывал рисунки разной техники: и почти прозрачные («Дедушка пришел"), и наполненные глубокой светотенью («Портрет туркмена»).

Будучи полным дилетантом в художественной технике, воспринимающим рисунок только сердцем, я не переставала удивляться способностям мальчика. Мальчик же, перемежая русские слова с английскими, говорил на своего рода суржике, в котором соседствовали «mother love» (материнская любовь) и наше родное просторечие (типа «туда-сюда»). Но мы прекрасно друг друга понимали.

Назим рассказал, что его мать с младшим братишкой осталась в Кабуле. Семья после потери кормильца-отца, который при прошлом режиме занимал определенный пост, находилась в весьма затруднительном положении. Мальчик не получил, к сожалению, системного школьного образования: за годом учебы следовал год войны, когда о школе не могло быть и речи.

Но Назиму посчастливилось попасть к мастеру Сидику Сирата — такова была воля отца, который, к слову, сам неплохо рисовал. Мастера Сидика, к сожалению, уже тоже нет в живых. Основным занятием мастера Сидика было световое оформление витрин. Говоря современным языком, он был дизайнером. Школу копирования у мастера Сидика прошел не один мальчик, отданный ему на выучку. Назим обучался у мастера 2,5 года. У мастера была большая книга с репродукциями и различными шрифтами, по этой книге мальчики и обучались.

Мастер Сидик несомненно оказал влияние на формирование личности Назима. Думаю, что Сидик был требователен и строг, сумев не только «поставить руку», но и вдохнуть уверенность в собственные силы не одному своему ученику-копировальщику. Самым главным в школе мастера Сидика была подготовка к восприятию мусульманскими мальчиками европейского искусства и толерантного отношения к культурному разнообразию. Чем не мастер-класс самого высокого уровня?

Как сложится дальнейшая судьба Назима Зевари? Трудно сказать, однако хотелось бы верить, что материнская любовь, ставшая сюжетом самого любимого его рисунка, служащая оберегом для мусульманских семей и, странным образом, не вошедшая в противоречие с основными канонами Корана, непременно защитит его самого.

Гезал среди миров

Дитя Афганистана, цветы души
твоей благоуханны,
На мир ты смотришь
удивленными глазами,
Чтоб красоту его отобразить
волшебными мазками.
И где найти слова для гимнов
и газелей
Под стать твоим прекрасным
акварелям?

Гезал означает «газель», и она действительно похожа на газель с удивленно распахнутыми глазами.

Вспоминая ее рисунки, я до сих пор не могу понять, как девочка из семьи беженцев из Афганистана, не имея нормальных условий для жизни и развития, смогла себя так полно и емко выразить в рисунке.

Гезал Насир Серешк, девочка девяти лет, от рождения наделена художественными способностями. Гезал повезло с родителями, они росток ее способностей заметили и поддержали. Сделать это им было непросто. Мать Гезал покинула Афганистан сиротой и закончила Донецкое медицинское училище, а отец имел на родине весьма высокий социальный статус, но это было в прошлом, о котором они предпочитают не говорить. Сейчас статус семьи — беженцы. Они гордятся успехами дочери и ставят перед собой цель дать девочке всестороннее развитие. Гезал, помимо общеобразовательной школы, обучается также в школе искусств, сразу в художественном и музыкальном классах.

Вероятно, девочка, выросшая в семье беженцев на Украине, как ее ни оберегали родители, подсознательно ощущает, что жизнь ее родителей делится на две части: «до» и «после». И в определенном смысле дети беженцев, эти дети нежнейшего цвета «беж», ощущают свою «вырванность с корнем» наравне с родителями. Успешная интеграция, как это ни странно на первый взгляд, стимулирует процесс самоидентификации и усиливает связь с национальными общинами, но это уже не родоплеменная связь, а взаимовыгодные отношения, когда решаются в первую очередь не только собственные проблемы, но и вопросы самой диаспоры. Не единожды приходилось слышать, как успешные представители беженцев называют себя «афганскими украинцами» или «афроукраинцами». Но при этом многие говорят, что ощущают себя «своими среди чужих» и «чужими среди своих».

Возможно, эта неприкаянность и становится у детей своего рода мотором развития личности.

На рисунках Гезал — все многоцветье жизни. Здесь и сюжет в японском стиле, и диковинные птицы, одна в обычном оперении, вторая — синяя птица счастья. Вот солнышко, похожее на маску из тыквы, какие делают на Хеллоуин. А вот и портрет мамы: она, конечно, самая любимая и самая красивая, строгая, но справедливая. Папа — в образе снеговика среди елок. Жирафы и верблюды неслучайно забрели в миры Гезал. Жирафов она рисовала для друзей-африканцев, а верблюдов видела в киевском зоопарке, потом они ей долго снились. Гезал точно запомнила, что ей шепнул на ухо старый погонщик верблюдов. Он сказал, что ей еще не раз придется возвращаться в снах и мечтах в Афганистан, но счастлива она будет только на новой родине — на Украине.

Вот и мы надеемся, что Гезал Насир Серешк, типичная представительница детей нежнейшего цвета «беж», станет успешным проводником между культурами Афганистана и Украины.

Впрочем, она им уже на самом деле стала...

Интеграция

Матин Холматов:
«Обычно мигранты скептически смотрят на инициативы правительств, а к гражданскому сектору они относятся с большим доверием»

стр. 47

Вячеслав Поставнин:
«Интегрировать мигрантов может только общество, и для этого само общество должно захотеть их интегрировать»

стр. 43

Владимир Мукомель:
«Политика интеграции нуждается в системе общественного контроля со стороны гражданского общества»

стр. 36

Ольга Брусина:
«Сравнение с маленькой Абхазией наглядно показывает, что у нас в России бюрократические запреты и коррумпированность власти подменили внятную миграционную политику»

стр. 40

Светлана Ганнушкина:
«Сейчас миграционные процессы идут так стремительно, что интеграция за ними явно не успевает»

стр. 52

Галина Суппес:
«Одна из причин, препятствующих интеграции мигрантов в немецкое общество, это неготовность или нежелание местного населения принять мигрантов как равных»

стр. 55

Всеволод Богданов:
«Тема миграции сегодня — одна из самых жизненно важных для России и достойна более серьезного освещения в СМИ»

стр. 60

Ксенофобия просто непрагматична

Владимир Мукомель,
профессор Института социологии РАН

Споры о миграционной политике — это споры о будущем страны. Имеются две противоположные точки зрения на перспективы развития России.

Согласно первой, страна должна развиваться базируясь исключительно на русско-православной культуре. Приверженцы этой позиции склонны к изоляционизму и выступают за жесткое ограничение притока иммигрантов.

Сторонники альтернативной позиции считают, что исходя из долгосрочных демографических, экономических и политических интересов России без иммигрантов нам не обойтись. По сути, единственным источником компенсации стремительно сокращающихся трудовых ресурсов является миграция.

Дефицит рабочих рук — один пласт проблемы. Другой — неуклонное снижение численности населения России. И если дефицит трудовых ресурсов еще может быть восполнен притоком временных трудовых мигрантов, то депопуляция может быть сглажена исключительно притоком переселенцев.

Иммиграция для страны — не вопрос выбора, а вопрос необходимости, более того — вопрос выживания. Без иммиграции крайне сложно поддерживать потенциал экономического развития, сохранять стабильность ряда территорий, обеспечивать национальную безопасность.

Следует готовиться к тому, что приток мигрантов возрастет в разы. Как и к тому, что приезжать к нам будут люди иноэтничные. И это может стать глобальным вызовом, если не удастся обеспечить адаптацию и интеграцию мигрантов. Кстати, изоляционистская точка зрения не лишена оснований: действительно, катастрофа неизбежна, если не удастся превратить приезжающих в лояльных граждан, независимо от этнического происхождения и страны их происхождения.

«Все они на одно лицо…»

Имеются определенные социокультурные ограничения политики интеграции. Наряду с долгосрочными, слабо подверженными изменениям факторами (специфический исторический опыт, особенности и стереотипы общественного сознания россиян), особое значение для политики интеграции приобретают настроения в нашем обществе, адаптивные возможности мигрантов, социальные практики взаимодействия принимающего населения с мигрантами.

К сожалению, ксенофобские настроения распространены во всех слоях российского общества. Лозунг «Россия для русских!», по опросам социологов, поддерживается большинством респондентов. Эти настроения устойчивы в российском обществе — по крайней мере, с начала 2000-х годов. Если в 1998 г., по данным Левада-Центра, слоган «Россия для русских!» в той или иной мере поддерживали 43% респондентов, а в 2002 г. — 49%, то в последующие годы его поддержка не опускалась ниже 53%.

Распространенность ксенофобских настроений провоцирует рост расистских нападений. Большинство россиян не одобряет насилие расистов. Однако часть опрошенных осуждают только методы, но не взгляды скинхедов. Есть и солидаризирующиеся со скинхедами, демонстрирующие первобытный расизм («Антипатия не антипатия, а разные расы, разные как бы не то что расы, даже тело как бы». — «Физические такие разногласия».)

Настораживает, что на смену достаточно толерантной молодежи конца 1980-х — 1990-х годов приходят другие когорты, социализировавшиеся в другом, более ксенофобском социальном контексте. Молодежь солидарна с самыми жесткими мерами по отношению к мигрантам и меньшинствам.

Этническая принадлежность иммигрантов — ключевая проблема. При том что обыватель, в массе своей, не различает национальность конкретного мигранта («они все на одно лицо»). Как заметил один респондент, «не люблю китайцев, даже если это таджики». Россияне убеждены, что культуры мигрантов размывают культуру местных сообществ, полагают, что приток мигрантов угрожает социальной стабильности, провоцирует конфликты. Если большинство опрошенных относительно толерантно к приезжим

из Украины, Молдовы, то в отношении других этнических групп доминируют раздражение, неприязнь, недоверие и страх.

Ограничительная миграционная политика поддерживается подавляющим большинством россиян. Особо убеждены, что никакие мигранты России не нужны, жители тех мест, где мигрантов вообще нет. Доминирующее в общественном мнении отрицание необходимости мигрантов не столько базируется на личном опыте, сколько формируется социальной средой, особенно информационным пространством.

Общественные настроения и политика — одно, а собственная выгода — другое. Россияне все чаще привлекают мигрантов к работам, которые несподручно либо невозможно сделать самим. Масштабы использования труда мигрантов россиянами — физическими лицами впечатляют: не менее 3,5 млн. взрослых россиян имеют опыт такого найма.

Основным преимуществом мигрантов по сравнению с местными работниками в глазах респондентов является дешевизна их труда — на это указали 89% опрошенных. Среди других преимуществ назывались: «они готовы работать сколько надо» (30%), «их легче и быстрее найти», «они более дисциплинированы». Один респондент резюмировал: «И выгодно, и деваться им некуда, и не воруют».

Россияне достаточно скептично относятся к перспективам интеграции мигрантов. В образе жизни мигрантов есть особенности, с которыми местным жителям трудно примириться — так считают две трети опрошенных жителей Астрахани и Самары. Тезис

«местные никогда не будут считать мигрантов своими» поддержали 53% астраханцев и 50% Самарцев; большинство опрошенных не посоветовало бы мигрантам переезжать на постоянное жительство в их город.

Мигранты тоже далеко не овечки

Даже если бы неприятие мигрантов местным населением было необоснованным, оно являлось бы серьезной социальной проблемой. Ведь мигранты тоже далеко не овечки. Многие из них либо не знают, либо игнорируют традиции принимающего сообщества. Часть мигрантов, особенно молодых, приезжающих на заработки из сельской местности, не обладают знаниями, квалификацией, плохо владеют русским языком и даже не стремятся к адаптации.

В то же время среди значительной части мигрантов широко распространены интеграционные настроения и ожидания, резко контрастирующие с настроениями принимающего населения. Эти мигранты оптимистично (вероятно, чрезмерно) оценивают отношение к ним местного населения. Работодатели также отмечают стремление многих мигрантов осесть в России.

Либерализация миграционной политики в последние годы принесла определенные плоды. Есть закон, предусмотренные законодательством процедуры, но есть и реальные практики, основывающиеся на «понятиях». Плохая организация и сопряженные с этим затраты времени стимулируют мигрантов прибегать к помощи посредников для получения необходимых документов, при поиске работы, жилья.

Сформировался своеобразный теневой рынок услуг, предоставляемых юридическими и физическими лицами, с многомиллиардным оборотом, составляющим не менее 20 млрд. рублей (2008 г.). Наряду с разовыми выплатами за получение разрешительных документов и поиск жилья, серьезным бременем для мигрантов являются постоянные выплаты посредникам за поиск работы и решение проблем с работодателем, составляющие ежемесячно 10-15 % зарплаты.

Неправовые практики способствуют социальной исключенности этнических мигрантов — антитезе интеграции. На рынке труда дискриминация проявляется в ограничении доступа представителей мигрантских меньшинств к отдельным видам работ и сферам занятости, в оплате труда, условиях труда.

Не менее выражена дискриминация на рынке жилья: практически во всех регионах встречаются объявления «сдам русской семье», «сдам славянам», реже — «кавказцев просим не беспокоить». Для того чтобы преодолеть отказ, мигрантам приходится переплачивать.

Дискриминация усиливает стремление к изоляции, совместному проживанию среди «своих». В российском обществе идет процесс выстраивания иерархии этнических групп, как и иных социальных групп, когда представителям мигрантских меньшинств отведена определенная социальная ниша.

Осуждение ксенофобии и мигрантофобии исходит обычно из этических позиций, хотя пора понять: ксенофобия просто →

Под адаптацией понимается приспособление мигрантов к принимающему сообществу (часто довольно поверхностное), знание и поведение с учетом традиций и норм, принятых местным населением. Интеграция – процесс встречного движения культур принимающего общества и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших раздельно и, возможно, противоречащих друг другу.

непрагматична. Она, растаскивающая общество по этническим клеткам, угрожает российской государственности. Сегрегированное общество лишено будущего. Сегодня социальная исключенность мигрантов — проблема самих мигрантов. Однако завтра это может стать угрозой стабильности российского общества.

Политика интеграции должна учитывать не только конъюнктурные, но и долгосрочные вызовы. Если не обращать внимания на социализацию детей мигрантов, Россия может столкнуться с проблемой «трудных кварталов», с которой уже столкнулись страны Западной Европы.

Было бы заблуждением считать, что лишь мигранты должны знать наши традиции и культуру. Принимающее население также нуждается в элементарных знаниях их обычаев и культуры. Абрис проблем, связанных с интеграцией, понятен. Дьявол же, как известно, скрывается в деталях, и эти детали определяются курсом миграционной политики.

Дать человеку возможность выбора

Деление мигрантов на временных (трудовых) и постоянных (иммигрантов) чрезвычайно условно. Среди трудовых мигрантов велика доля тех, кто живет и работает в России практически постоянно. Многие из них давно перевезли семьи или обзавелись новыми семьями и практически потеряли связь со страной происхождения. Однако из-за того, что они не имеют РВП — разрешения на временное проживание и вынуждены через каждые три месяца заново становиться на миграционный учет, они числятся как временные мигранты.

И напротив, среди владельцев этого РВП или даже вида на жительство встречаются лица, жизненные планы которых не включают интеграцию в российское общество. Будучи фактически временными мигрантами, они учитываются как иммигранты. Есть такие и среди обладателей российского гражданства: в условиях огромного разрыва между правами гражданина и правами человека получение российского гражданства является самым надежным средством обеспечения элементарных человеческих прав и свобод. Для многих выходцев из СНГ получение гражданства РФ становится не заключительным этапом интеграции, а начальным этапом адаптации.

А ведь нет же резона ни разбрасываться российским гражданством, ни ограничивать доступ к РВП. Более логично дать мигранту возможность выбора в зависимости от его личных планов. Необходимо резко увеличить квоты разрешений на временное проживание для законопослушных трудовых мигрантов, смелее предоставлять вид на жительство. (В 2009 г. было оформлено лишь 14,3 тыс. видов на жительство. По видам на жительство на конец года проживало 51,5 тыс. человек).

Сегодня же иностранцы, заинтересованные в скорейшей интеграции и натурализации, постоянно сталкиваются с сюрпризами — ограничением сфер занятости, сокращением квот на РВП для лиц, прибывающих в Россию в безвизовом порядке, ужесточением порядка предоставления гражданства. С еще большими сложностями сталкиваются трудовые мигранты. Скольких из них вытолкнула в нелегалы, а то и отвадила приезжать на работу в Россию одна только чехарда с квотами разрешений на работу, пляшущими от 6 млн. разрешений до 1,8 млн.

Мифы «здравого смысла»

Идеология миграционной политики, базирующаяся на вере в безграничные возможности регулирования миграционных потоков, в принципе игнорирует проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Доминирует технократическая убежденность, что можно выявить спрос на рабочие руки в тех или иных регионах (да еще в разрезе специальностей) — и все проблемы будут решены. Вопрос о будущем этих трудовых мигрантов вообще не поднимается. Хотя трудно представить ситуацию, при которой эти работники по истечении контракта безропотно покидают территорию России, где есть спрос на их труд.

Меры миграционной политики базируются не на скрупулезных оценках всего возможного спектра социальных последствий принимаемых решений, а на обыденных представлениях о «здравом смысле».

Считается, например, что «мигранты создают конкуренцию на рынке труда и снижают оплату местного населения». Значит, надо ограничить их присутствие. Однако же данный тезис не базируется ни на каких исследованиях — их просто не было в России. Многочисленные зарубежные исследования приводят к иному выводу: связи такой либо нет, либо она крайне незначительна. Результат — игнорирование политики интеграции как таковой.

Другая посылка: «страна нуждается исключительно в высококвалифицированных работниках, а неквалифицированные нам не нужны». В то же время рынок труда предъявляет огромный спрос на неквалифицированный труд: мигранты в массовом порядке занимают места в строительстве, торговле, сфере услуг. Квалифицированных, штучных работников, без которых сложно совершить инновационный прорыв, нам тоже явно не хватает, хотя по уровню образования наша страна до сих пор занимает лидирующие позиции в мире, уступая лишь США и, по отдельным позициям, Германии. И это создает иные проблемы: образование не позволяет российскому потенциальному работнику соглашаться на вакансии, где его образование и квалификация не будут востребованы.

Политика, строящаяся на выталкивании местных специалистов на «плохие» мигрантские места, неразумна и не согласуется с долгосрочными целями развития страны.

Следует признать, что, во-первых, наши представления о рынке труда далеки от реальности, во-вторых, бессмысленно регулирование миграционных процессов строить на представлениях «о должном», в третьих — поведение всех людей будет соответствовать не умозрительным конструкциям политиков, а их личным интересам.

Так будет не вечно

Идеология нашей миграционной политики исходит из неочевидной посылки, что мигранты из стран СНГ никуда не денутся, потому что Россия для них — единственно возможное направление и так будет всегда. Однако пора понять, что притягательность России обусловлена не только тем, что у нас есть работа и возможность заработать, но во многом и сохраняющейся даже спустя два десятилетия памятью об общем советском прошлом, наличием родственных связей и коммуникаций.

Но столь благоприятная ситуация не вечна: конкуренция за рабочие руки нарастает. Если сегодня реальную конкуренцию России на постсоветском пространстве составляет лишь Казахстан, то в ближайшие годы придется конкурировать с Украиной и Азербайджаном. Существуют же еще и развитые страны, притягательность которых неизменно высока…

Наряду с экономической составляющей весьма важна и социальная среда принимающего общества: **не всегда и не для всех заработок компенсирует унижения человеческого достоинства, постоянные угрозы жизни и здоровью**. Можно не сомневаться, что уже в ближайшем времени мы столкнемся с проблемой конкурентоспособности российской социальной среды, недружелюбной и конфронтационной по отношению к «чужим». Особые нарекания традиционно вызывают действия сотрудников МВД РФ. Если в их отношении к мигрантам и наблюдаются какие-то «подвижки», то они принимают карикатурные формы: например, азербайджанские мигранты жалуются, что «в Москве многие милиционеры уже успели выучить все суммы на нашем языке — от ста рублей и выше».

А проблемы фундаментальны

Никакие меры и инструменты интеграции не будут эффективны, если не удастся поставить заслон воинствующей ксенофобии и мигрантофобии, которые порождают насилие. Политика интеграции обречена на провал без трансформации социальной среды.

Антимигрантские настроения стали постоянным фактором общественной жизни. Алармистская трактовка последствий иммиграции особо усилилась вследствие кризиса. Каналы распространения ненависти к «чужим» известны: масс-медиа, выступления политиков, массовая культура, особенно молодежная субкультура, отдельные представители интеллектуалов. Однако если бы даже удалось эти каналы перекрыть и ввести элементы политкорректности, все равно этого было бы недостаточно.

К сожалению, сегодня реализация политики интеграции наталкивается на фундаментальные проблемы.

Во-первых, отсутствует общественный консенсус относительно стратегии развития России. Проблема выбора между привлечением иммигрантов и жестким ограничением иммиграции не может игнорироваться до бесконечности.

Во-вторых, в России нет институтов, которые не на словах, а на деле боролись бы с ксенофобией. В США в свое время решающий вклад в борьбу с расовой сегрегацией внесли четыре института: Верховный суд, армия, спорт и шоу-бизнес. А что у нас? У нас институты, призванные преодолевать проблемы, превратились в институты, их порождающие. Вероятно, нужны кардинальные реформы в судебной системе, образовании, армии, правоохранительных органах.

В-третьих, неэффективны институты социализации мигрантов, их адаптации и интеграции. Исключением являются рабочие коллективы, в которых, как демонстрируют исследования, мигранты интенсивно общаются с местными работниками, причем чаще на русском языке. И здесь не обойтись без реформирования системы образования, дошкольного и внешкольного образования, семейного воспитания.

В-четвертых, отсутствуют инструменты согласования интересов различных участников процесса интеграции — федеральных органов власти, органов власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, работодателей, иных бизнес-структур, принимающего населения, самих мигрантов. Провал программы добровольного переселения соотечественников — следствие, в первую очередь, самонадеянного игнорирования федеральным центром интересов принимающих регионов. Необходимо смещение акцента политики интеграции на локальный уровень, что предполагает соответствующее финансирование процесса.

Наконец, в-пятых, и миграционная политика, и политика интеграции нуждаются в системе общественного контроля со стороны гражданского общества, а с этим у нас, как известно, особо серьезные проблемы.

Жестокое унижение мигрантов унижает и нас, россиян

Ольга Брусина,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

Сравнительное исследование положения среднеазиатских мигрантов в России и Абхазии показало, что в нашей стране главными факторами, загоняющими мигрантов в тень, обрекающими их на бесправие и мешающими их интеграции являются:

- *огромные сложности в получении документов, разрешающих пребывание и трудовую деятельность;*
- *эксплуатация мигрантов работодателями;*
- *преследования с целью наживы сотрудниками правоохранительных и административных органов;*
- *националистические настроения в российском обществе.*

Отсутствие подобных препятствий в Абхазии дает возможность выходцам из Средней Азии законно работать в тех сферах, где они нужны. Между жителями Абхазии и приезжими не наблюдается противостояния, а напротив, складываются отношения сотрудничества и добрососедства.

В России они прячутся по забытым углам в глубинке

Известно, что мигрантов из Средней Азии толкает на поиски работы за пределами своих стран массовая безработица, крайне низкие зарплаты на родине, а самое главное, особенно для сельских жителей, — крайний дефицит земельных и водных ресурсов. У подавляющего большинства остаются большие семьи на родине. Как правило, мигранты отсылают домой ежемесячно до двух третей своего заработка, что составляет примерно в десять (!) раз большую сумму, чем средняя зарплата в странах их происхождения. Поэтому сама по себе работа в России — практически *любая* — считается весьма престижной для жителей Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Большинство из них не связывает свою судьбу с принимающим обществом, а твердо настроено на возвращение домой. На заработанные деньги планируют построить дом для семьи, купить машину или участок земли.

Среди временных трудовых мигрантов основное число составляют выходцы из сельской местности, с низким уровнем образования и правового сознания. Они являются самой многочисленной и в то же время самой незаметной для посторонних глаз категорией мигрантов. Как правило, эти люди слабо владеют русским языком, живут скрытно, небольшими замкнутыми коллективами. Они испытывают постоянный прессинг со стороны милиционеров — им грозят арестом и выдворением, тем самым вымогая деньги. Эти мигранты находятся в полной зависимости от работодателя, который обычно предоставляет им временное жильё и прячет от милиции. Также они зависят от своего товарища — «бригадира», который, как правило, лучше знает язык и ведет все переговоры. Они почти не общаются с местным населением. Выжить в России порой в ужасных условиях им помогает сознание, что все это временно, что они зарабатывают деньги для своих родных.

…В Ленинградской области на удалённой от проезжих дорог скотобойне при свиноферме нами было опрошено 5 киргизов, выходцев из Ошской области. Они составляли одну бригаду, жили в вагончике рядом с фермой. Преимущество этой скотобойни заключалось в том, что она стояла на отшибе, милиция туда почти не заглядывала. Все члены бригады по-русски понимали с трудом, регистрации у них не было, работали нелегально, поэтому в Санкт-Петербург и даже в ближайший районный центр практически не выезжали. Они рассчитывали, что вернутся к семьям, когда заработают достаточно денег. Общались практически только между собой.

В том же районе на молочной ферме работала бригада из 6-ти женщин, также уроженок Ошской области.Они здесь уже по 2-3 года, живут по трое в двух тесных подсобках прямо в здании фермы. Вещи и продукты хранят под кро-

ватями и в хозяйственных сумках в нише. Режим на ферме такой: 8 дней работы, потом 2 выходных. В выходные занимались хозяйством, ездили в райцентр за покупками. В Санкт-Петербурге, по-видимому, они вообще не были. По-русски говорили с большим трудом, хотя все получили на родине высшее образование. Работали нелегально.

Рассказывали, что бесполезно и опасно вызывать милицию, если, к примеру, мигранта, даже при наличии у него регистрации, обокрали. Однажды в этих местах убили мигранта из Киргизии. Бригада послала парня в магазин за продуктами, там у него отняли деньги и убили. В милицию даже не стали обращаться, так как ни у кого из тех мигрантов не было никаких прав.

Фото автора

Строительство кафе узбеками на Черноморском побережье. 2009 год

Сравнительно небольшая часть выходцев из Средней Азии стремится остаться в России на постоянное жительство, получив гражданство. К принятию такого решения, как правило, вынуждают тяжелые и даже безвыходные обстоятельства на родине. Можно только догадываться, какие отчаянные трудности испытывали эти люди дома, если в России антисанитарные условия жизни и тяжелая работа практически без выходных кажутся им вполне сносными. Как правило, переезжают семьями, часто члены семьи не обладают ни правовой подготовкой, ни социальными навыками для интеграции. Стремление остаться на ПМЖ в России — как правило, вынужденная мера, направленная на то, чтобы обеспечить безопасность, а порой просто выживание для себя и своей семьи.

В Абхазии они спокойно гуляют по улицам и у моря

Миграция из Средней Азии в Абхазию активизировалась два-три года назад. Почти все мигранты, опрошенные нами в Сухуме, работали до приезда в Абхазию в России и практически все имеют негативный опыт отношений с административными и правоохранительными органами. Причем такой опыт есть как у нелегальных малообразованных выходцев из сельской местности, так и у квалифицированных специалистов.

…Инженер-строитель из Ташкента, узбек, работал в России с середины 1990-х годов. Несмотря на то, что у этого вполне интеллигентного на вид человека были правильно оформлены все документы, много раз в Москве милиционеры его останавливали, вымогая деньги. Однажды милиционер взял у него из паспорта справку о временной регистрации и, несмотря на то что документ был подлинный и оформлен по всем правилам, сказал: «Давай 2 тыс. руб., а то разорву справку». После отказа платить действительно разорвал эту бумажку на клочки.

В 1996 г. московские националисты избили этого человека, порезали ему вены и сухожилия на руке. В 2003 г. он решился переехать в Абхазию, живет здесь с семьей, снимает дом, стал успешным архитектором. Он проектирует различные объекты, в том числе частные коттеджи и гостиницы. Для своих соотечественников он стал авторитетным покровителем.

Все опрошенные в Сухуме среднеазиатские мигранты признавались, что в Абхазии им живется и работается значительно свободнее и лучше. Важнейшим отличием от России является отсутствие в Абхазии необходимости оформлять сложные документы. Для пересечения границы России с Абхазией требуется иностранный паспорт и медицинская страховка. После того как приезжий снимет жилье, ему оформляют временную регистрацию по паспорту его страны, других бумаг не требуется. Для Абхазии актуальна та же проблема, что и для России: как взимать налоги с заработка мигрантов.

Как ни странно, сложившуюся в России систему внеправовой эксплуатации, в которую включены и частные работодатели, и госслужащие, эти мигранты не пытаются критиковать. Вспоминают пережитое как данность, к которой надо было приспособиться, чтобы выжить и заработать деньги. Также смиренно большинство из них воспринимает высокомерное, националистически окрашенное отношение со →

стороны местных жителей. Опыт приспособления к российской действительности передается от старых мигрантов новым. По нашим наблюдениям, люди, приехавшие в Сухум одну-две недели назад, наученные горьким опытом пребывания в России, старательно прятались по задворкам от абхазской милиции, хотя милиционеры и не думали ими интересоваться. Проживших в республике несколько месяцев узбеков, таджиков и киргизов можно было увидеть на улицах абхазской столицы спокойно прогуливающимися у моря, по-деловому заходящих в магазины, банки и т. п. Большинство опрятно одеты, ведут себя с достоинством, разговаривают между собой на родном языке. Охотно рассказывали нам о себе и фотографировались.

В Абхазии мигранты обычно находят работу через знакомых, у которых их земляки уже что-то строили. Нередко местные обращаются к мигрантам прямо на улице или в общественных местах. Например, у нас на глазах бригада таджиков получила заказ на ремонт дома от сотрудницы банка, когда они пришли туда переслать деньги на родину. Местные стараются относиться к мигрантам «по-человечески, гостеприимно». В выходцах из Средней Азии ценится способность трудиться тихо, не возражая хозяину, проявляя уважительность и исполнительность. От русских работников их отличает также отсутствие пристрастия к алкоголю. Владелица одной фирмы сменила русских сотрудников на приезжих из Средней Азии, потому что они не пьют и «пока работу не закончат, не уйдут».

Интересно, что несмотря на свою удовлетворенность работой, зарплатой и условиями жизни в Абхазии, почти никто из мигрантов не думает обосновываться здесь навсегда. Лишь один из опрошенных, работающий сейчас на стройке, хотел бы открыть в Сухуме свою пекарню.

Между собой мигранты общаются на родном языке. Знают о существовании сухумской мечети, но мало кто ее посещал. В своем кругу отмечают религиозные праздники, готовят плов, некоторые стараются держать пост Уразу. Из опрошенных только инженер-строитель из Ташкента поддерживает связи с мусульманской общиной Сухума.

Кто их защитит?

В России существует ряд организаций, которые призваны помогать мигрантам адаптироваться, оформлять документы, подыскивать работу и жилье, а также поддерживать свою этнокультурную идентичность. Однако большинство выходцев из Средней Азии не имеют понятия о существовании каких-либо общественных организаций. Нелегалы боятся отходить от своего жилья или работы, да днем у них и нет свободного времени, а кроме того, они опасаются подвоха — что их «вычислят» и выдворят. Вместе с тем именно нелегальные мигранты более других нуждаются в юридической, социальной и медицинской помощи.

В идеале задачей российской власти должно бы стать изменение представлений мигрантов о нашей стране. Если Россия стремится к образу цивилизованного, а не варварского государства, необходимо срочно озаботиться соблюдением в рамках Конституции равных прав и возможностей для всех людей, находящихся на территории нашей страны, независимо от их происхождения, вероисповедания и гражданства. И конечно, в первую очередь нужно облегчить для мигрантов получение легальных документов, помогать с их оформлением, а не наживаться на запутанности нашего законодательства. На примере Абхазии видно, что таких простых очевидных мер, как легализация, бывает достаточно для того, чтобы на межличностном уровне сформировалось нормальное, достойное сотрудничество нанимателей и мигрантов, а в перспективе это способствует более глубокой интеграции приезжих с принимающим обществом. Практика показывает, что попытки тотального контроля со стороны государства не наводят порядка, а наоборот — затрудняют установление нормальных человеческих отношений, ведь стремление бюрократии рассортировать, разъединить людей по правовому и культурному признакам будит в обществе нездоровые националистические идеи.

P.S. ***Конечно, в Абхазии тоже есть свои сложности, о которых я не успела сказать. Например, если у мигрантов приличный заработок, то, как нам рассказывали, криминальные структуры требуют «дань» в размере чуть ли не 15% от заработка. Это обыкновенный рэкет. Однако государство здесь ни при чем, такие отношения бытуют в обществе. Впрочем, и в России рэкет есть. Также были случаи убийства узбеков: в 2009 г. их было два. Одного мигранта работодатель убил за то, что он на несколько часов отлучился, отозвавшись на просьбу помочь соседу хозяина, старику-инвалиду. Тут важно, что был суд и абхаза-убийцу осудили по всей строгости закона. Часто ли в России мы слышим о подобных случаях?***

Итак, сравнение с маленькой Абхазией наглядно показывает, что у нас в России бюрократические запреты и коррумпированность власти подменили внятную миграционную политику и трудовые мигранты оказались в положении, которое противоречит элементарным нормам гуманизма и нравственности. Эта ситуация унизительна не только для трудовых мигрантов, но и для нас, россиян, на чьей земле происходит недостойная, аморальная эксплуатация наших недавних сограждан по Советскому Союзу.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 09-01-00251а)

Известно, что ксенофобия («боязнь чужого») — чувство естественное, доставшееся нам от природы, и в каждом человеке оно есть. Это психологическая защитная реакция личности. Но вот когда неприязнь к какой-то группе людей становится господствующим настроением в обществе, этому обществу грозит реальная опасность. На эту трудную тему мы беседуем с человеком, которого она давно и неотступно волнует.

Вячеслав Поставнин,
президент фонда «Миграция XXI век»

«Русскость» — это способность народа вместить все культуры

— Вячеслав Александрович, о какой интеграции мигрантов можно вести речь, если у нас ксенофобия стала болезнью общества?

— Бороться с этой социальной болезнью необходимо, поскольку любая ненависть дестабилизирует состояние общества. Признаемся, дело это многотрудное, «по щучьему велению» изменений не произойдет. Четких и однозначных рецептов, что именно нам сейчас делать, нет; ксенофобия — явление сложное, тут множество разных причин. Кроме того, и страна у нас непростая: федеративная, полиэтничная, поликонфессиональная. В одних регионах ксенофобские установки направлены против «южан», а в других — против русских. Пока общество и власть не осознают реальных угроз, исходящих от ксенофобски настроенных групп, в России эксцессы неизбежны. А если всерьез осознаем — будем искать пути выхода, разработаем систему мер по предотвращению угроз. Во всем мире, по крайней мере в развитых странах, эта проблема осознается как одна из самых важных; там пытаются решить задачу интеграции мигрантов через определение собственной идентичности (культурной, правовой) и осознание своих ресурсов для принятия приезжих с иными этноконфессиональными традициями.

— Какое отношение имеет поиск идентичности к проблеме ксенофобии?

— Прямое. Для распознавания «свой-чужой» необходимы критерии. Если общество осознает свою собственную идентичность (ну, если мы определим, например, кто же мы такие — русские), то становится более-менее ясно, какие требования можно предъявлять к тем, кто из «чужого» желает стать «своим». Вот в Америке этот поиск идентичности идет через преодоление ксенофобии и даже расизма. Ведь сравнительно недавно у них был Ку-Клукс-Клан, а теперь *страна выбрала президентом Барака Обаму.* Я говорю про Америку, потому что мне кажется, что это наше ближайшее будущее. Они просто впереди идут, поэтому нам важно хорошо изучать их опыт.

— Но Америка — страна мигрантов, а в России живет исконный российский народ.

— Да, если брать истоки, то разница у нас с ними большая. Америку осваивали европейцы, и они, белые колонизаторы, когда пришли, уничтожили все коренное население — индейцев. Американское государство создавалось на основе белого населения, а потом уже они стали завозить негров в качестве рабов. Однако ядром была западная цивилизация. Европейская культура и сейчас у них превалирует. Пока. Но сколько еще будет длиться это «пока»? Небелого населения в Америке уже 40 %, через 20 лет будет 60-70%. Тут и встает этот роковой вопрос идентичности: кто они на самом деле, американцы? Впрочем, появление темнокожего президента отчасти уже дает ответ на этот вопрос.

— Обама говорит, что он христианин.

— Раз говорит, значит, так оно и есть. Зачем ему врать? Но корни-то у него мусульманские. Выборы такого президента означают, →

Игорь СМИРНОВ

что цвет кожи, национальность для большинства населения уже не имеют особого значения. Социальная стабильность куда важнее. Известно же, что к мигрантам там относятся куда более доброжелательно, чем у нас.

— Но Америка построила стену на границе с Мексикой…

— Я не утверждаю, что в США проблем нет, и конечно не считаю, что они никогда не ошибаются, я лишь хочу показать, что они что-то предпринимают и стараются предупредить угрозы. Иногда — неудачно. Ну, построили стену — кажется, 5 млрд. долларов потратили. У них, наверное, тоже есть специалисты по «распиливанию» бюджетных денег. Ну и что, защитила их стена? Правда, на следующий год вместо миллиона нелегалов из Мексики прибыло 600 или 700 тысяч. Но через два года — уже 1 миллион 200 тыс. Понятно, что никакими стенами миграцию не остановишь. Сейчас США стоят перед глобальным вопросом: будут ли они и дальше возглавлять западную цивилизацию или пойдут каким-то иным путем? Если выберут другой путь, вся западная, европейская цивилизация перестанет быть доминирующей, ведь сегодня 50% ее мощи — это Америка.

Так вот, этот глобальный вопрос стоит и перед Россией, и нам необходимо найти свое достойное место в меняющемся мире. Если мы не создадим национальную элиту, способную продвинуть развитие гражданского общества, не выработаем механизмы «гашения» ксенофобии, то вряд ли нам будет по плечу решение этих сложных задач.

— В Россию сегодня едут в основном мигранты-мусульмане, это и вызывает рост ксенофобии.

— Сегодня к нам едут в основном молодые мигранты из сельских аулов, они впитывают, как губка, все негативные прелести «городской цивилизации», а о прекрасных традициях своей родины многие забывают. Именно это, а не принадлежность к мусульманскому миру, вызывает раздражение у окружающих.

Кстати, процент мусульманского населения увеличивался еще в Советском Союзе. Например, в Узбекистане был прямо-таки бэби-бум. Там начал возрождаться ислам и стал даже проникать в партийную элиту. Когда умирал первый секретарь партии, из Москвы посылали людей проверить, как проходят похороны — по светским или по мусульманским обрядам. Однако для общества это проходило почти незаметно. У нас есть уникальный опыт взаимодействия с мусульманскими народами. Например, татары и башкиры полностью интегрированы в русскую государственно-культурную модель.

— А был ли, по-вашему, Советский Союз плавильным котлом, как Америка?

— Америка только в 20-е годы XX столетия выбрала эту новую модель этнического развития, получившую название «плавильного котла». Однако, по мнению ряда американских ученых, до 60-х годов черные и другие небелые граждане оставались вне этого «котла», занимая положение граждан «второго сорта».

А Советский Союз, да, шел в этом направлении. Недаром же у нас возникло так много смешанных семей. Вожди заявляли, что республики должны развиваться на основе национальной культуры и языка, а на самом деле стремились к унификации. Образовалась новая общность — советский народ.

— И вот вывели уникальную породу: «хомо советикус»…

— Эта остроумная формула Александра Зиновьева зачеркивает положительные достижения советской системы, а ведь они были. Впрочем, сейчас не о том речь. Я хочу подчеркнуть, что взрывоопасность национальных проблем осознавало уже советское руководство и тогда старались искать пути преодоления конфликтов. А мы сегодня хотим все решить силовыми методами. Да, чуть что — милиция. Ну, назовем мы ее полицией, а что изменится? Проблемы миграции, а тем более такой тонкий вопрос, как интеграция мигрантов, невозможно решить постановлением, приказом, а тем более милицейской дубинкой. Интегрировать мигрантов может

только общество, и для этого само общество должно *захотеть* их интегрировать.

— Захотеть? Но это нереально. Чем больше мигрантов, тем яростнее вскипает ненависть к «понаехавшим».

— Думаю, это временное обострение. Для России как раз характерно другое. У Достоевского я нашел такое точное определение: «русскость» — это способность народа вместить все культуры. Когда русские шли в Сибирь или в Среднюю Азию, они не уничтожали коренное население; малые народы как жили, так и живут на своих территориях. В этом наше отличие от той же Америки, и оно может облегчить нам подступы к интеграции.

— Но почему же тогда Америка так обогнала нас?

— Не только нас. Америка сегодня более толерантная страна, чем многие европейские страны. А ведь, помните, совсем недавно до чего у них доходило: в автобусах, в кинотеатрах — таблички «места для белых» и «места для черных». Если в фильме происходит убийство, то убийца, конечно, негр, а главный герой всегда белый. Поразительно, какой быстрый рывок они совершили.

— В чем их секрет?

— Американцы раньше других поняли, что процесс смешения этносов имеет цивилизационный характер, и осознали, что бороться с этим бессмысленно, лучше управлять им. Если раньше европейцы, прибывшие в Америку, могли уничтожить индейцев, а негров так поработили, что не было у белого населения никаких проблем с рабочей силой, экономика бурно развивалась, то сейчас, видимо, у европейской цивилизации уже не хватает внутренних сил сопротивляться натиску пассионарных (по Льву Гумилеву) сил.

— Вы считаете, что грядет смена цивилизаций и это неизбежно?

— В общем-то, да. Не мы первые и не мы последние переживаем такой поворот истории. Хотим мы или не хотим, но он неумолимо происходит — своего рода «белый закат». Это не плохо и не хорошо, это естественный процесс. Мы как бы завершили цикл своего развития и пошли на спад. Сначала европейцы были такие наглые, мощные, развивались, расширялись...

Вот в России в XVIII — XIX веках целые деревни могли сняться и переселиться в незнаемое. Нет, не только во время столыпинской реформы, а просто пошла молва, что где-то есть земля обетованная. Не всегда надежды оправдывались, но большинство оседало на новых местах, начинало жизнь с нуля. Трудно сказать, что ими двигало. Сегодня, как показывают исследования, внутренняя мобильность российского населения крайне мала (см. статью Н. Мкртчяна на стр. …).

— То есть была у нашего народа пассионарность, но иссякла?

— Да, мобильность это признак пассионарности, она была свойственна многим народам европейской цивилизации. А теперь всё, нет уже той мощи. Первый показатель — конечно, рождаемость. Как только уровень рождаемости становится ниже смертности, это значит, что общество уже не может даже себя воспроизводить, не говоря уж о том, чтобы развиваться. Но надо же как-то жить. Из этой трудной, да, обидной ситуации есть два выхода. Первый — не пускать к себе чужаков (западные страны этот путь, как говорится, уже проехали, не получилось), но есть и второй, более разумный вариант — осознать, что без притока тех же трудовых мигрантов общество просто не выживет, и стараться целенаправленно приобщать их к своей культуре, то есть интегрировать.

— Нам до такого осознания еще ой как далеко.

— Конечно. Но иного не дано. Мир пришел в движение, последствия глобализации не отменить. Потоки мигрантов, которые едут в развитые страны по экономическим и не только экономическим причинам, силой остановить невозможно. Борьба против мигрантов требует постоянного подавления, причем очень жестокого, а это противоречит принципам демократического общества. Да, само общество в правовых государствах не смогло (не захотело!) терпеть дальше отношение к мигрантам как к рабам. Это же люди.

На короткое время можно жесткой силой какие-то процессы сдержать, но неизбежно получим очень опасный отложенный эффект. Нельзя человека бесконечно унижать. Он может долго терпеть, но протест накапливается в подсознании. А мы своих «гастарбайтеров» мало того что нещадно эксплуатируем, так еще и унижаем, постоянно унижаем. По сути, мы сами у себя собираем взрывоопасный материал, накапливаем, трамбуем, а когда он взорвется и кто его подожжет — мы не знаем и о будущем даже не думаем.

— Вы говорите «мы», но кто эти «мы»? Результатами дешевого мигрантского труда пользуются дорвавшиеся до кормушки «баблососы» (появился в обиходе такой замечательный термин), а простому народу неуютно жить из-за обилия «понаехавших», многие из которых действительно ведут себя вызывающе.

— Люди, конечно, приезжают к нам разные, но приспосабливать мигрантов к правилам нашего общежития не станет милиция, не будут, да и не смогут чиновники, сделать это должны мы, окружающие люди, общество! Трудность ситуации еще и в том, что мы сами находимся в поиске идентичности, переживаем своего рода культурную революцию, а она тоже порождает свои издержки.

— Понятно, интеграция мигрантов — процесс двусторонний. Хотим их перевоспитать, значит надо и самим меняться.

— По-другому никак не получится. Только мягкой силой можно побудить человека менять свое поведение. Правда, для этого →

он должен ощущать, что его положение зависит не от того, что он заплатил взятку участковому и может вести себя как угодно, хоть плевать на окружающих, а именно от этих окружающих. И если он совершит какой-то непристойный поступок, то местное сообщество должно иметь механизмы, чтобы избавиться от него. Для этого граждане должны знать, что их голос что-то значит.

— Но кто сегодня слышит голос граждан? Деньги решают все.

— И все-таки я считаю, что есть у нас эффективный механизм интеграции — это местное самоуправление. Выборность, отчетность, и чтобы глава местной администрации нес личную ответственность за межэтническую обстановку в районе. И при этом имел права. Регистрацию и разрешения на работу мигранатам должны выдавать местные муниципалитеты. Кстати, в законе такие права в отношении регистрации уже предусмотрены. А наиболее действенным способом борьбы с ксенофобией могло бы стать понимание местным населением пользы от мигрантов. Как это сделать? Призывами «давайте жить дружно» людей не убедишь. А вот если, например, средства, получаемые от различных пошлин, уплачиваемых мигрантами, направлять в местный бюджет и за этот счет понизить тарифы ЖКХ для местного населения, люди тогда реально увидят, что мигранты своим трудом им помогают. И даже те, кто сегодня превратил миграцию в бездонную кормушку, вынуждены будут относиться к «гастарбайтерам» более человечно.

— Идеалист Вы, Вячеслав Александрович…

— Понимаю, мне скажут: наше общество пока не созрело… А когда оно созреет? Через 5 лет? Но если ждать и ничего не делать, ситуация будет все хуже и хуже. Россия не может развиваться без сильного гражданского общества. Между прочим, во время летних пожаров стало очевидно, что общество, которого, как считают пессимисты, у нас нет, может в экстремальной ситуации быстро сплотиться и действовать эффективно.

— Но это когда пожар и надо буквально спасать жизни...

— Знаете, если почти каждый день в разных концах страны происходят экстремистские нападения и даже убийства на межнациональной почве, миграционную ситуацию в России тоже можно назвать пожарной. И если не поднимать общество на борьбу с нашими доморощенными «ку-клукс-кланами», погубят они Россию.

— Кто должен поднимать?

— Элита, прежде всего. Элита может четко сформулировать и донести до народа то, что действительно нужно народу, чтобы он выжил и процветал. Народ ведь может и не уметь выразить, что ему на самом деле нужно. Элита и номенклатура — вовсе не синонимы. Элита — это искренне озабоченные судьбой страны люди, которые вышли из народа и не потеряли живую связь с ним. Уверен: таких у нас в стране много.

— Однако большинство народа, как показывают опросы, поддерживает лозунг: «Россия — для русских».

— Это провокационный лозунг, губительный для самих этнических русских. По сути, это призыв к распаду России, ведь татары, мордва, чуваши, народы Северного Кавказа не относят себя к этническим русским. И что ж, мы с ними хотим расстаться?! Значит, кому-то не терпится создать эдакую «русскую резервацию» с очень ограниченными природными ресурсами, сокрушенной системой безопасности и обиженными соседями? К тому же давайте называть вещи своими именами: много ли в нашей многонациональной стране найдется русских, которые поручатся за дистиллированную «чистоту» своей крови?

— Значит, действительно идет размывание русской нации, о чем кричат противники мигрантов?

— Я не понимаю, что значит «размывание». Да, когда к нам прибудут на ПМЖ миллионы мигрантов (а это неизбежно), наше общество станет другим. Можно возмущаться, кричать и даже можно как-то задержать этот процесс. Вопрос в том, во что эта задержка нам потом обойдется.

— Но существует великая русская литература, которой восхищается мир, так неужели нам ею пожертвовать ради успешной интеграции малограмотных мигрантов, даже не знающих русского языка?!

— В том-то и суть интеграции, что мы должны найти мудрые способы приобщения мигрантов к нашей культуре и вместе с тем позаимствовать что-то из их культуры. Первый шаг к интеграции — это стремление увидеть в «чужаках» не просто живые рабочие механизмы, а людей, таких же, как и мы, способных все чувствовать и понимать. Кстати, большинство из них — представители древних и богатых культур.

— Но до чего ж трудно прорваться сквозь свои внутренние ксенофобские преграды...

— Никто никогда не заставит всех россиян полюбить мигрантов. Даже в самых толерантных странах их не очень-то любят, но за фашистские проповеди «агитатора» приведут в суд и он будет сурово наказан. У нас же власти и закон равнодушно смотрят, как ретивые СМИ и политики развращают общество ненавистью к «понаехавшим», спекулируя на самых дурных чувствах людей. Знаете, дискуссии о том, готово наше общество или не готово вместить представителей иной культуры, пора прекращать. Раз не можем обходиться без мигрантов, надо научиться по-человечески жить с ними. Ну а общество никогда не будет готово, если его не готовить.

Полезные уроки для стран СНГ

Матин Холматов,
экономист-консультант Всемирного Банка (Вашингтон)

Трудовая миграция — неизбежный спутник глобальной экономики. Выгоды, которые получают от мигрантов и страны исхода, и страны приема, безусловны. В то же время доступ на рынок труда в развитых странах становится все более сложным и бюрократическим. Ситуация в СНГ не является исключением. Правда, в некоторых странах СНГ уже разрабатываются национальные стратегии по миграции (Таджикистан, Кыргызская Республика), идет работа над нормативной и правовой базами (РФ и Казахстан), делаются попытки укрепления институтов и форм управления трудовой миграцией. Однако следует признать, что, к сожалению, в СНГ не созрело еще осознание того, что трудовая миграция могла бы приносить гораздо больше пользы, если бы уделялось должное внимание адаптации и интеграции мигрантов.

В этой статье мы попытаемся начать (да, пока лишь начать) важный разговор об адаптации и интеграции мигрантов в тех странах, которые давно пытаются решить эту нелегкую проблему. Для примера рассмотрим успешный опыт такой страны приема, как Канада, а также опыт трех стран исхода мигрантов — Филиппин, Шри-Ланки и Бангладеш. Есть ли чему у них поучиться странам СНГ? Как правильно структурировать программы интеграции и нужны ли они вообще? Кто этим должен заниматься — государство или частный/неправительственный сектор, какова правовая основа таких программ? Кто эту работу должен финансировать — страны исхода или принимающие страны? Существуют ли оценки эффективности таких программ? Как обеспечивается их устойчивость?

Необходимы совместные усилия

Те, кто принимает решения, прежде всего должны осознать, что адаптация и интеграция мигрантов — самый мощный, пожалуй, инструмент эффективного управления миграционной стихией. Ответственность тут в равной степени лежит как на стране приема, так и на стране исхода. Инициатива обычно исходит от стран приема трудовых мигрантов — у них есть финансовые средства и потенциал для разработки такого рода программ. Иногда реализацию программ начинают страны исхода, как Филиппины и Шри-Ланка. Это бывает результатом многолетнего и целенаправленного развития системы управления внешней трудовой миграцией и требует наличия обученных кадров, четкого видения и полной поддержки со стороны правительства.

Отправной точкой при решении этой важной проблемы в СНГ может стать присоединение России и других заинтересованных стран к оценке своей политики интеграции по аналогу с регулярно проводимой оценкой ЕС *(подробно о так называемом «индексе интеграционной политики», применяемом в ЕС, см. информацию на стр. 51 этого номера журнала)*.

В любом случае для обеспечения должного эффекта интеграционных программ требуются совместные усилия как стран отправления, так и стран назначения. В результате правительства тех и других стран получают в руки реальный рычаг управления миграционными потоками. В страны приема приезжают уже подготовленные (хоть в какой-то степени) трудовые мигранты, которые знакомы со своими правами и обязанностями, что помогает им легче интегрироваться и лучше работать. Возвращаясь домой, они привозят, кроме денег, еще и профессиональные навыки, что служит укреплению экономического потенциала страны исхода. То есть программы интеграции обеспечивают «безопасную» миграцию и делают ее максимально полезной.

Рад отметить, что в настоящее время разрабатывается уникальный проект домиграционной подготовки трудовых мигрантов на территории Таджикистана и Кыргызстана. Инициатива, толчок, а также финансирование проекта исходит от страны приема — Российской Федерации. Этот важный прецедент уже сегодня имеет множительный эффект: на всем постсоветском пространстве повысилось внимание к домиграционной подготовке и обучению трудовых мигрантов. Конечно, без достаточного финансирования со стороны России комплексная подготовка мигрантов была бы →

Центр домиграционной подготовки на Филиппинах. Последнее занятие перед вылетом

нереальной, несмотря на работу целого ряда НПО и международных организаций в этой области.

Успешный опыт приема

У ряда развитых стран существуют целевые федеральные программы адаптации и интеграции. В Канаде это программа ISAP. Кроме нее работают специализированные программы по приему (Host programs), языковые программы и программы переселения. Все они нацелены на оказание полного спектра услуг и помощи в основном иммигрантам (бизнес-иммигранты, воссоединение мигрантских семей, прием беженцев). В рамках данных программ Канада привлекает в основном уже обученных и востребованных трудовых мигрантов, как квалифицированных, так и менее квалифицированных, имея в виду, что они останутся жить и им будет выдан вид на жительство, а впоследствии и гражданство. Эти программы правительства, стоящие свыше 150 миллионов долларов в год, сезонных трудовых мигрантов не охватывают.

Однако существуют отдельные региональные программы (в большей степени на уровне провинций) именно для сезонных мигрантов. Финансируются они как провинциальными, так и центральными властями, через них ежегодно проходят свыше 100 тысяч человек. Данные программы адресованы менее квалифицированным работникам, им оказывают услуги достаточно эффективно функционирующие государственные органы. Так, в двух провинциях (Калгари и Эдмонтон) созданы специальные консультационные центры в виде «единого окна», где трудовым мигрантам оказывается помощь в разрешении всех жизненных вопросов. А именно:

1. Помощь в трудоустройстве, включая, например, интерактивное видео «Первый день на работе», различные инструкции и полезные советы, образовательные материалы.

2. Информация о правах и обязанностях на рабочем месте (базовая информация по ожидаемым стандартам зянятости, общение с ЧАЗами, заработная плата, наконец — как и куда подать жалобу).

3. Помощь с размещением — в рамках этих услуг дается список организаций, занимающихся обустройством трудовых мигрантов, адреса хозяев жилья, списки школ, больниц и других организаций и ведомств, полезных для трудовых мигрантов.

4. Юридические консультации по вопросам иммиграции — те временные трудовые мигранты, которые заинтересованы в постоянном пребывании в Канаде, могут ознакомиться с требованиями соответствующих программ.

Кроме таких консультационных центров существует еще государственная служба помощи по телефону, и конечно, трудовые мигранты могут обращаться в большое количество общественных или общинных организаций, работа в которых, как правило, поставлена на добровольной основе. Там могут посоветовать, как лучше поступить в тех или иных случаях, помочь с поиском жилья и в решении любых бытовых вопросов, вплоть до покупки товаров или способа сбережения средств.

Тут важно подчеркнуть, что в Канаду приезжают мигранты, имеющие визы и трудовые контракты, так что на нелегалов этот обширный сервис, разумеется, не распространяется.

Домиграционная подготовка

Инструментами домиграционных программ в странах исхода являются в основном информационные кампании и целевая подготовка к работе

непосредственно перед трудоустройством. Пионерами в этой области стали Филиппины, опыт которых позже переняли и адаптировали Шри-Ланка и Бангладеш.

С интересным опытом Филиппин летом прошлого года ознакомилась вживую делегация, состоящая из экспертов России, Таджикистана, Кыргызстана и Армении. Эта обучающая поездка, организованная Всемирным банком, стала первым шагом к созданию сети МИРПАЛ (эта сеть ставит своей целью обмен опытом всех участников миграционного процесса на территории стран СНГ и выработку рекомендаций по эффективному управлению трудовой миграцией).

Здесь я снова повторю основополагающую, как мне представляется, идею о необходимости совместных усилий стран приема и стран исхода мигрантов в работе по их адаптации и интеграции. Успешным примером такой совместной реализации может служить программа обучения и адаптации работников на дому (в основном женщин-домработниц), которые приезжают с Филиппин в Канаду. Сначала у себя дома они проходят 6-ти месячные курсы: уход за детьми, престарелыми, домашняя работа, приготовление пищи и т. д. Программы обучения одобряются соответствующими структурами и Филиппин, и Канады. После окончания курсов выдается сертификат, подтверждающий признание полученных навыков. По приезде в Канаду проводятся занятия о специфике канадского общества, о системе здравоохранения и образования, стоимости жизни и т. д. Впрочем, такие занятия проводятся по программе «Ориентация и знакомство с Канадой» (COA) для всех типов мигрантов.

С 1983 года и по настоящее время домиграционная подготовка на Филиппинах носит обязательный характер. К этому страна шла с начала 70-х годов, когда новые возможности на Ближнем Востоке стали магнитом для большого числа малооплачиваемых и безработных филиппинцев. Сначала консультационные и информационные услуги для выезжающих оказывали неправительственные организации. По мере того как миграция становилась все более массовой и возрастали ее риски, вопросы домиграционной подготовки начали привлекать внимание государственных органов. Когда стало очевидно, что прохождение домиграционной подготовки должно стать обязательным, Агентству по трудоустройству за рубежом и отдельным (отраслевым) профессиональным ассоциациям было поручено заняться реализацией данной программы. На начальном этапе ЧАЗы были против такой обязательности, они заявляли, что данная программа будет лишь дополнительным бюрократическим барьером для трудовых мигрантов. В свою очередь НПО также беспокоились, что мигрантам не будут предоставлять полезную для жизни информацию, а вся эта активность пойдет просто «для галочки».

В Шри-Ланке подготовкой трудовых мигрантов занимается Бюро по трудоустройству за рубежом. Начиная с 1985 г. Бюро было наделено полномочиями проводить (совместно с ЧАЗами) тренинги и информационные сессии. Однако такого рода тренинги стали обязательными только в 1996 году, когда правительство приняло курс на либеральную экономическую политику «с человеческим лицом». В настоящее время при Бюро функционирует около 30 тренинг-центров. По всей стране работает около 130 инструкторов-контрактников. Ежегодно проходят обучение свыше 50 тысяч трудовых мигрантов.

В Бангладеш координирующим органом домиграционной подготовки является Министерство социальной защиты мигрантов и занятости за рубежом, в его ведении находится ряд бюро и ЧАЗов. В стране 14 технических центра; после обучения мигранты проходят лицензирование в агентствах занятости и получают сертификат, который обязателен для выезда на работу за рубеж. Существует и разветвленная сеть неправительственных организаций, работающих, как правило, при поддержке более крупных международных организаций.

Опыт основных стран исхода свидетельствует, что домиграционная подготовка начинается с добровольных схем внедрения, но с течением времени результативность данных программ делает их неотъемлемой частью системы управления трудовой миграции. Данные программы, чтобы быть эффективными, требуют, конечно, создания соответствующих институтов и их финансирования, а значит, дело может обернуться дополнительным бременем для правительств.

Надо признать, что на пространстве СНГ, особенно в центральноазиатских странах, экономический потенциал которых весьма ограничен, трудно будет сразу создать масштабную систему домиграционной подготовки. Ведь речь-то идет о сотнях тысяч трудовых мигрантов, а России вообще приходится принимать миллионы. Безвизовый режим вызывает особые сложности в управлении миграцией. По этим причинам делать домиграционную подготовку обязательной было бы невозможно, да и не желательно. В существующих условиях, когда так остро стоят вопросы с использованием чиновниками их должностных обязанностей и с коррупцией, необходимость получать сертификаты об обучении может стать еще одним барьером на пути мигрантов. А они и без того сталкиваются с массой препон как в странах приема, так и в своих странах.

Однако все эти трудности не должны приводить в отчаяние. Другие страны тоже шли к успешной интеграции тернистой дорогой и не отступали просто потому, что без адаптации и интеграции эффективно управлять миграцией не удается. Многое тут зависит от желания самих мигрантов интегрироваться. В этой связи повышение интереса к данным программам со стороны потенциальных трудовых →

мигрантов будет крайне важным. Необходимо четко знать, чему хотят учиться сами мигранты, учитывать, как тяжело они работают и как мало отдыхают. Предоставлять им важную информацию следует так, чтобы эти люди могли осознать полезность обучающих курсов.

Роль неправительственных организаций

Сотрудничество государства с НПО и частным сектором — вопрос, вызывающий немало дискуссий. Но что касается таких стран приема, как Канада, Австралия, Испания, Великобритания и многие другие, то там на данный момент даже трудно себе представить работу с мигрантами без непосредственного привлечения общественных организаций, созданных самими мигрантами.

В странах исхода мигрантов ситуация гораздо сложнее. Например, на Филиппинах первое время все программы домиграционной подготовки реализовали государственные органы. А к 1978 году стало ясно, что само государство справиться с потоком трудовых мигрантов не может (более 8 миллионов трудовых мигрантов, ежегодный прирост около 1 миллиона), и тогда НПО и ЧАЗам была дана возможность внести свой вклад. Сегодня вся домиграционная подготовка, поиск работы и обеспечение прав трудовых мигрантов осуществляются на основе тесного частно-государственного партнерства. Причем лишь 20% филиппинских трудовых мигрантов проходит через госструктуры, основная же часть программ адаптации и интеграции полностью реализуется неправительственным сектором.

В Шри-Ланке у правительства и НПО нет официально оформленных соглашений о сотрудничестве. Там лишь небольшое число НПО проводит одно-двухдневные курсы для мигрантов и членов их семей. А вот в Бангладеш существует целый ряд уже состоявшихся неправительственных организаций, проводящих домиграционную подготовку. Их роль и охват достаточно велики, хотя участие НПО и частного сектора стало поощряться лишь с 2004 г., после долгого периода запретов на выезд трудовых мигрантов-женщин за границу.

Опыт показывает, что создание сетей и ассоциаций трудовых мигрантов как в странах исхода, так и в странах приема становится важным компонентом успеха. Например, Форум мигрантских НПО на Филиппинах является постоянным партнером государства при совершенствовании учебных модулей, придавая им практичность и эффективность. НПО — полезный помощник для мигранта на любой случай жизни. В некоторых странах предпринимаются попытки проводить постмиграционную работу с возвращающимися мигрантами, что весьма важно для оценки результативности программ интеграции.

> Адаптация и интеграция мигрантов — самый мощный, пожалуй, инструмент эффективного управления миграционной стихией

На территории СНГ (Таджикистан и Кыргызстан) ряд неправительственных организаций тоже проводит домиграцинную подготовку. Пока, правда, на пилотной основе. Однако существенно, что в рамках таких программ уже разработаны некоторые модули и извлечены определенные уроки. Вот этот опыт особенно важно изучать на постсоветском пространстве, так как он дает специфичные для региона уроки по реализации программ помощи мигрантам с адаптацией и интеграцией.

Некоторые рекомендации

Программы интеграции, конечно, не новость, и сама жизнь доказывает, что они реально повышают эффективность системы управления трудовой миграцией. Впрочем, понимаю, что об этом легко сказать, но чрезвычайно трудно это сделать. Так что правительствам, которые всерьез берутся за это дело, можно искренне посочувствовать. Однако еще раз хочу подчеркнуть: привлечение НПО, частного сектора, местных органов власти и общинных организаций к реализации таких программ способствует более охотному и активному участию самих мигрантов. И с этого все начинается. Ведь обычно мигранты скептически смотрят на любые инициативы правительств, а к гражданскому сектору они относятся все-таки с большим доверием. В то же время приверженность правительства осуществлению таких программ способствует более глубокому пониманию их важности каждым мигрантом, а также принимающим сообществом, без доброжелательности которого интеграция мигрантов практически невозможна.

Известно, что страны теряли много времени, ресурсов и, что более важно, доверия к интеграционным программам без соответствующего положительного сигнала со стороны правительства и четко проработанных механизмов реализации. Создание благоприятной среды для развития такого рода программ именно со стороны государства является основным фактором успеха, а дальнейшие вопросы носят чисто технический характер. Под политической поддержкой подразумевается решение о внедрении такого рода программ в качестве основного элемента управления внешней трудовой миграцией. Под инсти-

туциональной поддержкой подразумевается определение органа, ответственного за разработку и реализацию политики в области интеграции. Этот орган (министерство, ведомство) координирует свою работу с другими участниками миграционных процессов, в том числе и с негосударственным сектором.

Учитывая растущую культурную разницу между мигрантами из Центральной Азии и населением России, базовые программы по адаптации и интеграции откладывать «на потом» никак нельзя. Чтобы мигранты видели в них пользу, программы должны быть четко продуманными и гибкими. Исполнители должны оптимально использовать мотивационные методы и искать доступные формы обучения. Следует избегать перегрузки программ слишком обширной информацией. Фокус должен делаться на практических навыках и знаниях, которые помогли бы мигрантам справиться с трудностями вхождения в незнакомую среду.

При запуске интеграционных программ информационные кампании как в странах приема, так и в странах исхода играют решающую роль. Участие трудовых мигрантов в государственных программах должно быть бесплатным, а негосударственным поставщикам услуг может быть разрешено взимать некоторую плату (но, как принято в других странах — не более чем 2 доллара) для покрытия административных расходов, коммунальных услуг и производства раздаточных материалов. Этот вопрос обычно плотно контролируется государством (посредством опроса мигрантов).

Опыт каждой страны имеет, конечно, свою специфику. Но единый и главный урок состоит в том, что программы адаптации и интеграции должны проходить не в виде разрозненных проектов, исполнители которых действуют вразнобой и порой даже не знают о существовании друг друга, а должны внедряться в рамках общегосударственных программ, т. е. опираться на четко определенную институциональную основу.

справка

Что такое «Индекс интеграционной политики ЕС»

Индекс интеграционной политики использует более 140 политических индикаторов, чтобы создать максимально полную картину возможностей мигрантов участвовать в жизни европейского общества. Индекс охватывает 6 областей политики, которые формируют путь мигранта к полному гражданству: доступ к рынку труда, воссоединение семей, длительное проживание, участие в политической деятельности, доступ к гражданству и борьба с дискриминацией.

Индекс — это инструмент «сопоставительного анализа», необходимый, чтобы сравнивать работу государств. С помощью индекса можно:

- *мгновенно увидеть, как близка та или иная страна к передовому опыту,*
- *сравнить работу государств в различных политических сферах,*
- *найти реальные примеры передового опыта,*
- *отследить работу своей страны за определенный промежуток времени,*
- *провести глубокое исследование контекста (обстоятельств) интеграционной политики с помощью заполненных страновых профайлов,*
- *самостоятельно проанализировать данные, загружая результаты на сайте,*
- *присоединиться к обсуждению, используя индекс при формировании политики, комментируя, лоббируя или анализируя.*

Использование индекса помогает странам улучшить свою политику интеграции мигрантов, обеспечивая объективные, доступные и сравнимые данные для исследования и обсуждения. Иммиграция — это жизненный факт каждой страны ЕС. Все жители Европы извлекут выгоду из существования сплоченного, открытого общества, в котором могут участвовать и вносить свой вклад как граждане, так и мигранты.

Правительства создают политические и правовые рамки для участия мигрантов наравне с гражданами и, в дальнейшем, способствуют превращению мигрантов в граждан. Поэтому жизненно важно, чтобы интеграционная политика европейских государств тщательно исследовалась и контролировалась.

Индекс предназначен служить «зеркалом», которое поможет государствам ЕС наглядно увидеть, как они справляются с интеграцией мигрантов. Конечно, только усилиями государства невозможно добиться успеха в интеграции. Местные сообщества, гражданское общество и отдельные мигранты также играют определенную роль. Индекс интеграционной политики предлагает основу для опирающегося на факты обсуждения интеграционной политики ЕС между всеми этими участниками.

Индекс интеграционной политики создан консорциумом 25 организаций. Среди них университеты, исследовательские институты, мозговые центры, фонды и различные неправительственные организации. Группа индекса заинтересована в улучшении качества обсуждения интеграционной политики в ЕС.

Как нам, разным, жить вместе, оставаясь самими собой

(Вопросы без ответов)

Светлана Ганнушкина,
председатель комитета «Гражданское содействие»,
член правления общества «Мемориал»

Проблемы миграции занимают одно из первых мест среди проблем, стоящих сегодня перед человечеством. Критическая демографическая ситуация, свойственная развитым странам, заставляет их конкурировать за мигрантов. Западные страны активно принимают жителей других регионов. Парижская уличная толпа почти неотличима от нью-йоркской и уже наполовину состоит из людей с темным цветом кожи разных оттенков, одетых часто весьма экзотически. Возвратившись из поездки в Европу или Америку, я начинаю ощущать, что едущие на встречном эскалаторе москвичи как-то однообразно и скучно выглядят.

Как же происходит интеграция новых граждан в старое европейское общество? Пока инокультурное внедрение шло медленно, вливание свежей крови приносило очевидную пользу. Вспомним: Дюма и Пушкин были потомками африканцев. А кто же больше француз, чем Дюма, или больше русский, чем Пушкин?

Однако сейчас миграционные процессы идут так стремительно, что интеграция за ними явно не успевает. И часто «новые» жители, даже приобретая гражданство западных стран, все же существенно отличаются от «старых» — культурой, традициями, иным комплексом ценностей, часто далеких от неукоснительного уважения прав человека. Прибывающие продолжают следовать своим культурным стереотипам и образуют в обществе изолированные группы.

Каким образом могут мирно сосуществовать разные культуры? Как должна осуществляться интеграция этих групп в принимающее их общество? Является ли ассимиляция мигрантов единственным путем развития общества? Или общество согласно на их добровольную изоляцию?

Возможно ли надеяться на существование современного общества в виде единой мультикультурной среды? Скажу сразу: мне бы очень хотелось ответить на последний вопрос положительно. Но понимаю: положительный ответ был бы не просто далеко не однозначным, он сам по себе представлял бы новый вызов. Для его реализации необходима сознательная и ежедневная работа общества. А пока эта работа, на мой взгляд, как у нас, так и на Западе, делается неудовлетворительно.

Что говорит Конвенция о правах нацменьшинств

Какие же реакции на вызовы можно наблюдать сегодня и как они выглядят в контексте прав человека?

Одним из ответов на этот вопрос стала принятая в феврале 1995 г. рамочная конвенция «О защите национальных меньшинств», к которой Россия присоединилась в июле 1998 г. Конвенция исходит из цели «достижения более тесного союза между его членами во имя защиты и развития идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием», и констатирует, что «одним из средств достижения этой цели является поддержание и дальнейшее осуществление прав человека и основных свобод». Имеется в виду «право на равенство перед законом и на равную защиту закона. Любая дискриминация, основанная на принадлежности к национальному меньшинству, запрещается» (ст. 4).

Государства, присоединившиеся к Конвенции, берут на себя обязанность «обеспечивать лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, возможности поддерживать и развивать свою культуру, а также сохранять основные элементы их самобытности, а именно: религию, язык, традиции и культурное наследие». Государства обязуются воздерживаться «от любых политических и практических действий, имеющих целью ассимиляцию лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, вопреки их воле, и защищают этих лиц от любых действий, направленных на такую ассимиляцию» (ст. 5).

Конвенция развивает понятия прав человека в отношении представителей национальных меньшинств, требуя от них соблюдения «национального законодательства и уважения права других лиц, в частности — права лиц, принадлежащих к основной группе населения или к другим национальным меньшинствам» (ст. 20).

Но соблюдения законов с одной стороны и уважения прав человека — с другой, оказывается, недостаточно.

Не все граждане Франции чувствуют себя французами

Родина прав человека, Франция, — одна из немногих стран, не присоединившихся к этой рамочной Конвенции. Французы сочли ее лишней и даже нарушающей принципы равенства, братства и свободы. Французские политические деятели любят повторять, что все граждане Франции, независимо от цвета кожи, вероисповедания, происхождения, — французы. Это же мне не раз приходилось слышать и от моих коллег из неправительственных организаций. Безусловно, Франция много преуспела в интеграции детей разных народов.

Но вот француз арабского происхождения завел себе четырех жен. Его пытаются привлечь к ответственности за многоженство, но не тут-то было. Если бы он заключил в Париже брак с одной женщиной, а в Марселе с другой, закон мог бы привести его на скамью подсудимых. «Нет, у меня одна жена, — смеется многоженец, — а остальные три — любовницы. Как у любого француза, только я забочусь о них и их детях лучше, чем другие». Готовы ли поставленные в тупик французы признать его правоту?

Объясните мне, почему Франция принимает неожиданное решение о том, что девушки-мусульманки не могут носить платки в общественных местах? Откуда повеяло опасностью? Мы видим выступления студенток и школьниц, которые говорят: «Моя соседка покрасила одну половину головы в желтый цвет, другую — в зеленый. И ей так можно ходить: это признак свободы. А я всего-навсего хочу повязать на голову тоненькую косынку, и мне говорят, что этого делать нельзя. Нельзя, потому что это признак конфессии, признак религиозной принадлежности. Почему такое неравенство?»

Я понимаю эту девочку. С другой стороны, я понимаю, почему возникает вопрос по поводу ее головного убора. Надо заметить, что сами представители меньшинств, в отличие от властей, не очень-то убеждены в том, что они французы. «Платите пособие и не лезьте к нам!» — кричал молодой турок во время волнений в парижских предместьях. Возможно, он и гражданин Франции, и сын гражданина, но он не чувствует себя французом. Можно объяснить это социальными проблемами, и это будет правдой, но развиваются эти проблемы в определенной среде, не признающей ни права человека, ни просто правовую систему страны, в которой живут. Не замечать этого опасно, и запретом платков делу не поможешь, и пособием, порождающим иждивенчество, не откупишься, а снисходительное отношение к нарушителям недопустимо и не полезно для них самих.

Издержки германской толерантности или замкнутости

В Германии, где о правах национальных меньшинств говорят и спорят много и с чувством, проблема изоляции мигрантов, как мне кажется, стоит еще более остро. Немцы не привыкли вмешиваться в жизнь соседей, они так трудятся над внедрением толерантности, что готовы мириться с традициями и образом жизни национальных меньшинств даже в том случае, когда те нарушают права человека и построенные на их базе законы. Происходит странная вещь: государство, признавая права меньшинств, перестает защищать каждого отдельного представителя этих меньшинств от диктата традиций, нарушающих его права человека.

Недавно я наблюдала, как депутат бундестага от дружественных «Мемориалу» «Зеленых», Мари Луиз Бекк, занималась возвращением в Германию ее гражданина — немецкого ребенка.

Мальчику, сыну немки — жительницы Бремена, было два с половиной года, когда отец, тунисский студент, узнал о его существовании. Новоиспеченный папаша убедился путем генетической экспертизы в своем отцовстве, изъявил желание участвовать в воспитании ребенка и пригласил его мать с сыном на свою родину в гости. Отцовства он не оформлял и по немецкому закону ни в каких правовых отношениях с ребенком не состоял.

Мать приняла приглашение и приехала в Тунис, где семья отца немедленно забрала у нее ребенка и отказалась отдавать. Посольство Германии не встало на защиту похищенного немецкого гражданина. Ничего не добившись в Тунисе, мать уехала Германию и бросилась в полицию. Там матери заявили, что это семейное дело: у *них* (тунисцев) такие традиции: ребенок принадлежит семье отца. Несколько месяцев хождения по кабинетам в попытке доказать, что *их* традиции не имеют никакого значения, если похищен гражданин Германии, ни к чему не привели. Женщина заболела, перенесла тяжелую операцию. Все это время ребенком занималась депутат от Бремена, и ей пришлось нелегко. МВД Германии прореагировало на ситуацию только после того, как Мари Бекк поставила этот вопрос на заседании бундестага и добилась специального решения. Ей самой пришлось ехать в Тунис, откуда (как раз в день моего отъезда) она вернулась вместе с ребенком.

Немецкие правозащитники мне не раз рассказывали о том, →

что 14-летних девочек, родившихся и выросших в Германии, родители вывозят в страны, из которых они когда-то приехали, и выдают там замуж по местным законам. Потом молодоженов привозят в Германию и новоиспеченные мужья претендуют на немецкое гражданство.

И когда я спрашиваю: как же вы это допускаете? — получаю все тот же ответ: «Ну, знаете, у них же такие традиции. Им так нравится, а нас это не касается». Я с большим уважением отношусь и к традициям, и к исламу. Но я совсем не уверена, что эта 14-летняя девочка, которая училась в немецкой гимназии, действительно хотела быть вывезенной в Пакистан и выданной замуж за взрослого незнакомого мужчину. Если даже она согласилась или повиновалась родителям, то может ли она в таком юном возрасте принять в этом вопросе сознательное решение? Не очевидно ли, что здесь нарушается равенство прав мужчины и женщины в отношении вступления в брак. О случаях убийства родственниками непокорных девушек или женщин, которые, по мнению семьи, запятнали себя «дурным поведением», тоже нередко приходится слышать. И когда убийца попадает на скамью подсудимых, как, хотелось бы знать, воспринимается судом традиция, нарушающая право на жизнь, — как смягчающее или отягчающее вину обстоятельство?

Но ведь есть в Германии законы, ограничивающие возраст вступления в брак и наказывающие за сожительство с несовершеннолетними, почему же государство снимает с себя ответственность за судьбу девочки, принадлежащей к национальному меньшинству? Да, традиции, культура, вероисповедание больших и маленьких групп очень важны. Они дают нашему миру разнообразие красок, но они все же вторичны по отношению к правам человека и законодательству, защищающему эти права.

Государство обязано защищать личность

Мне хочется теперь вернуться к рамочной Конвенции «О защите национальных меньшинств». Я думаю, что в ней речь идет не о правах национальных меньшинств, а все-таки о правах личностей, принадлежащих к меньшинствам. Статьи Конвенции именно так и сформулированы. Очень важной мне представляется ст. 3: «**Любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободного выбора рассматриваться или не рассматриваться таковым, и этот выбор или осуществление прав, которые связаны с этим выбором, не должны ущемлять данное лицо**»

Таким образом, каждому члену общества, принадлежащему к некоторому меньшинству, государство обязано обеспечивать и гарантировать возможность выйти из этого меньшинства. Турецкий юноша из предместий Парижа, немецкая школьница пакистанского происхождения, четвертая жена французского араба (или арабского француза) — все они должны иметь возможность уйти из среды происхождения. Государство обязано гарантировать им безопасность в этом случае. Право не принадлежать к меньшинству не менее важно, чем соблюдение прав тех, кто хочет оставаться его представителем.

Равнодушное отстраненное отношение к меньшинствам создает не мультикультурную среду, а среду, состоящую из анклавов, живущих по разным правилам и не соблюдающих законы страны. Такое положение в конце концов приведет и уже приводит к конфликтам, с которыми не удастся справиться.

А противостоять силой не удастся

Российская Федерация тоже не выживет без миграции. Наблюдается очевидный процесс старения населения, рождаемость упала до уровня развитых стран, а смертность достигла уровня развивающихся.

Можно многое сказать о грубых нарушениях прав национальных меньшинств в сегодняшней России: о растущей ксенофобии и религиозной нетерпимости, о бесчеловечном отношении в тюрьмах к выходцам с Кавказа, о необеспечении государством минимально-

Такой шокирующий плакат встретил в одном из официальных учреждений африканца и сопровождавшую его переводчицу комитета «Гражданское содействие» (она и сделала эту фотографию). Хозяин кабинета засмущался и тут же снял постер, назвав его появление шуткой своих сотрудников. Однако же было очевидно, что профессионально сделанное «художество» напечатано не в одном экземпляре. Впоследствии нам стало известно, что такие плакаты раздают на фашистских сходках. А ведь надпись на постере врет: расизм возникает не там, где есть негры, а там, где есть расисты.

го уровня указанных в Конвенции прав в отношении беженцев из Афганистана и Грузии, о дискриминации бежавших из Абхазии грузин, остающихся в России нелегалами уже более полутора десятков лет. Все эти массовые человеческие трагедии постоянно привлекают внимание прессы и довольно часто обсуждаются на различных конференциях, где мне тоже не раз доводилось выступать, но мы до сих пор не приблизились к решению этих проблем.

Тем временем тенденция изоляции или самоизоляции меньшинства от основной части гражданского общества набирает все большую остроту. Продуманная политика интеграции меньшинств совершенно необходима в сегодняшнем ускоренно развивающемся мире. Иначе неизбежно будут возникать раздражение и конфликты между разными группами населения. Мы явственно видим это в России, где власти, в особенности региональные, не только не стараются создать обстановку толерантности, но и манипулируют агрессивными настроениями населения, переключая общую неудовлетворенность ситуацией с себя на «чужаков».

Приходится с сожалением признать, что взяться за решение проблем сосуществования культур и традиций, за их соотнесение с правами человека у наших российских властей нет пока даже серьезного намерения, да и возможностей, пожалуй, нет. Не может быть гостеприимным народ, который не чувствует своей ответственности за то, что происходит в стране.

Поэтому нам до лучших времен едва ли удастся выработать эффективные механизмы интеграции. Однако необходимо со всей ясностью осознать, что рост миграции в Россию есть реальность, обусловленная ходом развития человечества, и противостоять этому силовыми методами просто бессмысленно и даже небезопасно.

Живешь в Германии, но живешь как на дне...

Галина Суппес,
транснациональный координатор, AWO Бремерхафен, региональное бюро Карлсруэ

Проблемы, препятствующие интеграции мигрантов из стран СНГ в Германии, мне знакомы не понаслышке. Во-первых, потому что сама являюсь лицом с опытом миграции. Закончив факультет романо-германской филологии Тюменского Государственного Университета, 13 лет назад я с семьей эмигрировала из России на историческую родину моих предков. Во-вторых, более одиннадцати лет проработала преподавателем немецкого языка для иностранцев в различных учебных заведениях Германии и принимала непосредственное участие в решении интеграционных проблем моих учеников. В-третьих, общалась с иностранными студентами, обучаясь на экономическом факультете университета г. Трир в Германии. После получения диплома осталась в качестве научного сотрудника этого университета в научном проекте, исследующем реэмиграцию этнических немцев. С 2009 года работаю транснациональным координатором в Фонде AWO Хайматгартен — в организации, осуществляющей, кроме всего прочего, проекты и программы по поддержке добровольного возвращения мигрантов в страны их происхождения.

Сегодня в Германии проживают более 82 млн. человек, 15,6 млн. из них — эмигранты, представители 186 наций. Это составляет 19,6% от общей численности населения. Нельзя сказать, что все они иностранцы, поскольку многие из них получили немецкое гражданство, родились и выросли в Германии, или же родились в другой стране, но по происхождению являются этническими немцами. Для обозначения этого круга лиц употребляется универсальное политически корректное определение: лицо с опытом миграции (Person mit Migrationshintergrund; person with migration background). Таким образом, каждый пятый житель Германии — лицо с непосредственным или косвенным (например, через родителей) миграционным опытом. Каждая четвертая семья — семья мигрантов, каждый третий ребенок младше пяти лет — ребенок мигрантов.

Бывшие советские

По результатам исследования, проведенного в 2009 г. →

Берлинским Институтом Народностей, переселенцы из стран СНГ по численности превосходят все другие мигрантские общины в Германии. Кто же иммигрирует в Германию из бывшего Советского Союза?

В первую очередь, это этнические немцы, чьи предки около 250 лет назад переселились из Германии в Россию по приглашению Екатерины II и, несмотря на вполне успешную интеграцию и мирное сосуществование с местным населением на протяжении почти двух веков, в начале Второй мировой войны были объявлены врагами народа и изгнаны из мест проживания в Сибирь, Казахстан и другие периферийные республики на вечное поселение. За период с 1950 гг. по сей день на историческую родину выехало 2 млн. 345 тыс. таких немцев-переселенцев.

Во-вторых, это уже более 200 000 еврейских эмигрантов, выезжающих на постоянное место жительства в ФРГ с 1991 года в рамках гуманитарной акции в качестве контингентных беженцев.

В-третьих, это супруги и дети, приезжающие на воссоединение семей. Далее следуют по количеству беженцы из кризисных регионов и соискатели политического убежища из Чечни, Грузии, Армении, Азербайджана, прибалтийских и других постсоветских республик. Граждане стран СНГ, работающие по контракту или green card: это и работники культуры, и бизнесмены, и программисты. Кроме того, это au pair — девушки и юноши, приглашенные в немецкие семьи для ухода за детьми и изучающие параллельно немецкий язык и культуру страны пребывания. Зачастую они остаются в Германии по истечении контракта, чтобы учиться или работать, а также для создания семей с гражданами ФРГ. Студенты из бывшего Союза, обучающиеся в немецких вузах и нашедшие после учебы работу, благо что правительство Германии разрешает молодым иностранным специалистам в течение года после получения диплома проживать и заниматься поисками работы в Германии. И наконец, нерегулярные мигранты, а попросту — нелегалы и жертвы торговли людьми.

Все эти люди, покинувшие родные страны и переселившиеся в Германию по различным причинам, сталкиваются рано или поздно с проблемами интеграции в немецкое общество. Прежде всего это касается тех, кто остается в Германии надолго или навсегда. Большинство из них как-то интегрируется, ассимилируется или же просто принимает новую жизнь такой, какова она есть. Другие же пытаются, успешно или тщетно, решить те или иные проблемы. Третьи угасают и надрываются под тяжестью этих проблем. А проблемы эти одинаковы у всех, независимо от страны происхождения и категории миграции. Другое дело, что процесс интеграции протекает у представителей различных национальностей совершенно по-разному.

Однако остановиться подробнее хотелось бы на положении мигрантов из бывшего Советского Союза. Может быть, кому-то покажется странным, но проблемы интеграции в Германии сходны по сущности своей с теми, которые пытаются решить и мигранты в России, только происходит это на более цивилизованном уровне. Да, в Германии нет милицейского произвола и не проверяют паспорт или прописку на каждом шагу, не отключают воду или электричество (только если вовремя не заплатишь) и государство не даст умереть с голоду и остаться без жилья, как бы оно к тебе ни относилось. Но, как ни странно, именно в этой сытости и обустроенности остро понимаешь, что все-таки не хлебом единым жив человек. И, поверьте, многие из «постсоветских» мигрантов готовы променять это цивилизационное благополучие на казахскую степь или сибирские морозы, и кое-кто это уже сделал.

Фонд AWO проводит международный семинар по интеграции мигрантов для журналистов стран СНГ. Одесса, июль 2010 г.

Параллельные миры

Не буду перечислять все возможные причины, выделю лишь три основных. Это своего рода «три кита», которые тянут за собой длинный шлейф взаимообусловленных проблем и трудностей, препятствующих успешной и быстрой интеграции. Вершиной айсберга проблем является незнание или недостаточное знание немецкого языка. Из-за «языкового дефицита» хромает успеваемость в школах. Обиднее всего, что дети мигрантов, преуспевающие в точных науках, не сумев преодолеть в короткие сроки языковые проблемы, заканчивают школу со средним балом, недостаточным для перехода в гимназию и дальнейшего поступления в высшие учебные заведения. А ведь образование — ключ к успешной интеграции!

Для взрослых незнание языка становится высоким барьером при вхождении на рынок труда, а также

при решении повседневных проблем, даже при проведении свободного времени. Германия — бюрократическая страна, коммуницирующая со своими жителями не только на немецком, но и на чиновничьем немецком языке, посредством официальных писем и регулярных вызовов и приглашений в различные инстанции. Писем и приглашений приходит столько, что у людей развивается «страх перед почтовым ящиком»: нужно постоянно за что-то доплачивать, отчитываться, доказывать, и делать это нужно на чужом языке с не понимающими никакого юмора чопорными чиновниками.

Ограниченность языковых навыков и боязнь быть непонятым, неясно выразиться, с одной стороны, а также чопорность, а зачастую и скепсис, предвзятость, клишеобразное восприятие и откровенное нежелание местного населения идти на контакт с мигрантами — с другой стороны, затрудняет создание дружеских и добрососедских отношений между местными и приезжими. Вынужденное или добровольное общение «только со своими» приводит к изоляции и образованию русско— или турецко-, словом, иноязычных гетто, со своими законами и укладом жизни, причем не только в географическом, но и в социокультурном смысле. Практически в любой сфере жизни (пожалуй, кроме административной) предоставлены услуги на русском языке: «русские» магазины со «знакомыми с детства» продуктами, русскоязычные врачи, адвокаты, переводчики, социальные работники, турагенства, СМИ и пр.

Работа — мотор интеграции

Говоря о миграционной ситуации в Германии, часто упоминают о существовании параллельных миров или сообществ. Хорошо, если среди «своих» есть родственники, друзья, приятели, с которыми можно разделить и горести и радости. А если нет? Тогда человек остается один на один со своими бедами, комплексами, страхами. Однако человек — существо социальное, требующее окружения и общения, без этого невозможна не только интеграция, но и полноценная жизнь. Поэтому одиночество, отсутствие социальных контактов, пустота жизненного содержания способствует развитию у таких людей душевных заболеваний, сопровождаемых физическими недугами. Кто-то пытается лечиться, глотая пригоршни таблеток, другие топят свое горе в алкоголе, третьи забываются в наркотическом дурмане. Нередко наши соотечественники появляются и в криминальных сводках, чаще всего из-за побоев и хулиганства, отличаясь от других хулиганов особой жестокостью и агрессией.

С посредственными знаниями немецкого можно еще как-то жить; в конце концов, можно общаться на русском, было бы с кем. Но если у человека нет занятия, нет самореализации, то вряд ли приходится говорить об успешной интеграции, ведь не зря работу называют мотором интеграции. Отсутствие работы — это вторая основная проблема мигрантов в Германии. Примечательно, что нелегалы не страдают от отсутствия работы, да и язык для них не препятствие. У них вообще только одна серьезная проблема — легализация. Они готовы и честно работать, и налоги платить, но, увы, государству они, видимо, не нужны, а работодателям они выгоднее в таком своем статусе. Зато десятки тысяч немцев-переселенцев и еврейских иммигрантов, имеющих и немецкое гражданство, и разрешение на работу, не могут найти достойное образованию и способностям рабочее место (про тех, кто и не хочет работать, мы не говорим). Их дипломы не признаются как документы о квалификации или признаются частично, по объективным, а иногда и по субъективным причинам.

Вот и выходит, что инженер таскает при любой погоде кирпичи на стройке, а учителя, врачи и торговые работники машут швабрами на тех предприятиях, где могли бы работать в другом качестве и приносить куда больше пользы и себе, и семье, и тому же государству. Огромному количеству мигрантов, в том числе из стран СНГ, длительное время или вообще не удается найти постоянную работу. Получая социальные дотации от государства или пособие по безработице, они не только находятся в унизительном положении, но и относятся к самому малообеспеченному, нуждающемуся слою населения, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Получается, что люди бросали насиженные места и ехали за лучшей жизнью, в богатый, сытый капитализм с неограниченными возможностями, а скатились на социальное, экономическое и эмоциональное дно и наблюдают за праздником жизни только с обочины. Причиной тому зачастую является абсолютно нереальное представление этих мигрантов о Германии, о ее культуре, истории, нормах поведения, не говоря уже о законодательстве, функционировании рынка труда или системе образования. Многим из них так и не удается сориентироваться в новых условиях, в большинстве случаев — тем, кто не прикладывает особых усилий для восполнения этих пробелов в своих знаниях.

Следует упомянуть, что возрастная структура мигрантов отличается от немецкой тем, что среди мигрантов больше лиц в работоспособном возрасте, находящихся в браке и имеющих детей, которые станут в будущем платить пенсию не только своим родителям, но и бездетным немцам-пенсионерам. Таким образом, огромный рабочий потенциал и культурный капитал остается не задействован в экономическом и социокультурном развитии страны, а мигранты мучаются от безделья, теряют веру в собственные силы, страдают от потери социального статуса и от комплексов неполноценности, бесполезности и никчемности.

А потом любви не хватило

Еще одна причина, препятствующая успешной интеграции мигрантов в немецкое общество, это неготовность или нежелание местного населения принять мигрантов как равных. Конечно, положительные примеры существуют, как и смешанные браки, и добрые коллегиальные отношения, и дружба, и мирное соседство. Но сейчас мы ведем речь о проблемах. Вот в 50 — 70 гг. прошлого века, когда поток мигрантов был сравнительно небольшим, в особенности этнические немцы из бывшего Союза принимались тепло и радушно, как братья и сестры с общей культурой и историей, пострадавшие от войны больше, чем немцы Германии, а значит, требующие помощи, заботы и внимания. Но с повальным переселением в 80-е годы количество мигрантов достигло «критической массы», так что любви на всех уже просто не хватило.

Одновременное ухудшение ситуации на рынке труда и жилья, несхожесть мигрантов с местным населением и по менталитету, и по поведению — все это настроило немцев против всех «чужих». И сегодня мигранты ассоциируются у немца с криминалом, алкоголем, наркотиками, проституцией, с плохой успеваемостью, низкоквалифицированными специальностями. Облик мигранта овеян мифами о больших неоправданных дотациях от государства, которые они посылают в свои страны, о том, что они отнимают рабочие места и жилье у коренных немцев, что из-за них наступает иностранное засилье и утрата немецкой культуры. Что ж, каждый видит только то, что хочет видеть...

На самом деле все не так трагично. Даже наоборот, за счет мигрантов Германия отчасти решает свои проблемы, такие, как, например, демографический кризис. Население Германии сокращается и стареет одновременно. И даже при ежегодном приеме 200 000 иностранцев количество жителей страны сократится с 82 до 75 млн. к 2050 году, без мигрантов — до 59 млн. Однако мигранты замедляют этот процесс, в их семьях рождается больше детей, а старики, достигнув пенсионного возраста, все чаще уезжают обратно в свои страны. Возможность выплаты пенсий и финансирования больничных страховок и ухода за немощными и престарелыми в будущем будет во многом зависеть от вклада молодых мигрантов в решение демографической проблемы. Благодаря мигрантам увеличивается число рабочих рук, сокращается нехватка специалистов в отдельных отраслях. А кроме того, иностранцы выполняют ту работу, за которую не берутся даже те местные немцы, которые получают социальную помощь, — не берутся из-за низкой оплаты, тяжелых физических нагрузок, вредности, опасности или неприглядности работы.

Государство привечает мигрантов

Правительство ФРГ уже давно осознало необходимость приема мигрантов, так как от них напрямую зависит не только решение демографических проблем, но и экономическое и социокультурное развитие общества. С другой стороны, приток мигрантов неизбежен в связи с глобализацией и расширением европейских границ. Кроме того, Германия имеет моральные и исторические обязательства перед еврейскими беженцами, этническими немцами, а также соискателями политического убежища и лицами, приезжающими в рамках воссоединения семей. В общих интересах — жить, несмотря на гетерогенность населения, в едином сообществе, в мире и гармонии. Поэтому государство предпринимает попытки для успешной интеграции мигрантов в немецкое общество.

В 90-е гг. существовало рекордное число различных законов и предписаний, касающихся мигрантов и их интеграции. Однако не было однородной, последовательной миграционной политики, а лишь многообразие различных мер для или против той или иной группы мигрантов. Дело в том, что за каждую категорию мигрантов отвечает отдельное ведомство, у каждого из которых своя политика, свои интересы и возможности, свои инструменты и методы, да и свой бюджет. Следовательно, результат такой политики не может быть удовлетворяющим.

Тем не менее нельзя не отметить положительных течений и веяний. Ежегодно правительством Германии разрабатывается Национальный интеграционный план — на уровне федерации, земель и коммун. В этот план включается более чем 400 различных мероприятий. Главный акцент делается на изучение языка, начиная еще с дошкольных заведений, а также на подготовку мигрантов к вступлению в профессиональную жизнь, на выравнивание шансов между местным и приезжим населением при поиске работы и принятии на работу, привлекаются иностранные предприятия, предоставляющие учебные места для абитуриентов. Таким образом осуществляется попытка использовать в целях развития международные экономические отношения, культурный капитал и дву— или мультиязычие мигрантов, их знания о культуре, традициях, правовых нормах стран их происхождения.

Кроме того, ряд мероприятий направлен на улучшение жилищных условий в социальных квартирах и на обустройство жилых районов, заселенных преимущественно мигрантами. Приветствуются интеграционные проекты в области культуры и спорта, развитие инновационных программ на телевидении и радио, направленных на интеграцию иностранцев. Оказывается поддержка организациям, клубам, объединениям, основанным лицами с миграционным опытом. Наконец, мигрантам дается возможность проявить гражданскую инициативу и равноправно участвовать в политической и социальной жизни немецкого общества.

Разумеется, не все планы и намерения осуществляются в полном

объеме, по все тем же причинам, описанным выше: политические амбиции, различные ведомства с собственными интересами, несовершенство механизма внедрения и реализации мер, неравномерное распределение или концентрация представителей тех или иных наций в коммунах и землях, бюрократизм, нехватка средств, предвзятость и скепсис исполнителей, политический нигилизм и пассивность мигрантов, их недоверие к государству и т. д.

Ностальгия зовет обратно

В заключение хотела бы упомянуть о тех случаях, когда мигранты из стран СНГ не хотят или не могут больше жить в Германии и добровольно возвращаются в страны происхождения, либо ищут нового счастья и приключений в других странах: в США, Канаде, Парагвае. Речь идет прежде всего об этнических немцах. За последние 5 лет в среде немцев-переселенцев наблюдается тенденция к возвращению в Российскую Федерацию, на места прежнего проживания или в другие регионы, прежде всего в Калининградскую область, западную Сибирь, или же в Казахстан и на Украину. Не приходится говорить о больших реэмиграционных потоках, но это уже не единичные случаи, и число потенциальных репатриантов увеличивается с каждым днём, так что процесс этот приобретает постоянно нарастающий характер.

Отсутствие официальной статистики не позволяет определить объём реэмиграции. Однако, исходя из количества обращающихся к нам и в подобные организации граждан, число реэмигрантов можно оценить в десятки тысяч. На сегодняшний день Фонд АВО Хайматгартен, представителем которого я являюсь, — единственная организация во всей Германии, осуществляющая консультационную и финансовую поддержку таким немцам-переселенцам в рамках программы правительства земли Баден-Вюртемберг. Мы поддерживаем также все другие категории мигрантов, желающих возвратиться или переехать на добровольной основе на постоянное место жительства в страны СНГ.

Решение вернуться является для многих потенциальных возвращенцев единственным выходом из сложившейся неблагоприятной жизненной ситуации, изменить которую им не представляется возможным. Среди основных причин можно выделить следущие: разрыв семей, когда дети, родители или другие члены семьи не смогли или не захотели переселиться в ФРГ, неприятие чужой культуры, напряжённое положение на немецком рынке труда в целом, высокая безработица и, как следствие, профессиональная невостребованность, отсутствие социальных и профессиональных перспектив, унизительная зависимость от государственных пособий и потеря социального статуса, отсутствие привычного языкового и культурного окружения, а также каких-либо социальных контактов с местным населением, непреодолимая тоска по родине, желание быть рядом с могилами родных и близких, умереть и быть похороненным в «родной земле».

> Как ни странно, именно в сытости и обустроенности понимаешь, что не хлебом единым жив человек

С другой стороны — это динамично и стремительно развивающаяся российская и казахстанская экономика, повышающая жизненный уровень населения и дающая возможность вновь обрести утерянный статус и материальное благополучие. Несмотря на то, что проблема возвращения русских немцев получила огромное внимание ведущих средств массовой информации и возбудила общественный интерес, правительство Германии отреагировало отрицательно на наши неоднократные обращения с просьбой о финансовой и прочей поддержке желающих вернуться назад. Тем не менее гуманитарные и экономические предпосылки побуждают правительства некоторых федеральных земель к принятию необходимых решений. Однако из 16 земель только одна осуществляет сегодня программу поддержки реэмиграции немцев-переселенцев, наряду с другими категориями возвращенцев. Наша организация имеет значительный опыт работы с программами организации переселения и интеграции переселенцев на территории ФРГ.

Эти программы являются аналогами российской программы содействия добровольному переселению соотечественников. Изданный по этому поводу Указ президента РФ вызвал одобрение и вселил надежду представителям описываемой среды. Однако замедленная реализация Указа в пределах Германии, отсутствие соответствующих компетентных учреждений и исчерпывающей информации вызывают у заинтересованных лиц определённый скепсис. Принимая во внимание масштабность, комплексность и сложность организации такой деятельности, мы бы могли предложить властям Российской Федерации наши услуги и оказать содействие в работе с бывшими гражданами России, проживающими в Германии.

Вместе с этим мы могли бы предоставить российским миграционным службам и прочим организациям, занятым в этой области, имеющуюся у нас инфраструктуру и сеть бюро. Кроме того, мы готовы организовать обучение и передачу накопленных знаний и опыта российским коллегам и государственным структурам, что представляется важным для обеих сторон в экономическом и социальном плане.

Когда сердцем прирастаешь к земле

В нынешнем году Всероссийский фестиваль прессы (уже 9-й по счету) будет проходить не на берегу Черного моря, как обычно, а в Хабаровске и Владивостоке. На вопрос: чем объясняется такой выбор? — нам отвечает главный вдохновитель и «двигатель» этого нелегкого мероприятия, председатель Союза журналистов России и член Общественного редакционного совета журнала «Миграция XXI век» Всеволод БОГДАНОВ:

Все просто — это я пытаюсь реализовать свою заветную мечту. У меня постоянно болит душа за судьбу нашей Сибири и Дальнего Востока. Великой ценой далось России освоение этих благодатных земель, а теперь они пустеют, обезлюдевают (за последние 20 лет население там уменьшилось почти на 20%) и стало уже общим местом говорить: Дальний Восток мы вот-вот потеряем… Ну разве можно с этим смириться?

В юности я работал на крайнем Севере и в Магадане. В те годы шло бурное обсуждение, что такое советская нация. Были здравые идеи и много всяких глупостей. Мне запомнился один человек, который прошёл огни и воды, неимоверные испытания, лагеря. Грузин по национальности и заместитель директора местного горного комбината по должности, он написал труд, который назвал «Колымская нация». Ничего он особого не придумал, просто приписал колымчанину все лучшие черты человека, прямо-таки по библейским заповедям. Но любопытно, что все это было правдой и сам он тоже вполне соответствовал идеалу. Он отбыл на Колыме свой длинный срок, но, освободившись, не уехал, остался там жить и работать.

Меня это поражало во многих. Казалось бы, освободившись, вчерашние «зэки» должны скорей уехать из проклятых мест, забыть их. А вот же наоборот — держались как примагниченные. С одной стороны, они не спешили возвращаться в родные края, потому что у многих сохранилась обида за пережитое там предательство. С другой стороны, в этом была какая-то особая верность этой многострадальной земле.

Я написал тогда очерк про одного словака, работавшего на автостанции Колымской трассы. Его привезли в ссылку 17-ти летним, столько же он отсидел, после лагеря мог уехать в свою благополучную Словакию, но не уехал. Сначала строил Колымскую трассу, потом автобазу, затем встретил девушку, которую полюбил. Здесь родились его дети. Рассказывая мне свою историю, он сказал фразу, которой я назвал очерк: «Сердце у человека одно». Он имел в виду привязанность к месту, поскольку считал себя сибиряком. Сердцем прирос человек к этой земле, на которой когда-то был «зэком», а теперь живёт как свободный человек. Мне они говорили, что нигде не чувствуют себя такими отчаянно свободными, как здесь, на Колыме. Такой вот «интеграционный» момент.

Тот факт, что сегодня с Дальнего Востока люди бегут, — трагедия для России. К мигрантам и переселенцам, которые едут сюда, надо относиться с особой заботой, как относятся к только что посаженному молодому деревцу, постоянно поливая и оберегая его. Только тогда деревце разрастётся и пустит корни вглубь. Так и человек, если ему помочь, вовремя поддержать…

Мне кажется, что тема миграции сегодня — одна из самых жизненно важных для России и достойна более серьезного освещения в СМИ. Нужно слышать и понимать проблемы «понаехавших» людей, которые приехали к нам с открытыми сердцами и надеждами, ведь это люди, которые могут стать настоящими патриотами России.

Мы собираемся открыть в Доме журналистов постоянно действующий круглый стол, где ученые в присутствии журналистов будут обсуждать самые острые, судьбоносные для России проблемы миграции. Думаю, необходимо вернуться к так называемому «русскому вопросу». Он сегодня актуален как никогда. Ведь русские, как и остальные нации бывшего Советского Союза, стремятся сегодня к самоидентификации. Это естественный и совсем не простой процесс, но очень опасно, когда этот поиск приводит к лозунгу: «Россия для русских». Знаете, по-моему, шовинизм всегда связан с комплексом неполноценности. Обидно, что из-за разных политических спекулянтов слово «патриотизм» стало чуть ли не ругательным. Вернуть важным словам и понятиям их подлинный смысл — задача честной журналистики.

Павел Полян

Мир въезжающему, или Человек на административном сквозняке

(Из предисловия к книге Виктора Переведенцева «Миграция в ритме времени»)

Этот ученый не смотрел на миграцию рыбьими глазами равнодушного аналитика... Некоторые его статьи сродни пророчеству

Виктор Иванович Переведенцев (далее В. И.) — географ по образованию, романтик по душевному строю, демократ по убеждениям, демограф и социолог по профессии, публицист по темпераменту и журналист по призванию!.. С его именем в советской и российской демографии и журналистике связана целая эпоха.

…Неоценим вклад В. И. в изучение миграций населения с их бесспорно огромной ролью в жизни общества. Он первым начал выводить из летаргии и заново возрождать это направление исследований, основательно захиревшее за 1930-е —1950-е гг. из-за строгих цензурных ограничений… Некоторые его статьи были сродни пророчеству: он, в частности, предвидел межэтнические кризисы в Средней Азии и в Закавказье и ратовал за то, чтобы государство заблаговременно и мягко стимулировало отток русскоязычного населения оттуда в собственно российские области. Но «заблаговременно и мягко» российское государство, по-видимому, не умеет. Одной из главных тем, а точнее мишеней В. И. был институт прописки: с нею, как и с закамуфлированной ее версией — регистрацией, он боролся всю свою жизнь.

Огромную просветительскую роль сыграла публицистическая деятельность В. И. Его статьи в массовой печати, отличавшиеся высоким профессионализмом и в то же время яркие и эмоциональные, были первым сигналом тревоги по поводу демографической ситуации в России, сигналом, который расслышала советская «читающая публика», а отчасти и начальство. Начиная с 1960-х гг. основной общественной трибуной В. И. была «Литературная газета» с ее многомиллионной аудиторией... В последние годы В. И. тесно сотрудничал с журналом «Новое время». В эту книгу вошли лишь некоторые из переведенцевских статей по миграционной проблематике, опубликованных в «Новом времени» между 2002 и 2006 гг… Лейтмотивом в статьях проходит мысль: «Перемена нынешней миграционной политики на прямо противоположную может сильно поправить будущее России, поможет избежать демографической трагедии».

В. И. не смотрит на эту ситуацию рыбьими глазами равнодушного аналитика, он глубоко взволнован ею и не жалеет сил, чтобы разъяснять и разъяснять власть предержащим суть проблемы и порочность ограничительной миграционной политики. Его статьи призывают к мудрости, толерантности и уважительности к приезжим.

Но власти слушают неохотно и в пол-уха: на гостеприимстве выборы не выиграешь. Им словно и невдомек, что мигрантофобия подрубает сук, на котором многое держится. А отвергнутые Россией «гастарбайтеры» обязательно найдут себе и иные гавани... Так что, хотя после публикаций статей В. И. прошло довольно много времени, они злободневны и сегодня.

Легенды и мифы о миграционном потопе. Что бывает, когда вопросами народонаселения занимается милиция

Виктор Переведенцев

Война против себя

В декабре 2002 года правительство РФ одобрило «Концепцию регулирования миграционных процессов в Российской Федерации», представленную МВД России. Это первая одобренная правительством миграционная Концепция на одиннадцатом году существования Федеральной миграционной службы (ФМС РФ).

Авторы Концепции неизвестны. Она не проходила ни научного обсуждения, ни государственной экспертизы — в отличие от предыдущего проекта, все это прошедшего (и весьма успешно), но почему-то правительством так и не одобренного.

Передо мной текст милицейской миграционной Концепции. Уже его начало вызывает удивление. Оценивая миграционную ситуацию, авторы Концепции утверждают: «Сокращается прирост постоянного населения России». Почти миллионная за год убыль населения России — это всего лишь «сокращение прироста»? Напомню, что в 2001 году естественная убыль населения России (перевес смертей над рождениями) составила 937 тысяч человек, а миграционный прирост — 72 тысячи. Общая убыль, следовательно, 865 тысяч человек (Демографический ежегодник России. 2002. С. 20).

Нужны ли России мигранты?

Ответ на этот вопрос определяет главное в миграционной политике: стимулировать ли приток мигрантов в Россию или противодействовать ему?

Специалисты-демографы с редким единодушием считают, что мигранты России не просто нужны, но абсолютно необходимы. По той простой причине, что без многомиллионного чистого миграционного притока (перевеса въезда в Россию над выездом из нее) население России будет стремительно сокращаться. Очень вероятно, что без притока извне население страны в ее нынешних границах к середине века составит всего 70 — 80 миллионов человек. И будет не просто старым, но дряхлым.

Казалось бы, очевидно: главной задачей государственной миграционной политики России должно быть привлечение мигрантов в страну и содействие лучшему их устройству здесь и всесторонней адаптации. Но в тексте Концепции МВД первая и главная задача миграционной политики обозначена совершенно иначе: «Обеспечение контроля за иммиграционными процессами в Российской Федерации, сокращение нелегальной иммиграции».

Вообще-то, против этих полицейских задач трудно что-либо возразить. Законопослушные граждане России и будущие ее граждане за порядок в миграционных делах. Только это никак не может быть главным в миграционной политике! «Война с нелегалами», как это часто называют, — задача второстепенная, а степень ее важности зависит от того, сколько у нас этих самых нелегалов и что это за нелегалы.

Никакого миграционного потопа в России и не было, и нет. Между тем приходилось слышать о каких-то десятках миллионов нелегальных мигрантов. Сошлюсь на цифры, опубликованные высокопоставленным чиновником, назначенным руково-

дить «совершенствованием миграционной политики», — Виктором Петровичем Ивановым, заместителем руководителя администрации президента: «...оценочно у нас сейчас находится в Российской Федерации порядка от 12 до 15 миллионов мигрантов. Многие из этой категории не связывают свое пребывание в России с постоянным проживанием здесь...» (Всероссийский чрезвычайный съезд в защиту мигрантов. М., 2002).

Похоже, что над составителями милицейской миграционной Концепции довлело именно это представление — о немыслимых миллионах нелегальных мигрантов, наводнивших страну из ново-

Игорь СМИРНОВ

го (ближнего) и старого (дальнего) зарубежья. На самом деле никакого миграционного наводнения не было. По данным Госкомстата, за 10 постсоветских лет в Россию прибыло много меньше мигрантов, чем за последнее советское десятилетие. Чистый миграционный прирост был значительным в первой половине 90-х годов, но затем стремительно уменьшался и почти прекратился.

Другая концепция

То же самое правительство, которое одобрило милицейскую миграционную концепцию, год назад, в сентябре 2001 года, обсуждало Концепцию демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года. Приведу выдержку из раздела, относящегося к миграции. Приоритеты здесь таковы:

- *«привлечение иммигрантов в Российскую Федерацию, в первую очередь — из государств-участников СНГ…*
- *создание экономических условий для сокращения эмиграционного оттока и сохранения научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала Российской Федерации;*
- *проведение комплекса правовых, организационных и финансовых мер, направленных на легализацию и адаптацию иммигрантов в Российской Федерации;*
- *совершенствование законодательства, касающегося защиты прав вынужденных мигрантов и регулирования миграционных процессов».*

Этот более ранний документ по сути прямо противоположен Концепции МВД. Хочу особо обратить внимание на слова о легализации мигрантов. Страны, где много нелегальных (то есть незаконно въехавших или незаконно оставшихся в стране) мигрантов, время от времени проводят легализацию незаконных (нелегальных) мигрантов или их амнистию. Так, например, в 1990 — 1994 годах США в среднем за год принимали по 1 млн. 209 тысяч мигрантов, в числе которых было по 439 тысяч (то есть более трети) легализованных. Для России проблема легализации незаконных мигрантов очень остра. Между тем в Концепции МВД упоминания о ней я не нашел. Нужна именно легализация, а не амнистия, которая в русском языке понимается как прощение виновных. Ни мигрант, скажем, из Казахстана, которого милиция почему-либо не прописывает, ни афганец, который вынужден был уйти в Россию вместе с «ограниченным контингентом», ни в чем не виновны. Нелегальность многих мигрантов в России создана искусственно — несовершенством федерального миграционного законодательства, собственной миграционной политикой субъекта федерации, чиновничьим произволом... Велика тут «заслуга» того же самого МВД. Предусмотренная законами отмена разрешительной прописки так и не произошла. А пропиской-регистрацией ведает именно МВД, его паспортно-визовая служба.

В Концепции МВД есть такая «задача», как «определение территорий, населенных пунктов, перспективных, а также не рекомендуемых для расселения мигрантов». Что это означает на практике, все, кто знаком с реальной миграцией, хорошо знают. Мигрантов стремились не прописывать в больших городах и их пригородах, хотя большинство приезжих были →

именно из больших городов. Напомню, что по переписи 1989 года половина всех русских Таджикистана проживала в Душанбе, а две трети русских Азербайджана — в Баку. Силами мигрантов собирались было «поднять сельское хозяйство Нечерноземья», то есть сделать столичных интеллигентов и высококвалифицированных городских рабочих трактористами и доярками, которых на закате СССР сильно не хватало в колхозах и совхозах Нечерноземья.

Предложенная МВД и одобренная правительством РФ новая Концепция регулирования миграционных процессов — близкий родственник реальной миграционной политики почившего советского государства. Одним из результатов этой политики было разрушение села в российском Нечерноземье. Поэтому сейчас мы едим не столько вологодское сливочное масло, сколько финское, везем картошку из Польши и т. д. Одним словом, как говорят люди с хорошим чувством юмора, сделали Европу и Америку аграрными придатками России.

Из-за этой политики уродливо развивались наши большие города, в которых жестко ограничивали прописку; из-за этого возникла категория лимитчиков и т. д. Были изуродованы судьбы миллионов людей (если даже оставить в стороне депортации народов).

И теперь нам опять предлагают концепцию манипулирования людьми.

А что на самом деле?

Летом прошлого года в Москве прошел Всероссийский чрезвычайный съезд в защиту мигрантов. В защиту от кого? От государства, разумеется. И особенно от представляющей его Федеральной миграционной службы и МВД. ФМС была создана в 1992 году. Ее задачей была помощь беженцам и вынужденным мигрантам, приезжающим в Россию главным образом из бывших союзных республик, защита их прав и интересов. В субъектах федерации были созданы ее рабочие органы. ФМС возникла не на пустом месте. Ее предшественником было Главное управление по сельскохозяйственному переселению и организованному набору рабочих при Совете министров СССР. Это упрощало создание службы и начало ее работы.

У ФМС всегда было много проблем, как и у других ведомств в сложный переходный период. В частности, из-за скудного финансирования, несовершенного законодательства, сепаратных миграционных политик субъектов федерации, чиновничьего беспредела и многого другого. Среди мигрантов было, естественно, много недовольства и конфликтов с миграционной службой. Но, хорошо ли, плохо ли, а ФМС работала. И немало сделала для переселенцев.

Потом ее начали «совершенствовать»: многократно реформировали, ликвидировали и воссоздавали, лишали самостоятельности, включали в одни ведомства и передавали в другие. В конце концов осенью 2001 года ее передали милиции, Министерству внутренних дел РФ, и назначили ее руководителем (пятым за три года!) заместителя министра генерал-полковника А. Черненко. Серьезных объективных причин милитаризации миграционной службы я не вижу. Добавлю, что все эти пертурбации на долгое время выключали ФМС из работы непосредственно с мигрантами.

В апреле 2002 года в Государственной думе прошли парламентские слушания по миграции. Они вызвали такой взрыв негодования самих мигрантов и всех, кто пытается им помочь — правозащитников, научных работников, юристов, — что созыв чрезвычайного съезда стал неизбежным. Он и состоялся в июне.

Это было незабываемое зрелище! Полтысячи почти во всем единодушных участников съезда в конференц-зале Совета Федерации сошлись в противостоянии с руководителем ФМС МВД генералом-полковником А. Черненко и заместителем главы администрации президента В. Ивановым.

Начинался съезд призывами к поиску согласия между переселенцами и государством, закончился же очень резкими резолюциями.

По настоятельному требованию съезда на него прибыл заместитель главы администрации президента РФ Виктор Иванов, назначенный руководить совершенствованием миграционной политики. Виктору Петровичу было задано два десятка вопросов, на большинство которых он не смог вразумительно ответить. Съезд был вынужден принять обращение по этому поводу к президенту РФ, в котором говорилось: «Участники съезда призывают президента РФ заменить руководителя Межведомственной рабочей группы по совершенствованию миграционного законодательства В. П. Иванова, который ... продемонстрировал абсолютную некомпетентность в порученной ему области».

Съезд выступил резко против передачи проблем миграции под юрисдикцию МВД и за «создание сильного самостоятельного ведомства по миграции и делам соотечественников с включением в его структуру паспортно-визовой службы».

С тех пор прошло несколько месяцев. В. П. Иванов не отозван, принята глубоко ошибочная Концепция, усугубляющая пороки государственной миграционной политики России, в миграционной ситуации все меняется в худшую сторону.

Такова неприглядная реальность.

Опубликовано в журнале «Новое время» 9 марта 2003 г.

Моя чужая война

«Рейс мира» от Уральских гор до мятежного Кыргызстана

Елена Смирнова
журналист (Екатеринбург)

Семь тысяч километров туда и обратно, скрючившись на сумках в машине сопровождения гуманитарного груза. Двенадцать суток в пути. Десять человек экипажа. Две фуры на 42 тонны еды и вещей — капля в море, которую мы везем в обожженный негаданной войной Ош. Пот и пыль. Тревога. Июль 2010 года. Для кого-то — мирное время.

«Молись! Русских пока не трогают»

Это не укладывалось в голове — из разомлевшего от жары Екатеринбурга ленивая мысль безуспешно пыталась зацепиться за ассоциацию со словом «война». Ощущение нереальности происходящего так и не пропало — даже после разговора с однокашником Сашкой, подвизающимся где-то в Москве при МИДе РФ, который как-то бесцветно, по-деловому, сообщил, что ему только что звонила мама, в Оше сейчас прямо под ее окнами идет автоматный бой: «Обстановка в данный момент очень сложная. Тут и там вспыхивают локальные перестрелки. На улицах собираются толпы. Мы следим за развитием событий. Есть опасение, что они будут развиваться по тому же сценарию, что и 20 лет назад». И, чуть помедлив, добавил: «Позвони своим, скажи, пусть не подходят к окнам и приготовят одеяла, на случай, если будут кидать бутылки с зажигательной смесью. Это все, что ты можешь реально сделать отсюда. И молись. Русских пока не трогают».

Первые сообщения о «локальном конфликте» в киргизских городах Ош и Джалалабад появились в российских СМИ, кажется, на вторые сутки после начала событий, 12 июня 2010 года. Рваное видео, выложенное в интернете, кровавым маревом пожаров плеснуло из центра Оша; до нашего старого дома оттуда — подать рукой. Неподалеку до сих пор живет бабушкина младшая сестра с семьей, там — двое малышей. Видно, как с той стороны валит дым. Рядом с домом, на площади, — БТР, «вертушка» эвакуирует пострадавших, люди в камуфляже и еще какие-то люди, без военной формы, но с оружием. И еще фото — четыре трупа, дети. Самому маленькому — лет пять.

Идею выдвинул «Уральский дом»

Решение организовать сбор помощи из Екатеринбурга пострадавшим в Киргизию было принято 15 июня 2010 года. Идею выдвинули Леонид Гришин и Рафаэль Серажидинов — лидеры общественной организации «Уральский дом». Это самая активная и успешная организация международного общественного движения «Форум переселенческих организаций». У них с давних времен имеется своя техника — огромный трейлер, полученный по рекомендации исполкома «Форума…» от одного доброго бизнесмена-лютеранина из Америки. С Киргизией и другими государствами СНГ «Уральский дом» связывает давнее сотрудничество по вопросам миграции — и годами выстраданные человеческие отношения. Именно поэтому в первые дни войны на «Уральский дом» обрушился шквал эсэмэсок и звонков от пострадавших в Оше.

Об этом, о многолетней правозащитной работе Леонида Гришина и Рафаэля Серажидинова, о том, что они просто не могли остаться равнодушными к чужому горю, я узнаю уже в пути — меня возьмут в «довесок» к гуманитарному грузу. Призыв о сборе гуманитарки официально прозвучит в СМИ 18 июня. Инициативу «Уральского дома» поддержат Татьяна Мерзлякова — уполномоченный по правам человека Свердловской области, узбекская и киргизская диаспоры на Урале и еще →

«форумцы» — Александр Луканин, руководитель уральской компании «Миграторика», Наталья Тагильцева, идейный вдохновитель общественной организации «Правовая защита», и Нурзида Бесингер, руководитель информационного правозащитного центра. Не заставит себя ждать и реакция обычных свердловчан: уже к вечеру в парадном «Миграторики» появятся первые игрушки для пострадавших детей, а на городских интернет-порталах — скупые слова сочувствия на фоне высказываний о «чужой войне в чужой стране, которая получает по заслугам».

К этому времени в Оше счет раненым и растерзанным, сожженным заживо перевалил за сотни. Ошалевшая орда, подогреваемая националистическими лозунгами, не щадит ни детей, ни беременных женщин, ни стариков. Тысячи беженцев, бросив свои дома, уже толпятся на киргизско-узбекской границе. Те, кто остался в городе, не выходят на улицу даже за едой и водой, которые на исходе. Среди них и мои бабушка с дедушкой. И еще несколько тысяч этнических россиян, живущих в Оше, в основном — инвалиды и старики. У деда инсульт. Может быть, это даже хорошо, что он не понимает, что происходит вокруг. Иначе как бы он, ветеран Великой Отечественной, сам себе объяснил, чья это война? На улицах убивают по национальному признаку — за то, что у тебя другой разрез глаз.

42 с половиной тонны гуманитарного груза из Екатеринбурга в Ош были собраны меньше чем за две недели. Мука, крупы, растительное масло — куплены на деньги узбекской диаспоры. Одежду и игрушки несли в пункты сбора простые уральцы. Детский лагерь «Юность» из-под Ревды (Свердловская область) передал для детей рисунки о мире. Киргизская партия «Замандаш» взяла на себя аренду одной из фур. Участие в решении оргвопросов принимает уральский омбудсмен, а также генконсульство Республики Кыргызстан в Екатеринбурге. Имя акции — «Рейс мира». Решено, что гуманитарный груз «Уральский дом» повезет сам — чтобы в Оше помощь не ушла «из-под полы». Девизом стал лозунг «Форума переселенческих организаций»: «От сердца к сердцу, из рук в руки».

Для Леонида Гришина и Рафаэля Серажидинова этот «Рейс мира» — третий. Первые два были в Чечню — в 2001 и 2003 году. По пути гуманитарный конвой останавливался в 11-ти городах, где «форумские» организации также собирали продукты и вещи, проводили уроки толерантности в школах — дети писали письма «Незнакомому чеченскому другу». Как потом оказалось, именно эти письма дети чеченской войны приняли, как самый дорогой подарок… В каждом городе, куда прибывал рейс, устраивались митинги. В 2001-ом году у «Форума…» начинались добрые отношения с МВД, в ведение которого только что была передана ФМС; по распоряжению тогдашнего замминистра В. А. Васильева, в каждом городе рейс встречала и сопровождала до следующего города милицейская охрана. Это было весьма важно на трудных зимних дорогах — подарки спешили к Новому году.

Тронулись в путь

Старт нашего рейса, намеченный на 8 июля, срывается. Сначала никак не удавалось найти нужную сумму денег на бензин. Потом проволочка на 9 дней из-за хлопот с таможенным оформлением. Все это время «Уральский дом» почти живет на таможне. Счет идет на часы: каждый день ожидания прибавляет к жизни по месяцу. Все документы, разрешающие вывоз гуманитарного груза, получены, наконец, в одиннадцатом часу ночи 16-го июля. Днем — в дорогу.

Отъезжаем от Площади 1905 года, центра уральской столицы, под прицелами телекамер и с конвоем ГИБДД. В экипаже десять человек, из них пятеро — водители. Впереди три с половиной тысячи километров транзитом через Южный Урал, Казахстан и горные перевалы Киргизии. На руках — списки реальных пострадавших, переданные в Екатеринбург из сожженных районов. Часть груза — адресные посылки для конкретных людей от родственников и близких. Согласно плану, в Оше будем через четыре дня — 21 июля.

Кроме лидеров «Уральского дома», в основном экипаже — Александр Луканин и Дильмурод Мирзаев, екатеринбургский узбек, предприниматель и представитель своей национальной диаспоры. Он также откликнулся на призыв «Уральского дома», услышав о рейсе в новостях. Заложниками ситуации в Оше стали мать и двое сыновей Дильмурода. Александр Луканин — соратник и давний друг «Уральского дома», поддержал идею миссии сразу. Вместе с гуманитарным грузом в Ош едут и игрушки его четырехлетней дочки.

Южноуральский таможенный пост «Бугристое» остается позади через десять часов. Проверка фур и документов на казахской границе крадет еще порядка двенадцати часов. Минивэн сопровождения вырывается на свободу только под утро, а фур с гуманитарным грузом все нет — кто-то упорно не хочет нас пропускать. Странно, потому что здесь о рейсе уже должны знать и ждать — транзит гуманитарной помощи через Казахстан контролирует лично местный замминистра иностранных дел. Из таможенного плена нас освобождают сотрудники Международной организации по миграции в Казахстане.

«Уральский дом» открывает дорожный счет бессонных ночей; Леонид Александрович, который все это время общался с казахскими таможенниками, пьет таблетки от давления. Впрочем, остальной экипаж выглядит не лучше: нервный сидячий сон в машине дает о себе знать.

Стараясь наверстать упущенное время, идем с максимальной скоростью — в сопровождении джипа с дипномерами и дорожной

«Рейс мира» в пути

полиции. Жара — расплавленный асфальт чавкает под колесами. Короткая передышка в Кустанае, следующий пункт назначения — Астана, утром там пресс-конференция. К казахской столице прорываемся глубокой ночью по бездорожью — местные гаишники ведут нас окольными путями, напрямик по степи. Пыль забивает глаза и нос. Впереди — еще 100 таких километров. Невозможно дышать, не говоря о том чтобы вести машину. Однако наша колонна продвигается вперед. Позади остаются Астана, Балхаш и Караганда. Чуйская долина встречает нас политическим плакатом со словами «толерантность» и «транспарентность». Становится как-то неудобно перед казахскими коллегами, что второе очень умное слово никому не знакомо. Зато киргизская граница все ближе.

Народная дипломатия в действии

Последняя остановка — в 50 километрах от кордона. Завидев фуры с гуманитарной символикой, рядом останавливаются несколько встречных микроавтобусов. Каждый рассчитан на семь-восемь пассажиров, но внутри — по два десятка человек, женщины, дети, мужчины. Это этнические узбеки, ошане. «Только не фотографируйте!» — 30-летний узбек, отворачиваясь от камеры, говорит, что он с семьей едет в Россию. Документов нет — сгорели вместе с домом, денег тоже нет — на перевале Бишкек-Ош напали мародеры. «Доберемся до Казани, или до Екатеринбурга, или до Москвы — там видно будет, что делать. Главное, что в России не убивают».

Наши мужчины заметно мрачнеют. Согласно подсчетам, дата прибытия в Ош совпадает с сороковым днем траура по погибшим — есть реальные опасения провокаций и второй волны межэтнических беспорядков.

В Бишкек въезжаем затемно, потратив на досмотры четыре часа. Выбиваемся из графика уже на трое суток, за спиной — шесть дней пути. Перед сном Леонид Александрович, как руководитель конвоя, вызывает всех нас на беседу и дает четкие инструкции. По территории Кыргызстана двигаемся исключительно группой. Никто не выходит из машин без команды, держим друг друга на связи. Никаких эмоциональных высказываний в адрес местного населения. Никаких оценок ситуации: наша цель — помочь тем, кто реально пострадал, независимо от национальности, в первую очередь детям. Жесткая субординация и армейская дисциплина.

Завтра — день народной дипломатии. Все совсем не просто. Наутро — еще одна пресс-конференция, под эгидой омбудсмена Киргизской Республики Торсунбека Акуна. К журналистам нас выпускают после личного общения за чашкой чая и закрытыми дверями — настраиваемся на толерантность. Право первого и последнего слова берет заместитель главного правозащитника Кыргызстана Токтокан Боромбаева. Она же вылетает в Ош самолетом, чтобы лично присутствовать при распределении гуманитарной помощи, которую мы везем.

Последняя встреча в Бишкеке перед рывком в горы — с главой миссии МОМ в Центральной Азии Златко Жигичем. Уже ясно, что без его поддержки мы вряд ли бы уехали дальше российско-казахской границы. А впереди — три перевала через серпантин в сопровождении конвоя МЧС Кыргызстана и слухи о том, что в горах неспокойно. Вместо запланированных двенадцати часов фуры ползут по горам ровно сутки. Наконец — Ош.

Блокпост на въезде в поселок Фуркат. Комендантский час. Вооруженные молодые люди в камуфляжных штанах и черных футболках без опознавательных знаков изучают российские документы полчаса. Все это время экипаж находится под прицелом автомата. Появляются реальные опасения потерять гуманитарную помощь. Но вдруг нас пропускают. Позади — еще семь таких блокпостов.

Утром в Оше — пресс-конференция в Министерстве чрезвычайных ситуаций Киргизской Республики с заместителем министра, генералом Мукамбетом Касымалиевым. Никаких эмоциональных оценочных комментариев. Генерал выстраивает дискуссию вокруг детских рисунков о мире.

После — визит в ошскую мэрию. На крыльце нас берут в кольцо какие-то женщины. «Нам не нужны миротворцы, у нас все хорошо!» — энергичная гражданка напирает на Леонида Александровича. По его лицу пробегает тень. Спустя пару фраз выясняется — это киргизские женщины, потерявшие во время массовых беспорядков своих сыновей, братьев, мужей. Требуют найти тела погибших родных и протестуют против ввода в Ош полицейских ОБСЕ. Узнают, что мы просто →

привезли гуманитарную помощь, бескорыстно. Агрессия опадает, выражение лиц меняется. Через несколько часов отгружаем для потерпевших в палаточный городок на площади возле мэрии триста килограммов муки, несколько мешков макарон и растительное масло.

На приеме в горадминистрации техруководитель нашей миссии Рафаэль Сержидинов просит вице-мэра загнать полные фуры в надежное место, чтобы не создавать лишнего ажиотажа при раздаче гуманитарной помощи. Ответная просьба — предоставить списки пострадавших, согласно которым будут распределяться продукты. Фуры загоняют на базу южной группировки войск.

Мы сделали это…

Первые получатели гуманитарной помощи уже оповещены. Жестко подгоняет время — из-за срыва в графике можно задержаться в Оше только на двое суток. К концу первого рабочего дня одна из фур почти опустела. Саша и Леонид Александрович по просьбе грузополучателей уезжают в качестве сопровождения вместе с отгруженной мукой в пострадавшие районы. Впереди еще две поездки — в детский оздоровительный лагерь, который превратился во временное пристанище для нескольких десятков семей беженцев, и в уже знакомый поселок Фуркат. Ехать туда без военного сопровождения местные журналисты отказываются наотрез. Раздаем гуманитарную помощь сами, без лишней шумихи. В лагере остается и наше послание мира — детские рисунки от маленьких уральцев.

Второй день в Оше, поездки по микрорайонам, которые приняли на себя основной удар агрессии. На фоне руин — пестрая толпа, есть и русские. Внимательно слушают Токтокан Боромбаеву, которая говорит то на киргизском, то на русском. В ответ «Уральскому дому» летят слова благодарности и пожелания здоровья и счастья.

На главной площади г.Ош. Слева направо: Дильмурод Мирзаев — лидер Ошской общины г. Екатеринбурга, Леонид Гришин — председатель «Уральского дома», Александр Луканин — руководитель фирмы «Миграгика»

Самым невозмутимым в пути был, пожалуй, Рафаэль Сержидинов («Уральский дом»)

Когда почти все продукты уже розданы адресатам, раздается звонок от главы местной русской диаспоры. Мы безуспешно пытались связаться с ним два дня. В ответ на просьбу свести с инвалидами и ветеранами — теми, кто особо нуждается в поддержке, — он предлагает выдать продукты ему, а он сам все распределит. Но мы не можем нарушать свой принцип: из рук в руки. Тогда глава русской общины Оша отказывается от помощи. Позже мы находим с десяток русских семей самостоятельно. О том, что в Оше существует русская диаспора, они слышат впервые. Остатки гуманитарки отдаем в Джалалабаде местным правозащитникам, которых лично знает «Уральский дом».

Почему мне не было страшно

За последние три дня наш экипаж полностью вымотан. Сердце иссушено чужим горем. А меня словно отбросило на 20 лет назад, в детство. То ли во сне, то ли наяву я снова ощущаю себя маленькой девочкой и будто снова живу в Оше и вокруг опять убивают — узбеков, киргизов, русских. Мы, дети, не понимаем, что к чему и воспринимаем происходящее как игру взрослых. Тогда ошские погромы потрясли весь Советский Союз. Но мне, ребенку, не было страшно — рядом были еще полные сил бабушка и дед, и я знала: они защитят, что бы ни случилось.

…На этот раз мне тоже не было страшно. Наверное, потому, что за меня боялись наши мужчины. Настоящие, отважные, искренние — Леонид Александрович Гришин, Рафаэль Гайсанович Сержидинов, Саша Луканин. Эти трое, жившие в советское время в Казахстане и вынужденные после развала Союза бросить все нажитое и бежать в Россию, имеют особую человеческую закалку. Каждому из них пришлось начинать на Урале жизнь с нуля. Наверное, благодаря этому у них в характере есть редкая в наше время отзывчивость на чужую боль и готовность подставить плечо тому, кто рядом. Встреча с этими людьми для меня — как подарок судьбы. Наш рейс (он по праву назывался «Рейс мира») — тоже подарок. На всю жизнь.

Приказ ФМС России
от 21 июля 2010 г. 227

Об утверждении нового состава Общественного совета при Федеральной миграционной службе

СОСТАВ
Общественного совета при Федеральной миграционной службе

Председатель Общественного совета:
ВОЛОХ Владимир Александрович — заместитель заведующего кафедрой управления миграционными процессами Института государственного управления и права Государственного университета управления, кандидат политических наук.

Члены:
АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна — заведующая отделом правовых проблем Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент;

АРБЕКОВ Василий Александрович — вице-президент Международного общественного Фонда "Правопорядок-Центр";

АРСЛАНОВ Марат Рафаильевич — заместитель директора Департамента социально-благотворительной и духовно-просветительской деятельности Совета Муфтиев России;

БАРЦИЦ Игорь Нязбеевич — заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

БОРОДА Александр Моисеевич — председатель Федерации еврейских общин России, заместитель главного раввина России;

ВОДЯНОВ Николай Анатольевич — заместитель председателя профсоюза работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации;

ГРАФОВА Лидия Ивановна — председатель исполкома Форума переселенческих организаций;

ГУСМАН Николай Оскарович — президент-Председатель правления АКБ "Русславбанк" (ЗАО);

ДЖУРАЕВА Гавхар Кандиловна — президент общественного межрегионального фонда "Таджикистан", руководитель информационно-правового центра "Миграция и право";

ДОБРОДЕЕВ Александр Алексеевич — заместитель заведующего сектором по взаимодействию с МВД России синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, протоиерей;

ЗАЙОНЧКОВСКАЯ Жанна Антоновна — заведующая лабораторией миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН; кандидат географических наук;

ИВАХНЮК Ирина Валентиновна — заместитель заведующего кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук;

КЛИМЕНКО Андрей Витальевич — проректор Государственного университета Высшая школа экономики, директор Института государственного управления ГУ ВШЭ, заведующий кафедрой теории и практики государственного управления, профессор, кандидат экономических наук;

КРЫЛОВ Константин Давыдович — президент Московского общества трудового права и права социального обеспечения, доктор юридических наук, профессор;

КУРДЮМОВ Николай Викторович — председатель совета Международного альянса "Трудовая миграция";

МОСКВИНА Марина Валерьевна — директор департамента трудовых отношений и рынка труда Российского Союза Промышленников и предпринимателей, генеральный директор Координационного совета работодателей России;

МУЖЕНСКИЙ Владимир Ильич — председатель Общественно-консультативного совета при Управлении Федеральной миграционной службы по Воронежской области, генеральный директор ООО "Мигрант-Партнер";

МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич — заведующий сектором изучения ксенофобий и предупреждения экстремизма Института социологии РАН, доктор социологических наук;

ПАРАСКЕВА Светлана Бальжиновна — президент Национального (экспертного) Совета по развитию малого и среднего предпринимательства при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, кандидат экономических наук;

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич — заведующий отделом социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, доктор экономических наук, профессор;

ТОПИЛИН Анатолий Васильевич — директор Центра Института макроэкономических исследований Минэкономразвития России, доктор экономических наук, профессор;

ТЕРНОВСКИЙ Ярослав Александрович — председатель Совета общероссийского общественного движения "Католическое наследие", член Общественной палаты Российской Федерации;

ТИШКОВ Валерий Александрович — директор Института этнологии и антропологии РАН, действительный член Российской академии наук, член Общественной палаты Российской Федерации;

ШАПОШНИКОВ Владимир Петрович — председатель Российского профсоюза работников строительных специальностей и сервисных организаций Объединения профсоюза СОЦПРОФ, проректор Государственной академии повышения квалификации и переподготовки кадров для строительства и жилищно-коммунального комплекса России;

ЮДИНА Татьяна Николаевна — декан факультета повышения квалификации и дополнительного профессионального образования Российского государственного социального университета, доктор социологических наук, профессор.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ПРОФСОЮЗ ТРУДЯЩИХСЯ-МИГРАНТОВ

- ☑ ЗАЩИТА СОЦИАЛЬНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ МИГРАНТОВ
- ☑ КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНАЯ ПРОГРАММА “ЛЮБИТЕ РОССИЮ“
- ☑ ПРОГРАММА “ЗДОРОВЬЕ МИГРАНТА”
- ☑ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СЕМИНАРЫ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПРОФСОЮЗА И ТРУДЯЩИХСЯ МИГРАНТОВ

101000, г. Москва,
ул. Мясницкая, д.18, к.401
www.profmigr.com

СХЕМА ПРОЕЗДА

ЕДИНАЯ СПРАВОЧНАЯ СЛУЖБА (495) 772-31-69